

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Исторический факультет

Кафедра всеобщей истории

Нацистская политика геноцида на оккупированных территориях СССР

Материалы международной научно-практической
конференции

7–8 декабря 2012 г.

Брест 2014

УДК [94(47):343.337.5]“1941/45”

ББК 63.3(2)622-08-38

Н 35

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Учреждения образования «Брестский государственный
университет имени А.С. Пушкина»*

Рецензенты:

заведующий кафедрой социально-политических и исторических наук
УО «Брестский государственный технический университет»,
кандидат исторических наук, доцент

А.В. Моцук,

профессор кафедры истории славянских народов,
доктор исторических наук, профессор

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

А.А. Горбацкий

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук, доцент Е.С. Розенблат (гл. ред.),

доктор исторических наук, профессор М.Э. Чесновский,

кандидат исторических наук, доцент И.Э. Еленская,

кандидат философских наук, доцент Н.П. Галимова,

кандидат исторических наук, доцент Л.В. Харичкова,

кандидат исторических наук, доцент Е.И. Пашкович

Техническое редактирование и верстка:

Н.И. Кравчук

Нацистская политика геноцида на оккупированных территориях СССР : сборник материалов междунар. науч.-практ. конф. ; Брест, 7–8 декабря 2012 г. / Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина ; редкол.: Е.С. Розенблат (гл. ред.) [и др.]. – Брест : БрГУ, 2014. – 224 с.

В сборник включены материалы докладов, представленных на международной научно-практической конференции «Нацистская политика геноцида на оккупированных территориях СССР». Исследователями из Беларуси, Украины, России, Литвы и Польши рассмотрены проблемы геноцида в годы Второй мировой войны в историческом образовании и историографии, история Холокоста и локальные истории геноцида.

Адресуется научным работникам, ученым, преподавателям и студентам вузов, всем, кто интересуется актуальными проблемами исторической науки и геноцида в частности.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Проблема геноцида в годы Второй мировой войны	5
<i>А.П. Касперавичюс</i> Геноцид в Литве: историческая память и историография	5
<i>В.В. Зданович</i> Беларусь в период немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны: основные направления современной белорусской историографии	20
<i>Я.Е. Милевский</i> Вторая мировая война – смена символов и мест памяти в Польше после 1989 г.	39
<i>Е.С. Розенблат</i> Геноцид и Холокост: основные проблемы терминологии	44
<i>И.Э. Еленская</i> Почему немцы ненавидели евреев? Устная история о причинах Холокоста	56
<i>М.И. Тяглый</i> Эволюция антицыганской политики в рейхскомиссариате «Украина» весной – летом 1942 г.	63
Раздел 2. Локальные истории геноцида. История Холокоста	74
<i>И.Л. Йегуди</i> Некоторые замечания об истоках и мотивации еврейского коллаборационизма в годы нацистского геноцида евреев	74
<i>В.С. Спирин</i> Очевидцы о нацистской оккупации в Брестском и Дубровинском районах	90
<i>С.В. Ткачев, О.А. Клименко</i> Украинцы в полиции. Немецкий оккупационный режим на Кременеччине 1941–1944 гг.	104
<i>Р.Р. Хисамутдинова</i> Судьба советских людей в немецком плену в годы Великой Отечественной войны	117

И.В. Реброва

«Еврейский вопрос» на Кубани в официальных документах военного времени: анализ идеологических, смысловых и временных штампов 127

В.А. Шалдова

Социальная память и социальные представления о Холокосте у русских и латышей, живущих в Латвии 132

**Раздел 3. Нацистский оккупационный режим в Беларуси и Европе.
Проблема геноцида в исторической памяти 141**

М.С. Довгялло

Политика геноцида славянского населения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в годы Второй мировой войны 141

С.Л. Казлова

Рэалізацыя нацысцкіх каланізацыйных планаў у адносінах да сельскага насельніцтва Заходняй Беларусі (1941–1944 гг.) 147

С.У. Грыбава

Стаўленне гітлераўцаў да татарска-мусульманскага насельніцтва Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны 159

Е.А. Соколова

Оккупационный режим – орудие осуществления преступных планов немецко-фашистских захватчиков 172

Т.І. Баталка, В.Я. Бездзель

Генацыд дзіцячага насельніцтва на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.)..... 186

Л.П. Никитенкова

Судьбы малолетних узников нацизма (по воспоминаниям моей матери) 201

Т.П. Савчук

Памятники Великой Отечественной войны в Беларуси: история и современность 209

О.В. Богомаз

Устная история как источник по истории повседневности в период Великой Отечественной войны 219

Раздел 1

ПРОБЛЕМА ГЕНОЦИДА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

УДК 930(474.5)

А.П. КАСПЕРАВИЧЮС

Литва, Вильнюс, Вильнюсский университет

ГЕНОЦИД В ЛИТВЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИОГРАФИЯ

В XX веке Литва пережила только один геноцид – Холокост ее еврейского населения в годы нацистской оккупации (1941–1944). Это следует подчеркнуть, поскольку в нынешнем законодательстве Литовской Республики понятие «геноцид» трактуется иначе, расширенно, в отличие от всех других государств мира [1, с. 112]. Если в Конвенции Организации Объединённых Наций (ООН) от 1948 г. геноцидом названы любые действия, произведённые с целью уничтожить всю или часть национальной, этнической, расовой или религиозной группы, то в Уголовном кодексе Литвы 71 статья определяет геноцид как «действия, которые направлены на физическое уничтожение всего или части населения, принадлежащего к какой-либо национальной, этнической, расовой, религиозной, *социальной* или *политической* (выделено мною. – А. К.) группе» [2, с. 70].

Соответствующее определение геноцида впервые было сформулировано еще в законе 1992 г. «Об ответственности за геноцид Литвы» с целью подвести под такое понятие все репрессии и депортации советской власти, начиная с лета 1940 года. При обосновании «литовской» трактовки термина «геноцид» подчеркивается, что включению в конвенцию 1948 г. понятия «социальные и политические группы» воспрепятствовал в Организации Объединённых Наций Советский Союз, что соответствует правде лишь частично. В 1948 году «холодная война» была в разгаре, и обе стороны конфликта принимали усилия использовать дебаты о Конвенции в своих интересах, не гнушаясь лицемерия. Советский Союз безуспешно добивался включения в Конвенцию формулировки о «национально-культурном геноциде», хотя такой же проводился в самом СССР по отношению к еврейской культуре на языке идиш [3, с. 505].

Что касается литовского определения геноцида, то можно спорить, что стало причиной его своеобразия. Стремления правых политических сил во главе с В. Ландсбергисом выставить в самом неприглядном свете левых – преемников компартии Литвы или, как считают некоторые еврейские историки и общественные деятели, приуменьшить ужасы Холокоста в Литве и участие литовцев в преступлениях? Возможно, имело место переплетение

обоих мотивов. В любом случае недовольство еврейской общественности литовским определением термина «геноцид» можно понять. Сталинские репрессии не были нацелены на уничтожение литовцев как народа, они не проводились в виде массового поголовного расстрела жителей какой-либо местности. Также сухие цифры статей о местечках Литвы в современной «Всеобщей Литовской энциклопедии» свидетельствуют о разном характере двух прискорбных явлений. Например, в статье о городке Йосвайняй, который находится к северу от Каунаса, пишется: «В 1941 г. по приказу немецких оккупационных властей было уничтожено около 280 жителей, почти все из них – евреи. В 1941, 1947–1949 гг. было депортировано из Йосвайняй 28 жителей» [4, с. 736]. В городке Меркине на юге Литвы, где после войны активно действовали антикоммунистические партизаны, «...в 1941 г. по приказу немецких оккупационных властей было истреблено около 3000 евреев (не одних только жителей Меркине – *А. К.*) <...> В 1941 и 1944–1952 гг. советская власть выслала 93 жителя Меркине» [5, с. 711]. Разумеется, послевоенные репрессии не сводятся к одним только депортациям, множество литовцев были отправлены в лагеря. Тем не менее, это репрессии и террор, но не геноцид.

Литва была оккупирована немецкими войсками уже до конца июня 1941 года, поэтому Холокост начался раньше, чем в любой другой части СССР. Всего было уничтожено 195 000–200 000 литовских евреев, окончания войны дождались только 7 000–12 000 [6, с. 620]. Впервые в истории Литвы за такое короткое время было уничтожено столько людей. Знаменитые своей культурой и историей евреи Литвы (литваки) оказались на пороге исчезновения. Естественно, что «нет Гитлера, нет Холокоста», массовое уничтожение евреев могло произойти только в условиях нацистской оккупации, но в отличие от Польши и Белоруссии участие местного населения (литовцев) в этом преступлении было весьма значительным. То же самое происходило и в Латвии. Во многих местечках Литвы евреи были уничтожены преимущественно «местными силами», часто без прямого участия немцев, а иногда даже немцев в качестве наблюдателей. Количество убийц, многие из которых отличались омерзительным садизмом, составляло 2–3 тыс. человек [7, с. 200]. Однако непосредственно с Холокостом были связаны чиновники разрешенного нацистскими оккупантами местного самоуправления городов и уездов, которые распределяли имущество евреев, прежде всего недвижимость и менее ценное движимое имущество. Ценные вещи становились собственностью III Рейха.

Абсолютное большинство литовского населения оставалось, применяя классификацию крупнейшего историка Холокоста Р. Хильберга, свидетелями наиболее страшного события истории Литвы XX века. Убийцы евреев среди них пользовались, мягко говоря, плохой репутацией,

к ним приклеилась презрительная кличка «žydšaudis», т.е. тот, который расстреливал евреев. Эта кличка прочно закрепилась в исторической памяти литовцев. Именно литовцев, поскольку в последние годы отдельные публицисты приписывают евреям изобретение оскорбительной для всех литовцев клички.

Во второй половине 1944 г. Красная Армия изгнала немецких оккупантов, в Литве началась ресоветизация. В её первые годы, почти до 1948 г., печать, среди прочего, с целью разоблачения коллаборантов, т. н. «литовско-немецких националистов», относительно много писала об уничтожении евреев. Литовская печать тогда, в отличие от более поздних публикаций, национальности жертв Холокоста не скрывала под названием «советские люди». Вместе с тем НКВД и НКГБ (в 1946 г. народные комиссариаты были переименованы в министерства) проводили аресты и передавали в суды дела лиц, обвинённых в измене Родине, сотрудничестве с врагом, контрреволюционных и прочих тяжких преступлениях, включая участие в массовых убийствах. Последнее преступление было неразрывно связано с «изменой Родине», поскольку убийцы еврейского населения в основном являлись участниками вооружённых «антисоветских» групп, многие из них были участниками восстания в Литве против отступавших частей Красной Армии.

Необходимо отметить, что, несмотря на резкое изменение отношения властей СССР к евреям, выявление и судебное преследование участников Холокоста не прекращалось до конца восьмидесятых годов. В 1944–1980 гг. органы государственной безопасности Литовской ССР возбудили 1 900 уголовных дел по преступлениям, совершенным в период нацистской оккупации. Часто за уничтожение евреев, называемых обычно советскими гражданами, суды определяли смертную казнь. В 1944–1947 гг. было казнено 257 преступников, а в 1950–1969 гг. еще 40 [7, с. 329].

Особо следует выделить судебные процессы 1962 года в Вильнюсе и в Каунасе. На них обвинялись также участники массовых убийств, которые в 1944 г. бежали в гитлеровскую Германию, а через несколько лет переселились в США и Канаду. Среди них самым «знаменитым» был бывший командир карательного 1-го полицейского батальона Антанас Импулявичюс. Его батальон «прославился» варварским уничтожением еврейского населения Белоруссии и казнями белорусского населения, подозреваемого в помощи советским партизанам. В сентябрьском процессе в Каунасе к расстрелу было осуждено 8 участников массовых убийств евреев, в октябре в Вильнюсе – 9 служащих 1-го полицейского батальона за преступления на территории Белоруссии. Самого А. Импулявичюса осудили на смертную казнь заочно: власти США отказались выдать его Советскому Союзу [8, с. 207].

Процессы 1962 года имели и пропагандистские цели – дискредитацию литовской эмиграции на Западе, но обвинения были предъявлены за реальные преступления. Бежавшие из Литвы участники массовых убийств поселились на Западе, в основном в США. Американская юстиция игнорировала все доказательства преступлений, которые поступали из Москвы. Такие обвинения объявлялись «коммунистической пропагандой» и провокациями КГБ. Участие или даже сомнительное содействие Холокосту стало в США преступлением только после распада СССР. Раньше не только в США, но и в Великобритании, Австралии, Канаде подозреваемые проживали спокойно. Повинуясь логике холодной войны и антикоммунизма англосаксонская Фемида претворялась глухой и слепой.

В советской же Литве всех участников Холокоста постигла заслуженная кара. Даже в начале 1980-х годов один пожилой житель деревни Друблёнис Ширвинтского района был вызван в районное отделение КГБ, где ему предъявили документы, свидетельствующие об участии в расстрелах евреев. Отпущенный домой до начала судебного расследования названный гражданин покончил с собой – повесился [9, с. 46]. Эта смерть не вызвала большой скорби соседей: он был замкнутым и грубым, а еще стало известным его постыдное «*žydšaudžio*» прошлое.

Опросы касательно отношения к палачам Холокоста в Литве, естественно, не проводились, но крестьяне моей родной деревни Берчюнай Паневежского района гордились тем, что ни один её житель не участвовал в уничтожении евреев. В моей памяти запечатлелось, как бывший заключенный Воркуты, приговоренный в 1944 г. к смертной казни (замененной на 25 лет «исправительно-трудового» лагеря) советским военным трибуналом за руководство отрядом повстанцев в июне 1941 г. и амнистированный в хрущевские времена, возмущался, что его путают с одноимённым однофамильцем. Этот гражданин действительно участвовал в убийствах евреев. Бывший узник-шахтер говорил, что предвидя использование отряда для истребления еврейского населения города Паневежис, он отказался от командования под предлогом заботы о своём хозяйстве. Его преемник, при котором многие члены отряда, включая его самого, охраняли место уничтожения евреев, в конце 1944 г. был расстрелян [10, с. 18].

Судебные процессы над участниками массовых убийств проходили еще в 1964–1967 гг., к смертной казни с конфискацией имущества было осуждено несколько преступников, остальные – к пятнадцатилетнему заключению. Процессы широко освещались литовской советской печатью, но жертвы лишь изредка назывались евреями, обычно же – «советскими людьми». Было издано несколько пропагандистских брошюр, в которых среди прочего обвинялись, часто безосновательно, видные деятели литовской эмиграции на Западе.

Вместе с тем в свет был выпущен двухтомник архивных документов [11], изданный тиражом в 12 тыс. экземпляров, который сохраняет познавательную ценность и поныне. Составители сборника не придерживались строгих правил источниковедения о публикации архивных документов, но фальсификацией не занимались.

Из этого сборника литовская общественность получила возможность составить себе более-менее полное представление о массовом уничтожении людей, прежде всего евреев, в годы нацистской оккупации. Не только евреев, потому что в конце июня и почти до середины августа происходила кровавая вакханалия убийств коммунистов, комсомольцев, служащих советских учреждений и даже ни в чём не повинных людей, почему-то подозрительных «партизанам» (т.е. участникам июньского восстания), которые самочинно образовали власть в литовской провинции. Количество жертв этого периода – литовцев и русских – около 2 тысяч, но арестовано было намного больше. Дело дошло до того, что немецкие оккупационные власти провели проверку мест заключения и большое количество арестованных неевреев было освобождено.

Пропагандистские штампы в сборнике присутствовали, но они не уменьшали достоверность источников. С другой стороны, в местах массовых убийств и захоронений их жертв ставили лишь столбы с соответствующей надписью и дальше не заботились об их сохранении в надлежащем порядке. В сентябре 1984 г. с группой студентов я находился на сельскохозяйственных работах в одном из колхозов Пакруойского района на севере Литвы. В свободное от работы воскресенье бродил по окрестностям и в середине луга, примыкающего к небольшой роще, заметил поросший лопухом и клочок высокой травы. Подойдя поближе, среди травы заметил невысокий узкий столб с прикрепленной, покрашенной в белый цвет жестяной табличкой. Надпись на литовском гласила, что на этой поляне (наверное, тогда роща окружала луг со всех сторон) немецкие фашисты и их пособники – литовские буржуазные националисты – уничтожили 150 советских людей. Очевидно, что луг косился, а клочок вокруг памятного знака оставался без всякого присмотра [12, с. 23]. Такое положение с увековечиванием памяти жертв Холокоста было почти по всей Литве, за исключением Вильнюса и Каунаса. Там, в местах, где массовые убийства проводились почти до самого конца нацистской оккупации, существовали музеи – Панеряй и IX форта. Однако на воздвигнутых памятниках жертвы были обозначены как советские люди. На самом деле там расстреливались также поляки, русские, литовцы и люди других национальностей, но среди жертв преобладали евреи, которых – женщин, детей, стариков – уничтожали планомерно и часто с особым садизмом.

Советская власть не проявляла необходимого уважения к памяти жертв Холокоста, но их палачам в Литовской ССР действительно, вне всякого сомнения, было воздано по заслугам. Неразоблачённых и избежавших наказания, возможно, остались единицы. Тем не менее, Холокост и антисемитизм после издания сборника документов был полностью изъят из тематики исследований литовских историков. Поэтому рассуждать далее о литовской советской историографии Холокоста не приходится.

В исторической памяти литовцев Холокост (такой термин тогда не употреблялся) занимал всё меньше места. Для поколений людей, которые не могли быть его свидетелями, за редким исключением, массовое уничтожение евреев Литвы становилось, если они вообще об этом думали, каким-то фантомом, почти нереальным и не вызывающим ни искреннего осуждения, ни тем более восхищения. Казнённые и вернувшиеся после отбытия срока заключения участники массовых убийств сочувствия не встречали, при бытовых конфликтах им напоминали позорное прошлое, их дети скрывали «подвиги» отцов.

Парадоксально, что и в среде антикоммунистической литовской эмиграции на Западе вопрос об участии литовцев в уничтожении евреев и даже сам факт Холокоста в Литве был своеобразным табу. Известный историк США литовского происхождения С. Сужиеделис писал, что он не помнит ни одного случая, чтобы в каком-либо культурном или политическом мероприятии литовской диаспоры кто-нибудь хоть заикнулся о судьбе литовских евреев в годы Второй мировой войны [13, с. 289]. А ведь среди литовских эмигрантов проживали в США не только неизвестные рядовые «расстрельщики», но и такие фигуры, как А. Импулявичюс или редактор издаваемой в 1941 г. под немецким надзором газеты «Tėvynė» («Родина») С. Миглинас. Его газета среди всей коллаборационной печати отличалась исключительной антисемитской кровожадностью. Это являлось его личной «заслугой», хотя немецкие цензоры довольствовались и более «умеренным» (если здесь применимо такое понятие) антисемитизмом. Оба, и командир батальона убийц, и редактор, мирно проживали в заокеанской стране как достойные члены литовской общины. Вряд ли большинство соотечественников их уважало, однако не известны случаи отказа подать им руку или тем более гласного осуждения.

Узко понимаемый патриотизм и обоснованная с их стороны, но без всяких нюансов, враждебность к СССР толкали к защите А. Импулявичюса и нескольких других литовцев, выдачи которых требовал СССР. Такие требования назывались коммунистической пропагандой, цель которой – оклеветать литовскую эмиграцию и создать препятствия для её деятельности, направленной на достижение Литвой независимости.

Лишь в 1970-е годы в литовской эмиграции проявила себя группа относительно молодых интеллектуалов (некоторые из них получили высшее образование уже в США), объединённых в организации «Сантара-Швиеса». Они подняли к рассмотрению табуированный вопрос о Катастрофе литовского еврейства. С этого времени всё менее обоснованным делается упомянутое свидетельство С. Сужиеделиса. Знаменательной стала дискуссия в сентябре 1978 г., предметом которой являлась тема «Еврейский вопрос в нашей (разумеется, литовской эмиграции на Западе. – А. К.) печати и общественности». Участникам дискуссии были представлены стереотипы о евреях и Холокосте, которые в смягченном виде совпадали с распространяемыми печатью времён нацистской оккупации. Выступавшие в основном возражали против таких представлений.

Самой же резкой, уничтожающей критике их подверг уже немолодой (1905 г. р.) В. Растенис, бывший высокопоставленный чиновник периода власти авторитарного президента А. Сметоны, юрист, журналист и активный политический деятель литовской антикоммунистической эмиграции, к тому же, в первые годы советизации Литвы заключенный Вильнюса, Москвы и Каунаса. Из Каунасской тюрьмы ему удалось вырваться на второй день советско-германской войны [14, с. 9–11; 8–9]. Аргументы В. Растениса, учитывая также его безупречную в глазах литовской эмиграции биографию, произвели сильное впечатление на участников дискуссии, повлияли и на всю литовскую общину в США. Современные литовские историки в своих исследованиях подтверждают эти аргументы, выдвинутые в 1978 г. В. Растенисом несколько умозрительно.

В годы перестройки и тем более в Литовской Республике, провозглашенной в марте 1990 года, кардинально изменилась позиция государственной власти по отношению к евреям, созданию их общественных объединений. Еще 25 августа 1988 г. решением Совмина Литовской ССР было передано в Вильнюсе здание кинотеатра (которое до 1940 г. принадлежало еврейским организациям) для нужд Еврейского культурного центра. В октябре 1989 г. в Вильнюсе был снова официально открыт (упразднённый в 1949 г.) Государственный еврейский музей. Позднее ему присвоили имя Гаона. Верховный Совет Литвы 8 мая 1990 г. принял заявление «О геноциде еврейского народа в годы гитлеровской оккупации Литвы», в котором от имени литовского народа безоговорочно осудил геноцид евреев и отметил, что среди палачей имелись и «граждане Литвы», и декларировал, что преступлениям, совершенным против еврейского народа на территории Литвы и за её пределами, нет и не может быть никакого оправдания и сроков давности уголовного преследования [15, с. 12–13].

7 ноября 1990 г. фактический глава Литовской Республики, председатель президиума Верховного Совета В. Ландсбергис подписал постановление об

упорядочении еврейских кладбищ, точнее погребений в местах массового уничтожения и обозначения в надписях виновников убийств, национальность и количество погибших, а также другие необходимые сведения. В октябре 1990 года была установлена дата дня «Памяти еврейского геноцида» – 23 сентября. Противоречиво оценивая личность и политическую деятельность В. Ландсбергиса, следует признать его заслуги в деле возвращения литовцам памяти о Холокосте и уважения к памяти его жертв. В некоторых кругах литовского общества появились инсинуации о еврейском происхождении Ландсбергиса и прямо дурацкие слухи, что во время иностранных визитов он первым делом посещает синагогу.

С Израилем дипломатические отношения Литва установила в январе 1992 г. Президент Литвы А. Бразаускас в марте 1995 г. посетил Израиль. В Кнессете (парламенте) он выступил с речью, в которой среди прочего сказал: «Прошу Вашего прощения за тех литовцев, которые безжалостно истребляли евреев, их расстреливали, грабили. <...> Мы готовы судить военных преступников публично, последовательно, честно» [16, с. 1]. То, что президент Литвы принёс извинения еврейскому народу, явилось важным также с моральной точки зрения шагом, который, казалось бы, не мог вызвать нареканий в его собственной стране. Тем не менее, А. Бразаускаса обвиняли в том, что он публично признал ответственность литовского народа за Холокост, хотя в речи президент вспомнил и о тех литовцах, которые укрывали и спасали евреев. Бывший депутат Верховного Совета, провозгласившего независимость Литвы, Зита Шличите возмущалась и выражала опасение, что после просьбы о прощении, евреи потребуют десятки миллиардов долларов компенсации. Хотя её можно «понять», поскольку через несколько лет на заседании т. н. «Второго Нюрнберга» в Вильнюсе она заявила, что во время чисток 1937–1938 гг. в СССР было расстреляно 30 миллионов человек.

Неопровержимому факту участия литовцев в Холокосте отдельные писатели и журналисты пытались противопоставить т. н. «теорию двух геноцидов». Тут следует оговориться, что такое название было придумано их оппонентами, и термин «теория» вряд ли здесь правомерен. Сторонники «теории», не отрицая литовского участия в Холокосте и осуждая его, убеждали, что литовцы в годы немецкой оккупации как бы взяли реванш над евреями за их активную поддержку советизации в 1940–1941 гг., преобладающую роль их в компартии, органах НКВД и участие в депортациях накануне войны, т.е. в геноциде литовцев.

Писатель Й. Микелинскас в августе 1996 года опубликовал в журнале Союза писателей Литвы большую статью под названием «Право остаться непонятым, или мы и они, они и мы», которая вызвала волну полемических откликов. Свою статью, отклики и ответы на них Й. Микелинскас поместил в сборнике, полемически названном «Когда

почему станет потому?» [17]. Несмотря на множество оговорок, экскурсов в близкое и далекое прошлое, писатель объяснял участие литовцев в Холокосте поведением евреев в период первой советизации (1940–1941 гг.) Литвы. Вместе с тем Й. Микелинскас выражал недовольство тем, что и президент, и премьер, и председатель Сейма извинились перед евреями, а «перед литовцами никто не собирался извиняться и даже выдать прославленных организаторов геноцида» [17, с. 149]. Таким образом, Й. Микелинскас обвинил проживающих в Израиле бывших работников советской госбезопасности не просто в осуществлении репрессий, а в *организации геноцида* (выделено мною. – А. К.) литовского народа.

Обвинение представляет в кривом зеркале участие еврейских коммунистов и комсомольцев в советизации Литвы, которое было очень заметным, но отнюдь не преобладающим. Скрупулёзные подсчеты сотрудницы Литовского центра исследований геноцида и сопротивления Н. Маслаускене [18, с. 20–46], а также исследования профессора Л. Труски убедительно показали необоснованность сей «теории», созвучной с нацистской пропагандой в годы оккупации (1941–1944).

Тем не менее, события периода советизации благоприятствовали восприятию частью литовского населения пропагандистского стереотипа о «еврейском большевизме». Американский историк, исследователь новейшей истории Литвы А.Э. Сенн высказал предположение о том, что если бы не было в 1940–1941 гг. советской власти, которая пользовалась поддержкой части евреев Литвы, видимо, удалось бы избежать насилия против евреев летом 1941 г.» [19, с. 170]. Разумеется, немецкие оккупационные власти проводили бы уничтожение евреев, но больше было бы избежавших смерти, спасённых людьми доброй воли. Необходимо только отметить, что сторонников «теории двух геноцидов» в последние годы уже не слышно.

И всё же удивляет моральная глухота сторонников «теории двух геноцидов». Если бы их представления о роли евреев при первой советизации и соответствовали действительности, то какое отношение к этому имели еврейские младенцы, дети и большинство взрослых? Ведь энкаведисты не расстреливали повсеместно литовских детей, точнее, вообще такого не совершали. Моральная значимость проблемы Холокоста не менее важна, чем историческая и социологическая. Современные литовцы юридически и политически не ответственны за преступления своих соотечественников в прошлом. Но моральный долг остаётся не только перед мёртвыми, но и живущими в Израиле. Литва на официальном уровне имеет хорошие отношения с еврейским государством, а дело палестинцев для Литвы должно быть безразлично. Мы еще не «Еврабия» по определению, впервые применённому итальянской журналисткой Орианной Фаллачи.

Возможно, что это моё личное мнение, но поскольку я занимаюсь и публицистикой, пришлось откликнуться на критику в печати делегации Литвы в ООН, которая проголосовала против предложения принять Палестинское государство в ЮНЕСКО: «Мол, Литва изменяет святому делу независимости народов. Однако названное «государство» представляет смертельную опасность для существования Израиля. Литовцам всё-таки не следует забывать о событиях 2-й половины 1941 года» [20]. Именно в этом ключе, по-моему, прав американский историк Дэниел Й. Голдхаген. Он считает, что страны и народы, которые причинили зло евреям во время Холокоста, имеют моральный и политический долг не предпринимать никаких действий, ведущих к ослаблению Израиля – единственного еврейского государства в мире. Антисионизм, отрицающий право на существование Израиля, является крайней формой современного политического антисемитизма [21, с. 230–231].

В распространении сведений о Холокосте особое, исключительно важное значение в Литве придается школе. Для учителей истории проводились с отрывом от основной работы курсы, семинары. Самые активные учителя и директора школ посылались в Польшу, Израиль, иногда в США для ознакомления с местами мегаубийств в Аушвице, Трешлинке, музеями Холокоста в Вашингтоне и Иерусалиме.

Для школьников даже в нынешнюю эру телевидения и Интернета источником знаний о Холокосте являются также учебники. Мне вместе с работником Министерства просвещения и науки выпала (если так можно выразиться) честь создать первый интегрированный, т.е. такой, в котором освещаются события и в Литве, и в зарубежных странах, учебник по новейшей истории [22]. В нем много места было уделено антисемитизму в III Рейхе, Холокосту в Европе и отдельно в Литве. Позволю себе процитировать мнение участника дискуссии на Национальном телевидении в 1999 г. накануне дня памяти геноцида евреев – 23 сентября – В. Толейкиса. Он, признав, что в Литве дела со знанием геноцида и роли в нём литовцев обстоят неважно, вместе с тем сказал: «Правда, в Литве имеются очень серьёзные и положительные вещи. Имеется учебник Касперавичюса и Йокимайтиса, в котором эти события показаны совершенно объективно» [23, с. 3]. Названный учебник с поправками и дополнениями издавался почти ежегодно до 2006 г. включительно, используется в школах до нынешнего времени, однако из-за банкротства издательства «Кронта» исчезла возможность новых выпусков.

В учебниках других авторов Холокосту уделяется меньше места. Это связано прежде всего с пришедшей с Запада модой не загружать школьников «сверх меры» учебным материалом. С другой стороны, некоторые авторы уделяют Холокосту мало внимания, например, включая

его в раздел с неадекватным названием «Преследование национальных меньшинств». В одном учебном пособии геноцид евреев назван «самым большим и страшным преступлением», но далее находим странное определение: «В антисемитской борьбе участвовали и некоторые литовцы...» [24, с. 201]. Участвовали отнюдь не только «некоторые», а словосочетание «антисемитская борьба» выглядит просто кощунством.

«Теорию двух геноцидов», вне всякого сомнения, следует считать антисемитской. Сложнее обстояло дело с распространёнными среди литовской общественности представлениями о том, что, во-первых, литовские антикоммунистические организации и участники июньского восстания не способствовали созданию в Литве атмосферы ненависти к евреям и (это касается участников восстания) не совершали их убийств. Во-вторых, втянутые немцами в уничтожение евреев литовцы почти все состояли из отбросов общества – криминальных преступников. И, в-третьих, литовско-еврейские отношения в независимой Литве (1918–1940) были превосходными, и только советизация Литвы в 1940–1941 гг. вызвала отчуждение между обоими народами. Такие представления возникли в эмиграции, а в научной форме были изложены в книге А. Гражюнаса, которую издавали и в самой Литве [25].

Для выяснения всех трех стереотипов, а фактически только 1-го и 3-го, мною опубликованы две статьи на русском и две на польском языках в сборниках, среди них и в фундаментальном издании Института политических исследований ПАН [26, с. 125–133; 27, с. 154–170; 28, с. 312–329; 29, с. 195–202]. В этих статьях, на мой взгляд, удалось полностью показать необоснованность первого стереотипа, частично второго и в основном правильность третьего, особенно роль президента А. Сметоны в ограждении Литвы от государственного антисемитизма и пресечении публичного проявления его снизу. Однако авторитарный президент не смог воспрепятствовать его подспудному нарастанию снизу.

Должен признаться, что в своих статьях я не обратил внимания на обратную сторону филосемитизма А. Сметоны. В монографии, изданной Международной Комиссией по оценке преступлений нацистского и советского оккупационных режимов в Литве (основана в 1998 году декретом президента Литвы В. Адамкуса), помещены выводы Международной Комиссии о предпосылках Холокоста в Литве. В 4 пункте даётся такая оценка политики А. Сметоны: «В годы правления А. Сметоны (1927–1940) подавлялись новые антиеврейские эксцессы и не было принято ни одного антиеврейского закона. До самых последних дней существования Литовской Республики евреи сохраняли школы, которые содержались или получали помощь государства, учреждения социальной взаимопомощи, не стесняемую государством религиозную жизнь – всё это

позволяет говорить о культурной автономии *de facto*. В тридцатых годах положение евреев было лучше, а антисемитизм слабее, чем в Польше, Румынии, Венгрии. <...>

Тем не менее, правительство А. Сметоны протектировало предпринимателей-литовцев и экономическими мерами стремилось вытеснить евреев из торговли и промышленности. Евреи, по существу, занимали положение второсортных граждан и по неписаному закону не допускались в государственные и самоуправленческие, даже культурные учреждения, военные школы и дипломатическую службу, кафедры высших школ. С другой стороны, несмотря на антисемитские инциденты, в межвоенной Литве не было ни одного погрома, в котором был бы убит человек» [30, с. 322].

Следует лишь заметить, что Президент не мог игнорировать экономические интересы литовцев-предпринимателей и купцов, оппозиция издевалась над его терпимостью, называла «еврейским королём». По словам историка С. Сужиеделиса, «здесь мы наблюдаем иронический парадокс истории того времени. Идеи национальной толеранции осуществляла диктаторская клика «вождя нации», а оппозиция, включая ее и католическое, и демократическое крыло, всё глубже увязала в трясине узкого национализма и этнической нетерпимости» [31].

Проблемой Холокоста и антисемитизма занимается целый ряд крупных литовских историков, которые, в отличие от автора этого доклада, кроме статей опубликовали и монографии, целиком или хотя бы в основном посвященные этим проблемам. Следует, прежде всего, упомянуть работы Л. Труски, А. Эйдинтаса, А. Бубниса, В. Варейкиса, Ш. Лиекиса, Г. Виткуса. Последний защитил весьма оригинальную диссертацию в 2008 г. и опубликовал сокращенный ее вариант в обширной статье [32, с. 275–308]. Автор, рассматривая проблему памяти о Холокосте, отметил, что в Советской Литве в коллективное сознание и литовцев, и евреев внедрялись стереотипы о «пособниках немецких фашистов – буржуазных националистах» и о пострадавших от «фашистского террора мирных советских граждан». Советская политика исторической памяти превратила евреев в «советских граждан», а геноцид евреев – в «гитлеровские преступления» [32, с. 295]. Таким образом, массовое уничтожение евреев становилось одним из многих преступлений периода немецкой оккупации, теряло свою исключительность и подвергалось забвению. Поэтому в советское время не изучались и проявления в Литве антисемитизма, как предпосылки Холокоста.

После 1990 года этой теме были посвящены ряд статей и монография Л. Труски и В. Варейкиса [33]. Она является одним из изданий серии «Преступления тоталитарных режимов», издаваемой Международной

Комиссией по оценке преступлений оккупационных режимов. Авторский текст в ней даётся на литовском и английском языках, а многочисленные малоизвестные и совсем неизвестные документы – на языке оригинала. В книге исследуются предпосылки Холокоста в Литве, точнее активное участие в нем литовцев. Копии документов убедительно свидетельствуют, что литовская организация политэмигрантов в Германии – Литовский фронт активистов (ЛАФ) была заражена антисемитизмом почти нацистского толка. Её пропаганда способствовала росту антисемитских настроений в Литве и, в конечном счете, участию литовцев в Холокосте.

Профессор Л. Труска является также автором другой книги, в которой исследует развитие антисемитизма в Литве от конца XIX века до 1941 г. включительно. Л. Труска, который постоянно критиковал власти независимой Литвы за то, что они в июне 1940 г. без сопротивления согласились с занятием страны Красной Армией, резюмировал: «Лето 1940 – позорная страница в истории литовского народа. Однако еще более черный и страшный период – лето и осень 1941 года, когда были истреблены евреи» [34, с. 269].

И всё-таки многие участники Холокоста, «*žydšaudžiai*», не читали никаких антисемитских писаний. Они добровольно воспользовались возможностью безнаказанно грабить имущество евреев, убивать их, а иногда и насиловать женщин. Ведь нацистская оккупационная власть не только не наказывала за такие действия, но и поощряла и организовывала их. Такого никогда в истории Литвы еще не было, и некоторые без колебаний взялись «за дело». Особенности социального состава и демографических характеристик участников Холокоста из пяти уездов Северо-Восточной Литвы, по административному делению того времени, обобщены в новаторской статье Р. Загрецкаса. На основе анализа данных лиц, осужденных советским судом, автор делает выводы, что большинство «*žydšaudžiu*» были малообразованны – имели лишь начальное образование или вообще не учились. В то же время все они были участниками июньского восстания, часть из них уже несли службу в полиции. В Независимой Литве они были аполитичны, в партиях состояли лишь единицы, только в парамилитарном «Союзе шаулисов» (стрелков) состояло от 19 % до 43 % всех преступников [35, с. 84].

Места массовых убийств и количество их жертв, а также обстоятельства проведения «акций» уничтожения людей были в общих чертах известны уже в советское время по опубликованному двухтомному сборнику, но многие вопросы, естественно, оставались без ответа.

Холокост в провинции рассматривается в издаваемой в Литве краеведческой литературе, коллективных монографиях из серии «Волости Литвы». Проведение Холокоста не только в провинции, но также в

Вильнюсе, Каунасе и Шяуляе, где существовали до 1943–1944 гг. гетто, для оставленных в живых после массовых убийств еврейского населения этих городов осенью 1941 г., досконально рассмотрено в сборнике статей под редакцией составителя и соавтора А. Бубниса [36]. Основными авторами, кроме А. Бубниса, являются историки В. Брандишаускас и С. Бухавецкас.

Обращает на себя внимание единственная статья А. Рукшенаса [37, с. 424–469]. В ней рассматриваются преступные действия литовского полицейского батальона (командир А. Импулявичюс) в Белоруссии. С октября 1941 г. по январь 1942 г. служащие батальона расстреливали евреев, советских военнопленных, подозреваемых в помощи партизанам белорусов в Слуцке, Несвиже, Минске, Борисове, Барановичах, Клецке и некоторых других местах. Всего было убито 15,4 тыс. евреев, 2,36 тыс. военнопленных, около 300 белорусов [37, с. 458].

Среди литовских исследователей Холокоста самым видным, безусловно, является А. Бубнис – автор ряда монографий (также в соавторстве) и множества статей. Проблема Холокоста в Литве занимается уже упомянутая Международная комиссия, Центр исследований геноцида и сопротивления, Государственный еврейский музей Виленского Гаона. Сотрудница музея М. Якулите-Василь подготовила «Атлас Холокоста в Литве» [38], а бывший его сотрудник – исследователь Иосиф Левинсон – большую книгу о Холокосте и его современных оценках с текстами разных авторов (среди них и автора этой статьи) [39]. Книга издана на английском языке, её презентация состоялась в Лондоне.

Музей также занимается поисками тех, кто в годы нацистской оккупации спасали евреев, за что им грозила смертная казнь. Их в Литве было немало, около 500 человек удостоены почетного звания «Праведник среди народов». Во вновь обнаруженных и достоверно известных случаях многие из спасших обреченных могут быть отмечены лишь посмертно. В Литве издаётся немало книг о жизни евреев до катастрофы и о самом Холокосте, в том числе воспоминаний, имеется интернет-портал www.holocaustatlas.lt, но с точностью ответить почему, нынешние и будущие поколения вряд ли смогут. Понять убийц-садистов – значит их оправдать.

1. Žilinskas, J. «Genocidas» – sąvokos traktuotė Lietuvoje ir užsienyje / J. Žilinskas // Genocidas ir rezistencija. – 2001. – Nr. 2.
2. Lietuvos Respublikos baudžiamasis kodeksas. – Vilnius, 1999.
3. Костырченко, Г.В. Тайная политика Сталина / Г.В. Костырченко. – М., 2001.
4. Jovainiai // Visuotinė lietuvių enciklopedija. – T. VIII. – Vilnius, 2005.
5. Merkinė // Visuotinė lietuvių enciklopedija. – T. XIV. – Vilnius, 2008.
6. Holokaustas // Visuotinė lietuvių enciklopedija – T. VII. – Vilnius, 2005.
7. Eidintas, A. Žydai, lietuviai ir holokaustas / A. Eidintas. – Vilnius, 2002.
8. Kaltina nužudytieji. – Vilnius, 1963.
9. Собственные записки автора.

10. Собственные записки автора.
11. Masinės žudynės Lietuvoje (194–1944). – Vilnius, 1965. – T. 1 ; 1973. – T. 2.
12. Собственные записки автора.
13. Vitkus, H. Holokausto atminties problema ir jos poveikis lietuvių ir žydų santykiams / H. Vitkus // Abipusis pažinimas: lietuvių ir žydų kultūriniai saitai. – Vilnius, 2010.
14. Apie lietuvių-žydų santykius // Akiraičiai. – 1978. – № 8; «Žydų klausimas» mūsų spaudoje ir visuomenėje // Akiraičiai. – 1978. – № 9.
15. Bluvšteinas, J. Kelias į dialogą. Žydai šiandieninėje Lietuvoje / J. Bluvšteinas. – Vilnius, 1997.
16. «Lietuvos rytas». – 1995.03.02.
17. Mikelinckas, J. Kada KODĖL taps TODĖL? Holokaustas be politikos ir komercijos / J. Mikelinckas. – Vilnius, 2004.
18. Maslauskienė, N. Lietuvos komunistų tautinė ir socialinė sudėtis 1940 m. spalio – 1941 m. birželio mėn. / N. Maslauskienė // Genocidas ir rezistencija. – 1999. – № 2.
19. Mikelinckas J. Kada KODĖL taps TODĖL?...
20. Kasperavičius, A. Apie užsienio politiką Seimo rinkimų išvakarėse / A. Kasperavičius // Laisvas laikraštis. – 2012. – № 39.
21. Goldhagen, D.J. Niedokończony rozrachunek / D.J. Goldhagen. – Warszawa, 2005.
22. Kasperavičius, A. Naujausiųjų laikų istorija. Vadovėlis 10 klasei / A. Kasperavičius, R. Jokimaitis. – Vilnius, 1998.
23. LTV diskusija Lietuvos žydų genocido atminties dienos – rugsėjo 23-osios išvakarėse // Lietuvos Jeruzalė – 12. X. 1999.
24. Varnienė, J. Istorijos mokymo medžiaga. Istorijos konspektai: Civilizacija. Lietuva. Pasaulis / J. Varnienė. – Vilnius, 2008.
25. Gražiūnas, A. Lietuva dviejų okupacijų replėse 1940–1944 / A. Gražiūnas. – Vilnius, 1996.
26. Каспяравичюс, А.П. Литовская печать о евреях (июнь 1941 – январь 1943) / А.П. Каспяравичюс // Тень Холокоста : материалы II междунар. симп. «Уроки Холокоста и современная Россия». – М., 1998.
27. Каспяравичюс, А. Евреи, антисемитизм и политика государственных властей Литовской республики в период между двумя мировыми войнами / А. Каспяравичюс // Материалы Седьмой ежегод. междунар. конф. по иудаике. – М., 2000. – Ч. 1.
28. Kasperavičius, A. Stosunki litewsko-żydowskie na Litwie w latach 1935–1944 / A. Kasperavičius // Świat Nie pożegnany. – Warszawa – Londyn, 2004.
29. Kasperavičius, A. Antysemitizm na Litwie a władza w latach 1939–1941 / A. Kasperavičius // Polacy-Żydzi-Białorusini-Litwini na północno-wschodnich ziemiach Polski a władza radziecka (1939–1944). W kręgu mitów i stereotypów. – Białystok, 2005.
30. Truska, L. Holokausto prielaidos: antisemitizmas Lietuvoje / L. Truska. – Vilnius, 2004.
31. Sužiedelis, S. Avrahamo Torio Kauno getas: diena po dienos / S. Sužiedelis // Tory A. Kauno getas: diena po dienos. – Vilnius, 2000.
32. Vitkus, H. Holokausto atminties problema ir jos poveikis lietuvių ir žydų santykiams / H. Vitkus // Abipusis pažinimas: lietuvių ir žydų kultūriniai saitai. – Vilnius, 2010.
33. Truska, L. Holokausto prielaidos: antisemitizmas Lietuvoje / L. Truska. – Vilnius, 2004.
34. Truska, L. Lietuviai ir žydai nuo XIX a. pabaigos iki 1941 m. birželio. Antisemitizmo raida Lietuvoje / L. Truska. – Vilnius, 2005.
35. Zagreckas, R. Holokausto dalyvio socialinis portretas / R. Zagreckas // Genocidas ir rezistencija. – № 1. – 2012.
36. Holokaustas Lietuvoje. 1941–1944. – Vilnius, 2011.

37. Rukšenas, A. Kauno 2-asis pagalbinis policijos batalionas ir gyventojų žudynės Baltarusijoje / A. Rukšenas // *Holokaustas Lietuvoje 1941–1944*.
38. Jakulytė-Vasil, M. *Holokausto Lietuvoje atlasas* / M. Jakulytė-Vasil. – Vilnius, 2011.
39. Levinson, J. *The Soah (Holocaust) in Lithuania* / J. Levinson. – Vilnius, 2006.

УДК 930(476) + 94(47+57) 1941/45(093)(035.3)

В.В. ЗДАНОВИЧ

Беларусь, Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

**БЕЛАРУСЬ В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ
БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Период Великой Отечественной войны занимает особое место в истории Беларуси. С 22 июня 1941 г. по 28 июля 1944 г. ее территория являлась зоной германской оккупации, имевшей для республики катастрофические последствия. Оккупанты создали более 260 лагерей смерти, провели более 140 карательных операций, уничтожили почти 2,6 млн человек, вывезли на работы в Германию более 380 тыс. человек, сожгли вместе с жителями 628 деревень, из которых 186 не восстановлены после войны [4, с. 10, 14, 15, 31, 32]. Проблема оккупации Беларуси активно разрабатывалась в белорусской историографии, которая начала складываться уже в военные годы и прошла в своем развитии следующие периоды: первый – советский (1941 – конец 1991 гг.); второй – постсоветский или современный (с конца 1991 г. и по настоящее время).

В период существования независимой Беларуси отечественными историками подготовлены работы самых разнообразных жанров, раскрывающие многие аспекты заявленной темы. Вместе с тем ряд вопросов требует дополнительного изучения. Ценную помощь исследователям в решении новых задач может оказать историографический анализ проблемы оккупационного режима на территории Беларуси. В 2006 г. издана монография К.И. Козака «Германский оккупационный режим на территории Беларуси. 1941–1944 гг.: Историография и источники» [21], в которой отражены наиболее важные, по мнению автора, направления исследований по теме в отечественной и зарубежной историографии, представлены различные точки зрения по дискуссионным вопросам. К достоинствам книги, кроме определения задач по реконструкции германского оккупационного режима на территории БССР в 1941–1944 гг., необходимо отнести классификацию комплекса документов по германской оккупации, который находится в Национальном архиве Республики Беларусь и областных архивах. Зарубежные архивные

источники представлены только перечнем с краткой аннотацией фондов основных архивов Российской Федерации и Германии. Выбранный автором подход не позволил провести обстоятельный анализ и работ белорусских историков. В монографии, которая насчитывает 268 страниц, 138 страниц (с 130 по 267) составляет «Список военно-полицейских гарнизонов, участков, опорных пунктов на территории Беларуси в 1941–1944 гг.». На историографический анализ зарубежной и белорусской литературы отведено 77 страниц. Работы белорусских авторов рассматриваются в 5 подразделах, причем их названия, на наш взгляд, требуют корректировки. Так, подраздел 1.2 называется «Советская и белорусская историография о структуре и деятельности германских органов управления на территории Беларуси». В нем основное внимание исследователя должно быть сосредоточено на анализе работ, посвященных именно структуре и деятельности органов управления. Однако в этой части речь идет об оккупационном режиме как системе. К тому же вызывает несогласие разделение автором историков на советских и белорусских: в период существования СССР все историки, которые проживали на его территории, в том числе и белорусские, являлись советскими. В подразделе 1.5 «Вклад белорусских историков в разработку проблем германского оккупационного режима», наоборот, больше внимания обращено на структуру оккупационного режима.

Выделяется исследование С.Е. Новикова «Экономическая политика нацистской Германии в Беларуси в 1941–1944 гг.: Обзор источников германской историографии 1990-х годов» [29]. Работа хорошо структурирована. В первом разделе дается общая характеристика немецкоязычных источников, обнаруженных автором в Федеральном военном архиве (г. Фрайбург) и Федеральным архиве (Берлин-Лихтерфельде) Германии, Национальном архиве Республики Беларусь, Российском государственном военном архиве и, что является шагом вперед в изучении немецких документов, проводится археографический анализ отдельных первоисточников. Второй раздел посвящен германской историографии 1990-х гг. Анализ концептуального развития позволил ученому доказательно утверждать, что «создание новых возможностей для переосмысления истории нацистской оккупации Беларуси привело германских исследователей к выводу об исключительном месте Беларуси в истории войны Германии против СССР, или “германо-советской войне”». Сравнивая научные достижения историков ФРГ и Беларуси в изучении событий минувшей войны, исследователь ставит важный методологический вопрос о том, как соотносится общеупотребительное в белорусской исторической науке название «Великая Отечественная война» с названием «война Германии против СССР», принятым в германской историографии [29, с. 89]. Однако ответа на поставленный вопрос С.Е. Новиков не дает.

Представляется, что термин «Великая Отечественная война» в отличие от понятия «война Германии против СССР» существенно отражает трагические события 1941 года, ужасные результаты германской оккупации республики, ратный подвиг белорусов и уроженцев Беларуси на фронтах и поэтому является более точным и научно обоснованным.

Логическим продолжением заявленной темы стала следующая монография исследователя «Беларусь в контексте германской историографии истории Второй мировой войны» [28], которая состоит из двух частей. В первой части в краткой форме дается обзор отечественной, англо-американской, немецкоязычной, польской немецкоязычной, германской историографии истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, определяются основные этапы и тенденции их развития, важнейшие научные концепции. Результатом проведенного краткого анализа наиболее значимых работ белорусских историков советского и постсоветского периодов стало подтверждение историографического факта о том, что «Великая Отечественная война явилась важной вехой в истории СССР и БССР, сохраняется в памяти людей благодаря исторической летописи, которая на протяжении всех послевоенных лет постоянно велась и продолжается сейчас белорусскими историками» [28, с. 31]. Во второй части подведены итоги немецких исследований по следующим проблемам: Беларусь накануне германской агрессии; характер «германо-советской войны», которая определяется как «захватническая, грабительская, расово-идеологическая» [28, с. 101]; оккупационная политика, которая имела преступный характер и была направлена на уничтожение (органы управления, ликвидация евреев, военнопленных, террор в отношении местного населения, коллаборация, принудительный труд, остарбайтеры); партизанское движение; освобождение Беларуси.

Значительное место в постсоветской историографии занимает тема Холокоста. Основные подходы и тенденции в изучении геноцида еврейского населения в годы Великой Отечественной войны определили Е.С. Розенблат [35] и Э.Г. Иоффе [16]. Так, Е.С. Розенблат выделяет восемь основных тематических групп, характеризующих главные подходы и тенденции в современной белорусской историографии Холокоста: нацистские планы и политика уничтожения еврейского населения; статистические данные о жертвах Холокоста; еврейское сопротивление; подполье гетто и участие евреев в партизанском движении; евреи Беларуси на фронтах Великой Отечественной войны; особенности нацистской антисемитской пропаганды в различных оккупированных областях Беларуси; антисемитизм в СССР как условие массового геноцида в Беларуси; историография Холокоста; источники по истории Холокоста; спасение евреев в годы войны, праведники народов мира, которые практически совпадают с основными направлениями

исследований по теме в российской и украинской историографии [34, с. 51–53]. Историк определяет также факторы, которые способствуют изучению темы Холокоста на современном этапе и которые, по мнению Е.С. Розенблата, «приводят к своего рода» «топтанию на месте» [36, с. 155]. К положительным моментам исследователь относит отказ от идеологических догм, что позволило вписать проблематику Холокоста в общую проблематику истории Великой Отечественной войны, активную публикацию документальных источников и мемуарной литературы по теме [36, с. 59, 60]. Отрицательными факторами являются отсутствие в академических научных учреждениях специального структурного подразделения и специальных периодических изданий по истории евреев, оторванность от западной историографии [36, с. 156, 157].

Однако изданные в рассматриваемый период работы не дают полного представления об объеме и сути литературы по вопросам оккупации. Анализ опубликованных историографических источников по проблеме является целью данной статьи.

После захвата Беларуси немецкими войсками под оккупацией оказалась многомиллионное население республики, социально-экономическое и правовое положение которого резко поменялось. Установилась система непосредственного контакта жителей Беларуси с оккупационными властями через существование в населенных пунктах военных комендатур, полицейских гарнизонов, районных и городских управ и т.д. Политика оккупантов в отношении белорусского населения имела многовекторный характер и затрагивала различные сферы жизни: экономику, образование, здравоохранение, культуру и религию. Однако, несмотря на то, что проблема ежедневной жизни населения в условиях оккупации позволяет более глубоко оценить глобальные процессы и их трансформацию на локальном уровне, тема не стала приоритетным направлением в исследованиях историков советского периода. Вне интересов исследователей оставались и такие аспекты оккупационного режима, как геноцид еврейского населения, история отдельных лагерей. В советский период не являлась темой изучения учеными проблема принудительного труда населения Беларуси, которая рассматривалась только в контексте оккупационной экономической политики и борьбы партизан и подпольщиков за сохранение населения от вывоза в Германию. Классовый подход к изучению социальных процессов в военные годы, направленный преимущественно на показ истории рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, искусственно ограничивал исследования по истории оstarбайтеров. Практически запрещенной была и проблема их невозвращения на родину.

Усилия историков советского периода в основном были направлены на раскрытие сути оккупационного режима, грабеж народного хозяйства,

физическое уничтожение населения оккупированных территорий. Особенности политики оккупантов в различных сферах освещались фрагментарно и не давали возможности всесторонне показать сложные процессы оккупации. Согласно партийным установкам жизнь различных категорий населения на оккупированной территории рассматривалась в советской исторической литературе как ежедневное сражение с врагом. Характерной чертой советской военной историографии является показ только положительного опыта действий населения в антигерманской борьбе. Примером такого подхода служат работы А.И. Залесского [13].

Характерной особенностью постсоветского периода стало освоение новых направлений в исследовании проблемы, а также детальное освещение разнообразных аспектов оккупационного режима, рассмотрение которых в советской историографии определялось лаконичностью. Так, долгое время основательно не изучалась история Тростенца, несмотря на то, что Тростенецкий лагерь был самым крупным на территории Беларуси и одним из крупнейших в Европе местом массового уничтожения людей. Не стали в полной мере достоянием научного сообщества материалы, собранные комиссией по созданию Хатынского мемориала и сотрудниками Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Наиболее важные проблемы в исследовании истории Тростенецкого лагеря определил А.М. Литвин, выступая 24 октября 2003 г. на международной конференции «Минское гетто. 1941–1943 гг.: Трагедия. Героизм. Память», организованной сотрудниками исторической мастерской в Минске, а также сотрудниками Международного образовательного центра в Дортмунде (Германия), Союза белорусских еврейских общественных объединений и общин Минского международного образовательного центра. Как справедливо подчеркнул исследователь, очень сложным в изучении темы является вопрос об общем количестве уничтоженных в Тростенце людей. Принятая в историографии цифра в 206 500 человек является заниженной. А.М. Литвин, со ссылкой на данные акта Комиссии по изучению жертв Тростенецкого лагеря, в состав которой входили В.И. Козлов, М. Линьков и другие, показывает, что, согласно акту от 25 июля 1944 года, в Тростенце было уничтожено 546 тысяч человек [27, с. 65]. Однако в дальнейшем цифра постоянно уменьшалась. Несмотря на то, что данные о более чем 206 тысячах уничтоженных в Тростенце постоянно критиковались учеными, они так и не были пересмотрены. Об этом, в частности, свидетельствует сборник документов и материалов «Немецко-фашистский геноцид в Беларуси (1941–1944)», изданный в 1995 г. Здесь говорится, что в с. Малый Тростенец оккупанты уничтожили 206 500 человек [30]. Данная цифра приводится и в коллективном издании «Беларусь в годы Великой Отечественной войны» [2, с. 158].

Относительно новым направлением исследований белорусских историков стала тема нацистского геноцида в отношении еврейского населения. Уничтожение евреев в годы Второй мировой войны получило название Холокост. В современной белорусской историографии наиболее распространенным термином является геноцид – физическое уничтожение отдельных групп населения по расовым, национальным, этническим и религиозным признакам. Введение в начале 1990-х гг. в научный оборот новых документов способствовало тому, что в кругах историков возрос интерес к этой проблеме. Как свидетельствуют опубликованные источники, большинство белорусских евреев погибло, будучи узниками гетто, которые существовали как в крупных городах, так и в поселках и деревнях. Именно история гетто стала наиболее актуальной темой в отечественной историографии. Подтверждением тому являются конференции, проведенные в республике: «Минское гетто. 1941–1943 гг.: Трагедия. Героизм. Память», «Геноцид во Второй мировой войне: проблемы исследования (в память жертв Тростенца)»; «Беларусь в испытаниях Великой Отечественной войны: массовые убийства нацистов», «Лагерь смерти Тростенец 1941–1944 гг.: Памяти жертв нацизма в Беларуси» [3].

Среди исследователей проблемы Холокоста в Беларуси необходимо выделить работы Э.Г. Иоффе [15]. Значительный вклад в освещение проблемы внес Е.С. Розенблат [33]. Проведенный анализ позволил автору определить в отношении евреев в западных областях республики характер нацистской политики как многовекторный, важнейшим элементом которой являлась «геттоизация», направленная на правовое и физическое обособление еврейского населения. Историк уточнил сведения о количестве узников гетто и потерях. По подсчетам Е.С. Розенבלата, за период 1941–1944 гг. на территории Западной Беларуси по неполным данным уничтожено от 528 до 569 тысяч евреев [33, с. 13].

Использование исследователем ранее недоступных архивных документов дало возможность показать не только сущность и итоги нацистской политики геноцида в отношении жителей еврейской национальности на территории Западной Беларуси в трех зонах оккупации, но и раскрыть роль органов еврейского самоуправления. «Являясь сложным многоотраслевым учреждением, – отмечает автор, – ...своей позицией они создавали своеобразную идеологию выживания: «спасение трудом и непротивлением» [37, с. 209, 211].

С учетом наработок советской и современной отечественной историографии тема оккупационного режима обстоятельно разработана в коллективном труде «Беларусь в годы Великой Отечественной войны». Анализируя «новый порядок», авторы раскрывают его суть, пропагандистское обеспечение, основные направления экономической,

культурной, национальной, молодежной политики оккупантов. Не обошли вниманием исследователи и проблему повседневной жизни городских и сельских жителей Беларуси под оккупацией. Необходимо отметить, что выводы, сделанные авторами, отличаются от выводов советской историографии, в которой основное внимание уделялось показу борьбы с врагом. Так, характеризуя положение сельского населения, историки подчеркивают, что, с одной стороны, «жители белорусских регионов, находясь под контролем оккупантов, в такой обстановке, естественно, стремились выжить, хоть каким-то образом обеспечить необходимые средства для существования своих семей. Это во многих случаях заставляло подчиняться требованиям завоевателей, работать на них, платить налоги, выполнить поставки и т.д.», с другой стороны, «массовым было и неподчинение, саботаж, которые перерастали в самых разных местах Беларуси в открытую борьбу с врагом» [2, с. 325].

Объектом исследования белорусских историков в постсоветский период стал принудительный труд жителей Беларуси. Значительным достижением стало издание в нескольких книгах сборника документов и материалов «Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944)», а также сборника «Oстарбайтеры. Принудительный труд белорусского населения в Австрии» [7]. Основой изданий стали материалы, извлеченные из архивов Беларуси, России, Германии, республиканских музеев. Кроме научного, сборники имеют практическое значение. Нормативные акты и другие документы третьего рейха, касающиеся вывоза граждан разных стран и национальностей на работу в Германию, использовались на переговорах правительственных и не правительственных делегаций Беларуси, России, Украины, Польши и иных стран с правительством Германии по вопросам компенсаций гражданам, находившимся в годы Второй мировой войны на принудительных работах в Германии.

Особое место в ряду изданной литературы занимает подготовленный историками Беларуси и Германии сборник статей «Разняволеная памяць. Прымусовая праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.)». Данные издания являются значительным вкладом в изучение малоисследованного аспекта истории Великой Отечественной войны – «истории рабочей повседневности, оставленной жителями белорусских городов, поселков и деревень, рабочими промышленных предприятий, занятых в сельском хозяйстве, служащими, а также женщинами, военнопленными, узниками лагерей и гетто, детьми: то есть всеми, кто являлся фактическим субъектом истории повседневности на оккупированной территории Беларуси в 1941–1944 гг.» [32, с. 134].

Заслуживает внимания приведенное А.М. Литвиным, как нам кажется, аргументированное разграничение понятий «рабочая (принудительная) повинность» и «принудительный труд». «Принудительная повинность, – отмечает исследователь, – распространялась на большинство населения оккупированных территорий трудоспособного возраста, которое обязано было зарегистрироваться на бирже труда по своей специальности. В определенной степени она давала возможность выбора места работы и получения заработной платы... Принудительный труд – это труд по принуждению, без права выбора: работа узников концентрационных, трудовых лагерей, тюрем, военнопленных, работа оstarбайтеров, работа гражданского населения, мобилизованного немецкими вооруженными силами для выполнения разнообразных работ на военных предприятиях, работавших как для нужд армии, так и при выполнении текущих военных проблем» [32, с. 51, 52]. Масштабы использования жителей Беларуси в качестве дармовой и рабской силы являются еще одним доказательством сути оккупационного режима, составной частью которого был грабег народного богатства и физическое уничтожение населения оккупированных территорий. По подсчетам С.Е. Новикова, общее количество местного населения, включая не менее 380 тыс. оstarбайтеров, привлеченного в разной степени и форме к принудительному труду на протяжении периода оккупации, составляла свыше 2 млн человек [32, с. 133].

Логическим продолжением стала монография «Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі 1941–1945 гг.», подготовленная на основании широкого круга источников: опубликованных материалов, в том числе исторической литературы на немецком языке, материалов оккупационной прессы, свидетельств участников и очевидцев тех событий. Архивную базу исследования составили документы, хранящиеся в архивах Германии. Значительная часть документов вводится в научный оборот впервые. В 10 главах работы раскрываются разнообразные аспекты политики оккупантов, проводимой в отношении жителей Беларуси. Значительное место в монографии отведено трудовым ресурсам, которые, как справедливо отмечают авторы, «являлись ключевым объектом германской экономической политики на оккупированной территории Беларуси 1941–1944 гг.» [24, с. 22].

Известно, что в историографии нельзя обойтись без применения количественных методов оценки явлений. Нельзя сказать, что исследователи истории Беларуси периода Великой Отечественной войны обошли эти методы. Однако приведенная в опубликованных источниках и литературе статистика требует уточнений и большей доказательности. В полной мере это имеет отношение и к количеству жителей Беларуси, вывезенных на принудительные работы в Германию. В исторической

литературе встречаются цифры 500, 350, 380 тысяч, наиболее распространенной из которых является последняя. Представляется обоснованным предложение авторов монографии возвратиться к цифре 399 374, поданной еще в 1945 г. начальником отдела СНК БССР по делам репатриации граждан СССР И.П. Борковым и введенной в научный оборот составителями сборника «Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944)» [8, с. 381].

Анализируя материальное положение трудящихся на оккупированной территории, историки подчеркивают, что «введенные оккупационными властями нормы питания не могли поддерживать в надлежащем состоянии биологическое существование человека, не говоря уже о необходимости работать» [24, с. 174]. В медицинской сфере главным являлся принцип полезности того или иного работника для Германии. Поэтому все усилия медиков были направлены на то, чтобы побыстрее восстановить трудоспособность человека.

Системный анализ образовательных процессов, которые происходили в годы Великой Отечественной войны на территории всей Беларуси, провел М.Г. Жилинский. Факты, приведенные исследователем, подтверждают прежние выводы историков о том, что учебно-воспитательный процесс, организованный гражданскими оккупационными властями, имел отличительную национально-пропагандистскую окраску, нацистскую сущность и был направлен главным образом на подготовку необходимых оккупантам кадров [12].

Характерной чертой белорусской историографии советского периода является преимущественное исследование процессов, происходивших на территории рейхскомиссариата «Остланд», составной частью которого был Генеральный округ Беларусь. Особенности оккупационной политики на территории западных областей Беларуси практически находились вне поля зрения историков. Западнобелорусский регион по своему политическому, социально-экономическому, конфессиональному и национальному положению существенно отличался от остальной территории БССР. «В сознании людей, – пишет польский историк Ю. Туронок, – остались очень глубокие принципиальные различия между Беларусью Западной и Восточной. Это ярко проявилось во время оккупации: по обеим сторонам бывшей границы господствовали разные общественные отношения, разные настроения и поведение населения, разный удельный вес и взаимоотношения политических факторов и группировок...» [39, с. 4]. Одним из средств укрепления оккупационного режима являлась политика разграничения национальных сообществ, проживавших в регионе. Так, в первые месяцы после оккупации нацисты начали проводить политику, направленную на поддержку представителей польской национальности, но с

осени 1941 г. оккупанты поменяли курс. В. Кубе сделал ставку на поддержку белорусов. Однако на практике из-за нехватки специалистов кадровый состав созданных органов в большинстве оставался польским. Тем не менее, польские политические круги, претендовавшие на западные белорусские земли, негативно восприняли национальную политику В. Кубе, наиболее полно воплощенную в лозунге «Беларусь для белорусов». Несмотря на различные тактические изменения, в целом мероприятия германских властей способствовали обострению национальных отношений. Ситуацию усложняли советская политика по отношению к полякам и позиция польского эмигрантского правительства, которые не отличались гибкостью и дальновидностью. Как отмечает В.В. Барабаш, «играя на существовавших межнациональных противоречиях, гитлеровцам удалось спровоцировать конфликты между украинцами и поляками в отдельных районах Беларуси, присоединенных к рейхскомиссариату “Украина”, и между литовцами и поляками в северо-западных районах Беларуси, отошедших к генеральному округу “Литва”. Вместе с тем были обречены на неудачу активные попытки фашистов разжечь крупномасштабную войну между поляками и белорусами» [1, с. 14].

Снятие грифа секретности с оккупационных фондов обусловило появление научных работ, в которых рассматриваются вопросы организации системы здравоохранения, медицинского обслуживания населения, школьного образования на оккупированной территории Беларуси. Особенностью таких исследований является широкое использование источников немецкого происхождения, а также их источниковедческий анализ. Так, практически полностью построено на основании документов германских оккупационных органов управления и учреждений, которые действовали на территории западных областей республики, диссертационное исследование И.Э. Еленской [11]. Источниковедческий анализ делопроизводственной документации оккупантов, разработка основных вариантов классификации материалов Государственного архива Брестской области позволили автору показать основные направления политики захватчиков в области медицины, школьного образования. Как свидетельствуют материалы диссертации, мероприятия оккупационных властей были направлены на охрану здоровья населения только в пределах, необходимых для поддержания стабильной медико-эпидемиологической обстановки и защиты от последствий, связанных с развитием массовых заболеваний. Это предусматривало санитарный контроль, организацию санитарно-защитных мероприятий, оказание медицинской помощи жителям Беларуси. К новизне исследования необходимо отнести данную И.Э. Еленской характеристику школьной политики оккупантов, которая проявлялась в украинизации школы на территории Брестского и Пинского округов.

В отдельное направление исследований в 1990-е гг. выделяются вопросы аграрной политики захватчиков. Эта проблема в советские времена рассматривалась в контексте изучения экономических мероприятий оккупантов на белорусской земле. Изменениям в аграрном секторе западных областей Беларуси в период оккупации посвящен отдельный раздел в кандидатской диссертации и монографии В.А. Белозоровича [6]. Как справедливо отмечает автор, захватчики рассматривали западный регион БССР в качестве аграрно-сырьевого придатка Германии. Обязательные поставки сельскохозяйственной продукции на нужды германской армии в сочетании с карательными экспедициями и репрессиями, колонизация территории переселенцами из Германии и Голландии привели к массовому обнищанию западнобелорусской деревни. Не улучшило положение и аграрная реформа 1942 г. В 1943 г. в западных областях республики 240 тысяч гектаров не были обработаны, а 10–15 % семей потеряли последнюю корову [39, с. 152].

Представления исследователей о сути аграрной политики оккупационных властей, механизме ее осуществления на территории Западной Беларуси существенно дополнила С.Л. Козлова [19], которая на основании разнообразных источников, в том числе и материалов, выявленных в архивах Федеративной Республики Германии, доказала, что важнейшей составной частью оккупационных мероприятий была сельскохозяйственная колонизация и онемечивание западных территорий. Значительный фактологический материал позволил автору показать основные направления немецкой аграрной политики на территориях, находившихся в составе рейхскомиссариата «Украина», округа «Белосток». Эти вопросы практически не изучались в советский период. К новизне работ С.Л. Козловой можно также отнести анализ деятельности Нидерландского Восточного общества в Западной Беларуси, сельскохозяйственных школ и агрономических курсов для местного населения.

С первых дней в республике развернулась партизанская и подпольная борьба. Одной из наиболее активных форм движения Сопротивления были вооруженные действия партизанских формирований. На оккупированной территории БССР сражались с врагом 374 тыс. партизан, 400 тыс. резерва из местного населения, около 70 тыс. подпольщиков. Движение Сопротивления в Беларуси не имеет аналогов в истории. Вместе с тем часть населения принудительно или добровольно пошла на сотрудничество с захватчиками. В исторической литературе это явление получило название «коллаборация». Советское руководство без определения причин и обстоятельств сотрудничества объявило данных людей предателями Родины. В связи с этим проблема коллаборационизма на территории СССР не получила широкого освещения. Не использовался

термин «коллаборация» при изучении сотрудничества местного населения с оккупантами. Как правило, данное понятие применялось для характеристики явления в западноевропейских странах. Вместе с тем полностью обойти тему коллаборации в годы Великой Отечественной войны историки не могли. Особенностью работ, изданных в советский период, было дозированное использование документальных материалов, которые преимущественно являлись закрытыми. Первым исследователем проблемы стал не ученый, а руководитель госбезопасности БССР Л.В. Цанава [40]. Идеологические оценки «белорусские националисты – самые заклятые враги белорусского народа», «наемники Гитлера», «предатели народа», «агенты иностранных разведок», данные в его монографии, с незначительной корректировкой оставались основными в советской историографии Великой Отечественной войны.

Существенные изменения общественно-политического характера начала 1990-х гг. стимулировали изучение запрещенных тем военной истории, среди которых выделяется проблема коллаборационизма. Разнообразные ее аспекты стали темой исследования А.М. Литвина. Новые методологические подходы позволили автору провести градацию тех, кто по разным причинам пошел на сотрудничество с оккупантами: 1. Те белорусские силы, которые были в открытой и тайной оппозиции к большевизму. Открытые оппозиционеры – это в основном белорусские эмигранты, проживавшие до 1939 г. за границей. На правом фланге данных сил была Белорусская национал-социалистическая партия (белорусские фашисты во главе с Ф. Акинчицем). 2. Те, кто до войны жил на территории БССР, и кто поверил немцам, сознательно пошел к ним на службу. Среди них было много обиженных советской властью. 3. К третьей группе можно отнести тех, кто волей судьбы оказался в связи с первой или второй группой, или на службе оккупантов и был лишен иного выбора. Костяком белорусской коллаборации была первая группа, которую также можно считать политической (идеологической) коллаборацией [25, с. 199]. Кроме политической, он выделяет также экономическую и военную коллаборацию. Несомненной заслугой историка является определение количества коллаборантов. Согласно подсчетам А.М. Литвина, общее количество людей, имевших отношение к коллаборации на территории Беларуси с учетом восточных и кавказских батальонов, полиции порядка, полицейских украинских, литовских, белорусских и т.д. батальонов, формирований БСА и БКО, составляло более 130 тысяч человек [26, с. 25].

Основным направлением исследований А.А. Ковалени стала жизнь молодежи в годы Великой Отечественной войны. Истоки, основания, политическая суть и структура, количественный состав, деятельность прогерманских союзов молодежи на оккупированной территории Беларуси в

1941–1944 гг. обстоятельно раскрыты в докторской диссертации и одноименной монографии автора [17]. Анализ приведенных в исследовании фактов дает возможность сделать вывод о том, что социально-политическая жизнь в СССР накануне войны, поражения Красной Армии в начале войны, стремительный захват вермахтом территории Беларуси, активная идеологическая и пропагандистская обработка населения оккупационными властями способствовали идеологическому разграничению в обществе, в том числе и молодежной среде. Все это явилось благоприятным морально-психологическим основанием для создания прогермански ориентированных молодежных союзов и позволило втянуть в сферу политических, военно-экономических интересов оккупантов определенную часть белорусской молодежи. Наибольшим авторитетом пользовался Союз белорусской молодежи, в рядах которого по подсчетам А.А. Ковалени, насчитывалось около 13 тысяч человек [18; 29].

Роль интеллигенции в коллаборантской среде раскрыл В.И. Кузьменко. Оправданным является вывод историка о том, что сегодня тяжело разобраться, что являлось главным у руководства коллаборантскими организациями и структурами: действительный национальный идеализм или подконтрольность немецким спецслужбам, «зомбированность» ими. Несомненно, что рядом с «возвышенными идеалистами» были политиканы и авантюристы, искавших любой власти и успеха, готовых «ради этого служить кому угодно» [22, с. 137].

Не обошли вниманием такую сложную проблему и авторы монографии «Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі 1941–1945 гг.», в 6-й главе которой показана деятельность коллаборантских профсоюзов. Основной задачей профсоюзных лидеров являлось пропагандистское обеспечение проводимых оккупационными властями мероприятий по использованию трудовых ресурсов страны. Разнообразные документы, в том числе и немецкие, дают право утверждать, что «созданные нацистами коллаборантские профсоюзы только декларировали “заботу” о трудящихся, но в принципе не способны были решать никакие социальные задачи... Профсоюзы рассматривались немцами как инструмент наиболее эффективной эксплуатации трудовых ресурсов оккупированной Беларуси» [24, с. 204]. Однако, несмотря на все усилия оккупационных властей и коллаборантских организаций, агитационно-пропагандистская кампания потерпела неудачу. Главными причинами краха планов оккупантов, как замечают исследователи, было несоответствие пропагандистских материалов реальным условиям жизни и быта белорусских оstarбайтеров в Германии, активная контрагитация со стороны Сопrotивления.

Как показали события Великой Отечественной войны, даже до создания марионеточного государственного образования дело не дошло. На практике представители коллаборации, находясь на службе в прогерманских организациях и военных формированиях, вынуждены были принимать участие в различных мероприятиях оккупантов, в том числе в карательных экспедициях, борьбе с партизанами, уничтожении советского актива. В цели нацистского руководства Германии не входило сохранение независимой Беларуси. Наоборот, во времена оккупации белорусский народ потерял не только государственную, но и территориальную целостность. Данный вывод находит подтверждение в работах А.А. Ковалени, А.М. Литвина, К.И. Козака и других белорусских исследователей.

Одним из наиболее сложных вопросов Великой Отечественной войны является вопрос о количестве уничтоженного населения Беларуси. Разнообразные методики подсчетов потерь, используемые исследователями, дают противоречивые цифры. В полной мере это относится и к подсчету убытков на всей оккупированной территории Советского Союза. В значительной степени данные, которые назывались в разные периоды изучения истории Великой Отечественной войны, зависели не только от научных достижений историков, но и от политической конъюнктуры. Так, И. Сталин в феврале 1946 г. назвал цифру потерь 7 млн человек, М.С. Хрущев после войны – свыше 20 млн советских людей, а М.С. Горбачев – почти 27 млн советских людей [23, с. 127, 128]. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. появились новые цифры, которые еще больше отличаются между собой. Б.В. Соколов считает, что СССР в годы войны потерял 37 млн человек [38], В.Я. Горов и А.М. Самсонов называют цифру 50 млн человек [10, с. 313].

Увеличение количественных показателей потерь СССР в годы войны естественно привело к пересмотру вопроса о количестве погибших в Беларуси. В советской историографии утверждалось, что БССР потеряла 2 200 000 человек, т.е. каждого четвертого. Данная цифра впервые была приведена Чрезвычайной государственной комиссией в конце 1944 г. Она была получена путем математического суммирования чисел 1 409 225 (количество уничтоженных мирных жителей) и 810 091 (количество уничтоженных советских военнопленных, которые находились на территории Беларуси). Как видно, вне внимания членов Комиссии остались оstarбайтеры, а также те, кто погиб и умер на фронтах, в эвакуации, в тылу, а также в системе ГУЛАГа. Однако, несмотря на очевидную неточность подсчетов, приведенная цифра являлась единственным ориентиром для отечественных исследователей [4, с. 451]. Встречается она и на страницах современных изданий. В частности, аналогичная цифра приводится во втором томе «Энциклопедии истории Беларуси» [41, с. 434].

Одновременно в публицистических и научных изданиях появились новые данные людских потерь в Беларуси. Так, выступая на международной конференции «Великая Победа: героизм и подвиг народов», А.А. Коваленя отметил, что «жертвами нацизма стали около 3 млн человек» [20, с. 38]. Такую цифру называют и авторы коллективной работы «Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.» [2, с. 496]. Для установления количества граждан Беларуси, погибших в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн, на базе Управления Министерства обороны Республики Беларусь была создана рабочая группа, в состав которой были включены историки, архивисты, музейные работники. Результатом ее деятельности стал утвержденный 19 июня 2001 г. документ, в котором, в частности, сказано: «Людские потери на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1944), основанные на архивных данных, составляют 2 596 676 человек, в том числе погибших военнослужащих в боях 332 569 человек, в лагерях военнопленных – 810 691, партизан и подпольщиков – 44 791, мирного населения – 1 409 225 человек» [31, с. 92].

Однако выводы, сделанные рабочей группой, удовлетворили далеко не всех ученых Беларуси. В 2002 г. в сборнике научных работ «Беларусь в XX веке» была опубликована статья А.М. Литвина «К вопросу о количестве людских потерь Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.)». Проанализировав значительный круг опубликованных источников, историк предложил свою методику подсчета. Результатом проведенного им анализа стало заключение: «Исходя из имеющихся данных, делать вывод о том, что на территории Беларуси погиб каждый третий житель, является неправомерным» [23, с. 137]. В целом не оспаривая выводов исследователя, подчеркнем, что методика подсчетов, предложенная автором, имеет недостатки. Она базируется на принятых в советской и отечественной историографии цифрах о количестве населения перед войной, после войны, количестве эвакуированных в тыл, погибших на фронтах, в партизанских отрядах и т.д. А эти цифры, что подтверждает и исследователь, являются приблизительными и иногда даже сфальсифицированными. Отсюда следует вывод, что А.М. Литвин не дал окончательного ответа на вопрос, сколько людей погибло в Беларуси в годы войны. Кстати, это обстоятельство признает и сам ученый, когда вносит свои предложения по механизму получения точной статистики людских потерь республики. На наш взгляд, эти предложения научно обоснованы и поэтому достойны поддержки [23, с. 137].

Анализ исторической литературы, созданной в последнее десятилетие XX века – начале 2000-х гг., показывает, что отличительной особенностью нового периода историографии, который начался после приобретения Республикой Беларусь независимости, стало изучение вопросов, не получивших надлежащего освещения в советской исторической литературе.

Особую актуальность приобретает изучение истории отдельных лагерей, где содержались военнопленные и мирное население (М.Я. Савоняко, А.М. Литвин), политики нацистского геноцида еврейского населения (Э.Г. Иоффе, Е.С. Розенблат, И.Э. Еленская), принудительного труда граждан на оккупированной территории Беларуси, а также в Германии, Австрии и других странах (Е.А. Гребень, С.Е. Новиков, А.М. Литвин, Г.Д. Кнатько). Большую системность приобретают работы, в которых рассматриваются вопросы германской политики в области сельского хозяйства, а также образования и медицины (В.А. Белозорович, И.Э. Еленская, М.Г. Жилинский, С.Л. Козлова).

Вместе с тем отдельные вопросы требуют дополнительного исследования. Для осмысления и понимания деятельности оккупационных структур необходима дальнейшая детальная проработка понятийного аппарата для изучения оккупационного режима. Особое значение при этом имеет определение количества людских потерь в период оккупации. Требуют уточнения и потери еврейского населения. Более основательного изучения заслуживает проблема советских военнопленных, их жизнь в концентрационных лагерях, число погибших на территории республики. Для выявления сущности оккупационной политики необходимо и освещение повседневной жизни различных категорий населения Беларуси в сложных условиях оккупации, их взаимоотношений с германскими административными органами и учреждениями. Несмотря на то, что в научный оборот введено значительное количество материалов о сути оккупационной политики фашистской Германии, отсутствуют обобщенные данные о составе, структуре германских органов власти, степени влияния на их функционирование директив высшего руководства Германии. Задачами отечественных историков является выявление форм деятельности военной администрации на тех территориях республики, которые находились в зоне их компетенции, определение и характеристика тенденций, особенностей деятельности оккупационных органов, их количественного и качественного состава. Решение поставленных задач возможно только на основании комплексного использования как отечественных, так и зарубежных источников, их источниковедческого и историографического анализа.

1. Барабаш, В.В. Поляки в антифашистской борьбе на территории Беларуси (1941–1944 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В.В. Барабаш ; Белорус. гос. пед. ун-т. – Минск, 1999. – 20 с.

2. Беларусь в годы Великой Отечественной войны : 1941–1945 гг. / А.А. Коваленя (рук. авт. колл.) [и др.]. – Минск : БелТА, 2005. – 544 с.

3. Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны: масавыя забойствы нацыстаў : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 2 ліп. 2005 г. / Гіст. майстэрня ў Мінску, Міжнар. адукац. цэнтр у Дортмундзе ; адк. рэд.: В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. – Мінск, 2005. – 306 с.; Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяраў

нацызму ў Беларусі : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 10 ліст. 2004 г. / Гіст. майстэрня ў Мінску, Міжнар. адукац. цэнтр у Дортмундзе ; адк. рэд.: В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. – Мінск, 2005. – 316 с.

4. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне: 1941–1945 : энцыклапедыя / БелСЭ ; рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1990. – 680 с.

5. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне: 1941–1945 : энцыкл. / Беларус. Сав. энцыкл. ; рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1990. – 680 с.

6. Белозорович, В.А. Аграрные преобразования в западных областях Беларуси в 1939–1952 годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В.А. Белозорович ; Беларус. гос. пед. ун-т. – Минск, 1999. – 15 с.

7. Белорусские оstarбайтеры. Репатриация (1945–1951) : док. и материалы / сост.: Г.Д. Кнатько [и др.]. – Минск : НАРБ, 1998. – Кн. 3 : в 2 ч. – Ч. 1. – 368 с.; Белорусские оstarбайтеры. Репатриация (1945–1951) : док. и материалы / сост.: Г.Д. Кнатько [и др.]. – Минск : НАРБ, 1998. – Кн. 3 : в 2 ч. – Ч. 2. – 310 с.; Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944) : док. и материалы : в 2 кн. / сост.: Г.Д. Кнатько [и др.]. – Минск : НАРБ, 1996. – Кн. 1 (1941–1942). – 304 с.; Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944) : док. и материалы : в 2 кн. / сост.: Г.Д. Кнатько [и др.]. – Минск : НАРБ, 1997. – Кн. 2 (1943–1944). – 472 с.; Оstarбайтеры: принудительный труд белорусского населения в Австрии : док. и материалы / сост.: Г.Д. Кнатько [и др.]. – Минск : Graz : Ин-т по исслед. последствий войны, 2003. – 324 с.

8. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944) : док. и материалы : в 2 кн. / сост.: Г.Д. Кнатько [и др.]. – Минск : НАРБ, 1997. – Кн. 2 (1943–1944). – 472 с.

9. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ; гл. редкол.: А.Т. Кузьмин (пред.) [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983–1985. – Т. 3. – 1985. – 531 с.

10. Горов, В.Я. 1941–1945. На подступах к истине / В.Я. Горов, А.М. Самсонов // Историки спорят: 13 бесед / под общ. ред. В.С. Лельчука. – М. : Госполитиздат, 1988. – С. 303–334.

11. Еленская, И.Э. Документы немецко-фашистских оккупационных органов управления и учреждений как исторический источник (по материалам Госархива Брестской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / И.Э. Еленская ; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 1999. – 18 с.

12. Жылінскі, М.Г. Адукацыя на акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны (чэрвень 1941 – ліпень 1944 гг.) / М.Г. Жылінскі ; навук. рэд. А.А. Каваленя. – Мінск : БДПУ, 2006. – 204 с.

13. Залесский, А.И. В партизанских краях и зонах. Патриотический подвиг советского крестьянства в тылу врага (1941–1944 гг.) / А.И. Залесский. – М. : Соцэкгиз, 1962. – 397 с.; Залесский, А.И. В тылу врага. Борьба крестьянства Белоруссии против социально-экономических мероприятий немецко-фашистских оккупантов / А.И. Залесский. – Минск : Наука и техника, 1969. – 179 с.

14. Розенблат, Е.С. Изучение проблемы Холокоста в Беларуси: состояние и перспективы / Е.С. Розенблат // Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: стан і перспектывы даследавання праблемы : матэрыялы “круглага” стала, г. Мінск, 22 ліст. 2002 г. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі ; рэдкал.: А.А. Каваленя, А.М. Літвін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2005. – С. 153–158.

15. Иоффе, Э.Г. Белорусские евреи: трагедия и героизм. 1941–1945 / Э.Г. Иоффе. – Минск, 2003. – 428 с.; Иоффе, Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси : крат. науч.-попул. очерк / Евр. ун-т в Минске ; Э.Г. Иоффе. – Минск : Арти-Фекс, 1996. – 162 с.

16. Иоффе, Э.Г. Белорусские евреи: трагедия и героизм: 1941–1945 / Э.Г. Иоффе. – Минск, 2003. – 428 с.

17. Каваленя, А.А. Прагерманскія саюзы моладзі Беларусі. 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць : аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук : 07.00.02 / А.А. Каваленя ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2000. – 38 с.; Каваленя, А.А. Прагерманскія саюзы моладзі Беларусі. 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць / А.А. Каваленя. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 1999. – 260 с.

18. Каваленя, А.А. Прагерманскія саюзы моладзі Беларусі. 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць : аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук : 07.00.02 / А.А. Каваленя ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2000. – 38 с.

19. Казлова, С.Л. Аграрная палітыка германскіх акупантаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1941–1944 гадах / С.Л. Казлова // Беларус. гіст. часоп. – 2005. – № 12. – С. 14–21; Казлова, С.Л. Аграрная палітыка нямецкіх акупацыйных улад на тэрыторыі Заходніх абласцей Беларусі (1941–1944 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / С.Л. Казлова ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2006. – 22 с.

20. Коваленя, А.А. Память о Великой Отечественной войне / А.А. Коваленя // Великая Победа: героизм и подвиг народов : материалы междунар. научн. конф., Минск, 28–29 апр. 2005 г. : в 2 т. / Ин-т истории НАН Беларуси ; отв. ред. А.М. Литвин. – Минск, 2006. – Т. 1. – С. 37–40.

21. Козак, К.И. Германский оккупационный режим на территории Беларуси. 1941–1944 гг. : историография и источники / К.И. Козак ; под ред. А.А. Ковалени. – Минск : БГУ, 2006. – 268 с.

22. Кузьменко, В.И. Интеллигенция Беларуси в период немецко-фашистской оккупации (1941–1944 гг.) : монография / В.И. Кузьменко ; А.М. Литвин (науч. ред.) ; Беларус. гос. пед. ун-т им. М. Танка, Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск : Беларус. гос. пед. ун-т им. М. Танка, 2001. – 199 с.

23. Литвин, А. К вопросу о количестве людских потерь Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / А. Литвин // Беларусь у XX стагоддзі : сб. науч. работ ; ред. В.П. Андреев. – Минск, 2002. – Вып. 1. – С. 127–138.

24. Літвін, А.М. Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі 1941–1945 гг. / А.М. Літвін, Я.А. Грэбень, С.Я. Новікаў ; пад агул. рэд. А.М. Літвіна ; пер. В.А. Лойка, С.П. Паўлавіцкі. – Мінск : Тэсей, 2010. – 584 с.

25. Літвін, А.М. Акупацыя Беларусі (1941–1944): пытанні супраціву і калабарацыі / А.М. Літвін. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2000. – 288 с.

26. Літвін, А.М. Антысавецкія ваенна-паліцэйскія фарміраванні на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. 1941–1944 гг. Вытокі. Структура. Дзейнасць : аўтарэф. дыс.... д-ра гіст. навук : 07.00.02 / А.М. Літвін ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2000. – 37 с.

27. Літвін, А.М. Трасцянецкі лагер: актуальныя праблемы вывучэння / А.М. Літвін // Мінскае гета. 1941–1943 гг.: Трагедыя. Гераізм. Памяць : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 24 кастр. 2003 г. / Гіст. майстэрня ў Мінску, Міжнар. адукац. цэнтр у Дортмундзе ; адк. рэд.: В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. – Мінск, 2003. – 208 с.

28. Новікаў, С.Я. Беларусь у кантэксце германскай гістарыяграфіі гісторыі Другой сусветнай вайны / С.Я. Новікаў ; навук. рэд. Э.Р. Иофе. – Мінск : МДЛУ, 2004. – 284 с.

29. Новікаў, С.Я. Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі ў 1941–1944 гг.: агляд крыніц германскай гістарыяграфіі 1990-х гадоў / С.Я. Новікаў ; навук. рэд. Г.А. Космач ; Беларус. дзярж. лінгв. ун-т. – Мінск : МДЛУ, 2002. – 219 с.

30. Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941–1944) : зб. / пад рэд. У.М. Міхнюка. – Мінск : БелНДЦДААС, 1995. – 416 с.

31. Памяць : Рэспубліканская кніга / рэд. кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2005. – 587 с.

32. Разняволеная памяць. Прымусовая праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.) : зб. навук. арт. / пад рэд. А.М. Літвіна. – Мінск : Медысонт, 2010. – 216 с.

33. Розенблат, Е.С. Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения в Западных областях Беларуси. 1941–1944 : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е.С. Розенблат ; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 2000. – 18 с.

34. Розенблат, Е. Юденраты в Беларуси: проблема коллаборации / Е. Розенблат // Уроки холокоста: история и современность : сб. науч. работ / МБФ «Возрождение – Старт», Union of Councils for Jews in FSU. – Минск, 2009. – Вып. 1. – С. 65–68.

35. Розенблат, Е.С. Изучение проблемы Холокоста в Беларуси: состояние и перспективы / Е.С. Розенблат // Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: стан і перспектывы даследавання праблемы : матэрыялы “круглага” стала, г. Мінск, 22 ліст. 2002 г. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі ; рэдкал.: А.А. Каваленя, А.М. Літвін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2005. – С. 153–158; Розенблат, Е. Юденраты в Беларуси: проблема коллаборации / Е. Розенблат // Уроки холокоста: история и современность : сб. науч. работ / МБФ «Возрождение – Старт», Union of Councils for Jews in FSU. – Минск, 2009. – Вып. 1. – С. 65–68.

36. Розенблат, Е.С. Изучение проблемы Холокоста в Беларуси: состояние и перспективы / Е.С. Розенблат // Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: стан і перспектывы даследавання праблемы : матэрыялы “круглага” стала, г. Мінск, 22 ліст. 2002 г. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі ; рэдкал.: А.А. Каваленя, А.М. Літвін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2005. – С. 153–158.

37. Розенблат, Е.С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле / Е.С. Розенблат // Беларусь. 1941–1945: Трагедия. Память : в 2 кн. / Ин-т истории НАН Беларуси ; редкол.: А.А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2010. – Кн. 1.

38. Соколов, Б.В. Великая Отечественная война: Цена победы / Б.В. Соколов. – М. : Воениздат, 1991. – 192 с.

39. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак ; пер. з пол. В. Ждановіч ; камент. А.М. Літвіна. – Мінск : Беларусь, 1993. – 236 с.

40. Цанава, Л.Ф. Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков / Л.Ф. Цанава. – Минск : Госиздат БССР, 1949; Цанава, Л.Ф. Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков / Л.Ф. Цанава. – Минск : Госиздат БССР, 1950. – 1035 с.

41. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Б.І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993–2003. – Т. 2 : Беліцк – Гімн. – 1994. – 537 с.

УДК 94(438)“1989”

Я.Е. МИЛЕВСКИЙ

Польша, Белосток, Отдел института национальной памяти

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА – СМЕНА СИМВОЛОВ И МЕСТ ПАМЯТИ В ПОЛЬШЕ ПОСЛЕ 1989 г.

До 1989 г. в Польше старались утверждать образ нашей страны как первой жертвы агрессии Германии во Второй мировой войне (вообще не вспоминая о событиях после 17 сентября 1939 г.), стране, которая понесла наибольшие человеческие потери (погибло 220 человек на 1 000 жителей), которая под конец войны имела среди союзников четвертую по размеру армию и участвовала в войне с начала и до ее окончания в Европе. Местами памяти были исключительно места преступлений, совершенных немцами (концентрационные лагеря, места массового уничтожения, казней, пацификации деревень) или связанные с деятельностью «левого» подполья и партизан. С ними также были связаны названия улиц и площадей, имена, присваиваемые школам и предприятиям. Только немногие ссылались на другую традицию, которую невозможно было проигнорировать: Варшавское восстание, восстание в варшавском гетто, акции подпольного харцерства («Серые Шеренги») и т.п. Концепцией в пользу коалиционного союзника, «Объединенного Стронництва Людового», было включение в рамки официальной памяти деятельности «Крестьянских батальонов». Местом мемориализации событий и людей, связанных с польским подпольным государством, подчинявшимся в годы войны правительству в эмиграции, были – и то в ограниченном объеме – костелы и кладбища.

Политические изменения после 1989 года и восстановление независимости привели к переоценке исторической политики. Введение демократических свобод, в том числе ликвидация цензуры и различных запретов, сделали возможным также почитание символов и годовщин, отличающихся от официальных, хотя в случае памятников и мемориальных досок, находящихся в публичном пространстве, должны были соблюдаться определенные процедуры. Восстановление независимости позволило, прежде всего, вернуть в официальную память символы и события, ранее запрещенные по причине советского господства. Также произошла эволюция содержания тем, касающихся Второй мировой войны в школьных учебниках истории.

Эту эволюцию в стране восприняли как естественную, но за рубежом, а главным образом в России, она воспринимается как радикальная. В книге, изданной Российским институтом стратегических исследований, посвященной образу Второй мировой войны в учебниках истории в

славянских странах, доктор Оксана Петровская так озаглавила раздел о польских учебниках: «Теория двух врагов» [1, с. 113]. Не со всеми тезисами этой книги можно согласиться, но это название в значительной степени характеризует изменения, которые наступили в Польше после 1989 г.

По-прежнему важной датой является день 1 сентября – годовщина нападения Германии на Польшу в 1939 г., но к ней добавилось 17 сентября – начало агрессии Советского Союза, а важными символами оборонительной войны в 1939 г. являются не только Вестерплатте и «черное воскресенье» в Быдгощи, но также и оборона Гродно и убийства военных осадников. Почитается память жертв немецкого террора (на территории бывших концентрационных лагерей и тысяч мест казней, рассеянных по всей стране), но также официально отмечается годовщина депортаций вглубь СССР, почитается память жертв Катыни – уже несколько лет существует традиция посадки дубов в честь конкретных лиц. В Белостоке с 2001 г. в первой половине сентября происходят общепольские «Марши живой памяти Польской Сибири», в которых участвуют более десяти тысяч человек со всей страны и из-за рубежа.

Однако в последние два десятилетия началась еще и другая переоценка – может не столько польской исторической памяти, сколько исторической политики. Польша после 1989 г. как бы «перешла» из лагеря стран-победителей в лагерь стран-побежденных, которые в результате войны проиграли, хотя все время были среди стран-союзников. Польша была обманута: потеряла часть территории и суверенитета, что привело к тому, что после 1944 года часть поляков продолжала борьбу, которая приносила очередные жертвы. Поэтому также день 8 мая, в принципе, является днем победы. Также совершенно не отмечаются годовщины освобождения Красной Армией от немцев отдельных городов, потому что это являлось началом очередного порабощения. Советская Армия и специальные подразделения поддерживали организацию коммунистических структур на польских землях, участвовали в уничтожении польского независимого подполья, а солдаты временами вели себя как на территории противника, позволяя себе грабежи и насилие. Поэтому в Польше, за редким исключением, нет ни улиц Красной Армии, ни памятных дат освобождения отдельных городов. Если где-то еще таковые остались, то исключительно по прагматическим соображениям (изменение название улицы имеет ряд административных последствий, например, требует замену удостоверений личности проживающих на этой улице или штампов в учреждениях). В Белостоке, однако, осталась улица «27 июля», что может быть также следствием того, что именно в этом регионе еще есть значительное количество бывших солдат Красной Армии, призванных в 1940–1941 годах. Наиболее известным исключением в стране является день 27 января 1945 г. –

освобождение Освенцима – самого крупного концентрационного лагеря смерти на польских землях – Аушвиц-Биркенау. Этот день был избран Генеральной Ассамблеей ООН в 2005 г. как Международный день памяти Холокоста.

Уже цитированная выше Оксана Петровская пишет, что поляки забывают о 600 тыс. советских солдатах, которые погибли на польских землях, воюя в 1944–1945 годах с немцами [1, с. 136]. В материальном отношении польские власти не забывают об этом. Несколько сотен мест захоронения этих солдат, в том числе 175 кладбищ (часть из них совместных с солдатами Войска Польского), содержатся должным образом. Туда также в подавляющем большинстве попали «памятники братства по оружию» (с Советской Армией), а также посвященные ей «памятники благодарности», ранее стоявшие в центрах городов. Один из немногочисленных оставшихся на своем месте символов такого типа – это памятник «Польско-советского братства по оружию» (в народе называемый «Четверо спящих») по улице Тарговой в предместье Праге в Варшаве (открытый уже в ноябре 1945 г., на тот момент перед зданием Временного правительства национального единства, в 1947 г. был заменен памятником, отлитым из бронзы). В связи со строительством станции метро памятник был демонтирован, и сейчас идут дискуссии – должен ли он по техническим причинам быть перемещен или по политическим причинам перенесен на кладбище советских солдат [2]. Правые круги и организации указывали на исключительную толерантность в Польше в отношении присутствия в публичном пространстве советских символов, что рассматривалось ими как проявление исключительной «шизофрении». Упомянутый памятник был перед демонтажем объектом осквернения. В 2011 г., как установлено, два харцера из «Союза Харцерства Речи Посполитой» написали на нем: «2010 Путин Туск». Деятели Союза Демократической Левицы назвали их «вандалами», а политики правого «Права и Справедливости» назвали это «проявлением патриотизма». В 2012 г. два варшавских памятника – ген. Зигмунту Берлингу и Советской Армии в парке Скарышевского – подверглись осквернению, главным образом в виде различных надписей (например, Сталин, Берия, Путин, Туск) десять раз [7]. Как вытекает из самих надписей, их авторов скорее интересовали современные эмоции, а не исторические моменты. Здесь, полемизируя с теорией «двух врагов», необходимо отметить, что нигде в Польше не было и нет (даже на кладбище) памятника «братства по оружию» с немцами.

В период Народной Польши пытались формировать культуру классовой (рабочего класса), партийной (коммунистическое движение и союзники), просоветской (подчиненной союзническому сотрудничеству с СССР, а также другим странам соцлагеря), а также в принципе

мононациональной (польской) памяти. Только такими символами застраивалось публичное пространство. В связи с этим не было места в официальной памяти для элементов, которые портили бы хорошие отношения со странами «социалистического» лагеря. Поэтому невозможно было писать, например, об убийствах, совершенных украинскими националистами на Волыни, или сотрудничестве в акциях уничтожения литовских частей с немцами, но также и о случаях недостойного поведения некоторых поляков в отношении евреев. Таким образом это был памятный образ прошлого, показывающий поляков только как жертв войны и авторов героических поступков, в принципе, молчащий о судьбе трети граждан непольской национальности. Исключение представлял вопрос уничтожения еврейского населения руками немцев.

После 1989 г. начался трудный процесс преобразования польской национальной памяти в польскую гражданскую память [6]. Несомненно, особо важную роль в этом процессе сыграл факт убийства местных евреев в небольшом местечке Едвабно (Белостокское воеводство) 10 июля 1941 г. Большую общенациональную дискуссию вызвал Ян Томаш Гросс, автор книги, в которой он описал, как поляки в этом населенном пункте в первые дни советско-немецкой войны убили 1 600 своих еврейских соседей, сжигая большинство из них в стодоле [3]. Гросс, безусловно, приукрасил ситуацию, так как не было бы преступления, если бы не немецкое подстрекательство или даже их непосредственная организация. В акции приняло участие только небольшая часть польских жителей, и, что может быть наименее важно, жертв было только около 350. Несмотря на убедительные доказательства, часть историков и публицистов, участвовавших в тот период в дискуссии, отрицали факт добровольного участия польского населения в убийстве. Характерными были также возмущенные голоса о том, что в стодоле не могло поместиться аж 1 600 человек – никто ранее не протестовал против этого числа в ситуации, когда в качестве исполнителей преподносились немцы. И до сих пор звучат голоса «оправдания» в связи с тем, что евреи сотрудничали с НКВД. Стоит добавить, что в соседнем населенном пункте Радзилов, где за три дня до этого дошло до похожей трагедии (7 июля 1941 г. там в стодоле сожгли около 300 местных евреев), на скромном памятнике до сих пор сохраняется неправильная надпись: «В августе 1941 г. фашисты убили 800 человек еврейской национальности, в том числе 500 сожгли живьем в стодоле. Слава их памяти!» [4, s. 74]. О том, что эта проблема не заняла соответствующего места в нашей культуре памяти, свидетельствует реакция некоторых кругов на фильм Владислава Пасиковского «Последствия» (Poklosie) (вышел на экраны в 2012 г.), который отсылает к проблемам, вытекающим из дискуссии о преступлении в Едвабно.

Забывается совершенно о других преступлениях, если речь идет о депортации в Сибирь и Казахстан, совершенных в 1940–1941 годах. Делается попытка оправдать некоторых исполнителей преступлений, совершенных вооруженным подпольем в отношении евреев или белорусов сразу после войны. Классическим примером непонимания других был спор вокруг строительства и особенно надписи на памятнике 30 белорусам, убитым в Бельскоподляском повате 31 января 1946 г. отрядом «Национального военного объединения» капитана Ромуальда Райса, псевдоним «Бурый». И наоборот, иногда представители национальных меньшинств не пытаются понять настоящие причины событий, объясняя все национальными мотивами. Такая позиция особенно популярна среди политиков, которые в своих интересах часто использует исторические события. Особенно крайне правые, националистические круги не могут согласиться с тем, что искажается образ Польши исключительно как жертвы. На этой почве происходят различные инциденты, например, в 2011 г. надругались над памятником в Едвабно, в частности, на нем написали: «Погибли, потому что легко горели». Такого рода события происходят и в других странах, что, конечно, не является оправданием. Однако однозначно преобладает ответственная позиция, хорошо характеризующая культуру памяти. Примером этому может служить уход за еврейскими кладбищами с участием еврейской и немецкой молодежи. Чтобы понять историческую память других народов, мы должны ее лучше узнать. Историкам нужна также смелость, чтобы слабости коллективной памяти не стали слабостями историографии, чтобы они ломали стереотипы, боролись с недостатками коллективной памяти, а также отбрасывали ложные символы [5]. Собственно культивируемая культура памяти (гордость за героические поступки, но и уважение к патриотизму других, а также чувство стыда за преступления) должна сближать народы друг с другом и усиливать взаимное уважение.

1. «Расскажу вам о войне...» Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках и сознании школьников славянских стран / под ред. Т. Гузенковой. – М. : Рос. ин-т стратег. исслед., 2012. – 432 с.

2. Gębalski, J. “Czterech śpiących” oczami młodych / J. Gębalski // Biuletyn Informacyjny AK. – 2012. – № 11 (listopad).

3. Gross, J.T. Sąsiedzi. Historia zagłady żydowskiego miasteczka / J.T. Gross. – Sejny, 2000.

4. Milewski, J.J. Krajobraz po dyskusji / J.J. Milewski // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. – 2005. – № 12.

5. Milewski, J.J. Kultura pamięci – pomiędzy współistnieniem a konkurencją / J.J. Milewski // Белорусская политология: многообразие в единстве. – Гродно, 2012. – Ч. 2. – С. 34–37.

6. Milewski, J.J. The polish memory of the World war II: the national and social memory? (on the Podlaskie wojewodztwo exemple) / J.J. Milewski // Homo Historicus (Wilnia). – 2008. – S. 403–410.

7. Radziecki pomnik na celowniku // Gazeta Wyborcza. Stołeczna. – 2013. – 12 lutego.

УДК 343.337.5

Е.С. РОЗЕНБЛАТ

Беларусь, Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ГЕНОЦИД И ХОЛОКОСТ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Тема Холокоста (как геноцида евреев в годы Второй мировой войны) всё более ощутимо становится предметом научного изучения. Этот феномен исследуют историки и этнографы, филологи и теологи, философы и демографы, психологи и представители других научных дисциплин. Тем более важным и актуальным представляется вопрос о дефинициях – проблема терминологии. Ведь и сегодня у представителей различных наук, да и у специалистов в одной отрасли знаний, некоторые понятия и термины трактуются по-разному, что затрудняет адекватное понимание положений и выводов исследователя. В документах по теме, специальной литературе, мемуарах, в обиходе зачастую как синонимы используются такие термины, как:

1. Холокост (укр. – *Голокост*, Голокауст; белор. – *Галакост*) – Катастрофа – Шоа – геноцид – «окончательное решение еврейского вопроса».

2. Гетто – еврейский район – еврейский квартал – концлагерь.

Наиболее острую полемику вызывает вопрос о соотношении понятий, обозначающих трагедию еврейского населения стран Европы в годы Второй мировой войны. Как полярные можно отметить точки зрения о том, что 1) дефиниции Холокост – Катастрофа – Шоа – геноцид – «окончательное решение еврейского вопроса» являются тождественными; 2) эти термины имеют различную смысловую нагрузку и не совпадают между собой. Естественно, что столь различные подходы имеют определённые последствия и напрямую отражаются на выводах исследователей. Сторонники «уравнительного» подхода чаще всего отстаивают мнение о том, что, поскольку принципиальной разницы между терминами не существует, следовательно, и нет необходимости использовать некие специальные дефиниции для обозначения нацистской политики массового уничтожения евреев, признавая единственно верным понятие «геноцид». Тем самым, по сути, опровергается уникальный (специфический, отличительный) характер самого явления, подчёркивается его «стандартность», всеобщность (универсальность). Исследователи, настаивающие на том, что тотальное истребление еврейского народа – это исключительное, не имеющее аналогов в мировой

истории явление, считают вполне закономерным использование таких специальных названий, как Холокост (Катастрофа, Шоа). Для того, чтобы разобраться с данной проблемой, необходимо обратиться к этимологии – проследить историю происхождения каждого термина, а также определить географию его применения и степень распространения.

«Авторы» идеи поголовного уничтожения еврейского населения – нацистские лидеры (А. Гитлер, Г. Геринг, Р. Гейдрих и др.) употребляли термин «окончательное решение» (Endloesung). При этом на разных этапах разработки единой программы действий в отношении европейских евреев они вкладывали различный смысл в содержание этого понятия. Безусловно, антисемитская политика нацистов после их прихода к власти в Германии изначально не имела целью физическое истребление еврейского народа. Скорее, это было ещё не достаточно артикулированное желание избавиться от евреев, удалить их путём массовой депортации за пределы того жизненного пространства, которое должна была занять «германская раса». Эволюция «окончательного решения» привела к тому, что смутная, не спланированная во всех деталях операция, направленная на избавление от евреев, приобрела конкретную форму, и курс был взят именно на физическое уничтожение. Существует обширная научная литература по вопросам о механизме принятия «окончательного решения» [1, с. 55–74] и интерпретации содержания этой формулы. Только после начала Второй мировой войны уничтожение евреев становится своеобразным лейтмотивом антиеврейской политики нацистов. Ещё одним поворотным пунктом стала осень 1941 г. 15 ноября 1941 г. в ходе совещания А. Розенберга с Г. Гиммлером среди прочих обсуждался и еврейский вопрос. Тремя днями позже на секретном инструктаже для немецких журналистов А. Розенберг, говоря о совещании, отметил, что еврейский вопрос может быть решен только путём физического уничтожения всего европейского еврейства (как вариант упоминалось и о другом решении – высылке всех евреев за Урал). Традиционно считается, что официально принципиальная позиция по еврейскому вопросу была сформулирована на так называемой Ванзейской конференции (20 января 1942 г.). Действительно, хотя в официальном протоколе не фигурировали такие термины, как убийство, элиминация (выселение) и уничтожение, скорее всего именно в начале 1942 г. идея «окончательного решения» выкристаллизовалась как решение о тотальном физическом уничтожении евреев. На сегодняшний день понятие «окончательное решение еврейского вопроса» определяется как планомерное, последовательное, тотальное физическое уничтожение нацистами европейских евреев в период 1942–1945 гг. и прочно ассоциируется с Ванзейской конференцией.

Термин «Холокост» («Holocaust») как определение преследования нацистами еврейского населения в оккупированных европейских странах появился впервые в бюллетене Еврейского телеграфного агентства от 24 декабря 1942 г. в значении «сожжение заживо», т.е. как обозначение одного из способов уничтожения евреев, применяемого нацистами наряду с повешениями и расстрелами. Хотя можно привести примеры «частного» использования понятия «Холокост» по отношению к гитлеровским преступлениям против еврейского народа в тот период, когда ещё не была в полном объёме развёрнута гитлеровская политика уничтожения (так, во вступительной статье А.А. Брилля к собранию сочинений З. Фрейда, изданных в 1938 г., автор употребил этот термин, говоря о гитлеровском антиеврейском терроре в Вене и судьбе З. Фрейда и его семьи).

Специальные названия на еврейском языке стали широко использоваться для определения судьбы евреев в годы Второй мировой войны во второй половине 1940-х годов. У каждого из них своя история. «Hurb'n» (идиш) издавна употреблялось как термин, обозначающий несчастья древних евреев, символизирующий разрушение первого и второго Храма, имеющий подчёркнутое религиозное содержание. Слово «Sho'ah» (иврит) буквально переводится как «страшное разрушение, катастрофа». Библейское определение «Шоа» включает в себя божественный суд и наказание. Использование указанных терминов на идиш и иврите вызывало у израильтян определённые сомнения, так как могло привести к интерпретации трагедии евреев в годы войны как продолжение прошлых несчастий. Поэтому израильские историки более охотно начали использовать понятие «Холокост», а параллельно с ним термин «Катастрофа» («Catastrophe») (можно отметить, что единичное использование термина Катастрофа началось ещё в преддверии тотального уничтожения евреев: в 1940 г. на иврите была издана брошюра под редакцией А. Гартгласа «Катастрофа евреев Польши»).

Достаточно продолжительное время понятие «Холокост» не являлось доминирующим в определении трагедии европейского еврейства. Более широкое употребление в историографии этого термина отмечается в 50-е годы XX в., когда обозначение «Холокост» воспринималось как англоязычный эквивалент еврейских понятий «Hurb'n» и «Sho'ah».

Признано, что заслуга в популяризации термина Холокост принадлежит израильскому писателю Эли Визелю, который разъяснил, что греческое слово Холокост взято из греческого перевода Библии и, следовательно, его смысловое значение изначально заимствовано из иврита и переводится как «сожжённая жертва», «жертвоприношение». Э. Визель сравнил Холокост с принесением в жертву Авраамом своего сына Исаака. Некоторые исследователи подчёркивали неоправданность использования термина

Холокост именно в связи с его религиозным содержанием. Так, немецкий историк Вальтер Лакер заметил, что нацисты не выступали в роли исполнителей ритуала жертвоприношения, а евреи не являлись ритуальными жертвами. Но в конце 60-х – 70-е годы термин Холокост начал вытеснять на второй план все остальные аналогичные понятия (Хурбн, Шоа). Показателем того, что научная общественность признала эту дефиницию, стало то, что в библиотеке Конгресса США книги по истории европейских еврейских общин периода Второй мировой войны были отнесены в раздел «Холокост». 29 декабря 1971 г. ежегодный съезд Американского исторического общества впервые посвятил одно из своих заседаний теме Холокост (участие в нём приняли такие крупнейшие специалисты, как Герд Корман, Рауль Гилберг, Исая Трунк, Рэндольф Брэхэм). В 1977 г. в прокате появился американский документальный 14-серийный телефильм «Холокауст», и это привело к тому, что термин Холокост получил признание не только со стороны специалистов, но и занял определённое место в массовом сознании, выйдя за пределы англоязычных стран. Такие факты, как создание научно-исследовательских центров «Холокост» в различных государствах и открытие музея Холокоста («Holocaust Memorial») в Вашингтоне в 1993 г., свидетельствуют об успешном укреплении позиций термина. По мнению западных историков, временные рамки Холокоста охватывают период с 1933 по 1945 гг. В рамках темы Холокоста работают представители практически всех гуманитарных дисциплин, находя всё новые аспекты для её углубленного изучения.

Некоторые историки вносили предложения ввести в научный оборот понятие, которое бы обозначало в целом глубину преступлений нацистов против человечности: например, Уильям Стирон предложил использовать в универсальном и символическом смысле термин «Аушвиц» [2].

Но в итоге таким всеобъемлющим термином стало понятие «геноцид». Его «изобретение» принадлежит американскому юристу Рафаэлю Лемкину, который ещё в 1943 г. писал: «Пишущий эти строки называет «геноцидом» действия завоевателей, уничтожающие народы и этнические группы... Геноцид осуществляется в форме одновременной агрессии против разных сторон национальной жизни покорённого народа: уничтожаются институты его самоуправления, ему навязывается немецкая власть, регион его обитания заселяется немцами, уничтожается интеллигенция, являющаяся его духовным ядром... уничтожаются культурные учреждения или запрещается их деятельность... В сфере физического выживания проводится политика «голодных порций», т.е. ограничения пищи для «ненемцев», посредством чего осуществляются фактические убийства, в основном евреев, поляков, словаков и русских...» [3, с. 15]. В 1944 г. была издана книга Р. Лемкина «Основное правило в оккупированной Европе», и термин «геноцид» стал юридическим понятием. Юридический смысл этого термина был расширен и

уточнён в Международной конвенции «О предупреждении преступлений геноцида и наказания за него», подписанной 9 декабря 1948 г. в Париже и ратифицированной всеми странами – членами ООН [4, с. 57]. Согласно конвенции, под геноцидом понимаются следующие действия: убийства членов какой-либо группы; причинение серьёзных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение её; меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде какой-либо группы; насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую. Концепция геноцида не предполагает обязательного биологического единства преследуемой общности людей: этимология этого понятия восходит не к слову «ген», а к родственному ему, также латинскому слову «генезис» (происхождение). Геноцид – это уничтожение или преследование людей по признаку определённой общности их происхождения, т.е. по принципу коллективной ответственности. Идеология геноцида основана на убеждении в том, что репрессии могут и должны распространяться не только на людей, виновных в чём-то персонально, но и на лиц, принадлежащих к одной с ними группе (социальной, культурной, биологической).

Термин «геноцид» вошёл в политический обиход вскоре после Второй мировой войны в связи с расследованием преступлений фашизма и широко использовался в документах ООН. Но сама практика геноцида, вероятно, существовала во все известные периоды истории [5, с. 54, 55]. Геноцид – это феномен, известный ещё с античных времён. Полномасштабный геноцид означает, что его организаторы ставят целью тотальное физическое уничтожение отдельных общностей (всеобъемлющий геноцид – уничтожение не части, а всех). Было только несколько примеров полномасштабного геноцида до XX в. – наиболее крупный пример – 1492–1750 гг. – действия испанцев и португальцев против индейцев Латинской Америки и геноцид белых поселенцев против северо-американских индейцев. По мнению исследователя Х. Шеррера в XX веке было 4 случая полномасштабного геноцида, который унёс больше жертв, чем в любой предшествующий период:

1. Турецкий геноцид в отношении армян (количество жертв в 1915–1923 гг. составило 1,5 млн. чел.).

2. Действия нацистского германского государства и его союзников против населения оккупированных стран.

3. Геноцид в Кампучии (1975–1979 гг.).

4. Геноцид в Руанде (1994 г.).

Современный геноцид – это организованное государством массовое убийство или преступление против человечности, уничтожение людей, принадлежащих к отдельным национальным, этническим, религиозным

группам. Геноцид – это преступление, которое планируется, готовится и систематически выполняется.

Применительно к преследованию этнической, национальной группы, чья культурная традиция насильственно искореняется и прерывается, иногда используется более узкое по содержанию понятие «этноцид». Составной частью геноцида является также политцид (уничтожение или преследование отдельных политических групп) и демоцид (репрессии в отношении отдельных социальных групп) [6, р. 13–23]. Следует подчеркнуть, что, несмотря на данное в международной конвенции чёткое определение понятия «геноцид», дискуссии вокруг определения всё ещё продолжаются, причём научные цели зачастую «незаметно» переходят в поиск политических дивидендов или, наоборот, в стремление избежать политических последствий и ответственности. Переплетение науки и политики обусловило неприменение определения геноцида по конвенции во многих случаях, явно и бесспорно подпадающих под эту дефиницию, вплоть до отрицания самого факта геноцида (например, поведение советского руководства по отношению к жизни миллионов граждан после Чернобыльской аварии) [7, с. 19, 23].

Исходя из нового контекста, многие понятия нуждаются в переосмыслении и переформулировании. Безусловно, необходимо ответить на вопрос, как соотносятся между собой понятия «геноцид» и «Холокост». Не трудно убедиться в том, что в настоящее время область явлений, обозначаемых как «геноцид» и «Холокост», заметно расширилась, а частота употребления этих терминов существенно возросла. В связи с этим смысл, вкладываемый в названные слова, значительно изменился. Данное положение дел можно объяснить тем, что дискуссия о геноциде и Холокосте ведётся специалистами разных направлений и видов деятельности, среди которых не только учёные и политики, но и представители свободных профессий – писатели, художники, журналисты. Термин «Холокост» зачастую используется наравне с понятием «геноцид», произошло своеобразное «сращивание» терминов, это привело в определённой степени к подмене понятий. В 1980–1990-е годы произошла «вестернизация» термина «Холокост», он начал употребляться повсеместно в политологической литературе для характеристики любых проявлений геноцида. Например, уничтожение цыган нацистами также именуют Холокостом (хотя предпринимались попытки ввести в научный оборот специальный термин «параймос»), а книга историка Ричарда Лукаса «Забытый Холокост» посвящена теме геноцида поляков в годы Второй мировой войны [8]. Более того, понятие «Холокост» начало соотноситься с такими событиями прошлого, как уничтожение армян турками, а также с современными примерами геноцида. Глобализация

термина «Холокост» вызывает возражения со стороны исследователей, отстаивающих «чистоту» его использования только для определения геноцида евреев. Эли Визель, много сделавший для внедрения этого термина в массовое сознание, по сути, заявил о своём отказе использовать его в дальнейшем, так как «каждое трагическое стечение обстоятельств, которое случается сейчас, называется «Холокостом». После выхода в 1985 г. знаменитого фильма Клода Ланцмана «Sho'ah» термин «Холокост» всё чаще стал заменяться термином «Шоа». Использование ивритского термина – это попытка отойти от вестернизации и универсализации и вернуть в научную терминологию специальный термин для обозначения случившегося с евреями в годы Второй мировой войны.

В советской историографии из всех рассмотренных понятий использовались только два – «окончательное решение еврейского вопроса» и «геноцид». Благодаря модернизационным процессам, которые происходят в исторической науке на постсоветском пространстве, можно констатировать, что термин «Холокост» всё более активно используется в научной литературе и СМИ. Но здесь есть некоторые нюансы, понимание которых позволяет осмыслить как положительные, так и отрицательные стороны этого «проникновения». Использование термина «Холокост» является своего рода показателем интеграции исторической науки в бывших советских республиках в европейскую и мировую историческую науку. При этом следует принимать во внимание, что в определённом смысле в этом присутствует политическая конъюнктура. Поскольку в Европе с большим уважением и вниманием относятся к теме Холокоста, политический и научный истеблишмент в ряде государств СНГ не только считает необходимым ввести в обиход термин «Холокост», но и рассматривает изучение самой темы как ключевой компонент в сфере воспитания толерантности (особенно это очевидно на примере Украины и Литвы). В России ситуация несколько сложнее, там менее ощутимо стремление интегрироваться в европейские структуры [9, с. 140–141]. В Беларуси европейский вектор политики не является приоритетным, поэтому у нас ещё в меньшей степени изучается тема Катастрофы евреев в годы Великой Отечественной войны и соответственно реже используется термин «Холокост» в научных и политологических публикациях. Тем не менее, можно сказать, что в Беларуси термин «Холокост» начал приживаться в исторической литературе. Но многие белорусские историки ещё полны сомнений, следует ли согласиться с дифференцированным подходом в изучении нацистской политики геноцида. Ведь более глубокая разработка проблемы неизбежно требует выделения нацистской политики в отношении евреев в особую тему белорусской историографии. На проходящих в республике научных конференциях, посвящённых истории Второй мировой

войны, постоянно поднимаются одни и те же вопросы: следует ли использовать иностранное слово «Холокост», чтобы говорить о событиях национальной истории, в чём принципиальная разница между понятиями «геноцид» и «Холокост», следует ли заострять внимание на вопросе о национальном составе жертв нацизма в Беларуси и т. д. Попробуем ответить на эти вопросы. До сегодняшнего дня историческая наука Беларуси не выработала своего оригинального термина, который бы в полной мере обозначал нацистскую политику, которая проводилась в отношении евреев. Судьба другого иностранного слова «геноцид», в отличие от термина «Холокост», оказалась более удачной, его использование нарекания со стороны отечественных историков не вызывает. Почему же наблюдается такое нежелание принять термин, признанный во всём мире? Парадоксально, но факт: подчёркивая «интернациональный» характер геноцида, современная отечественная историография, вслед за советской, «забывает» о его национальном содержании. Чувствуются опасения белорусских историков о том, что тема Холокост займёт центральное место в изучении политики нацистского геноцида в Беларуси в период оккупации. Назовём вещи своими именами: отрицание термина «Холокост» сегодня, по сути, означает отрицание самой темы, превалирование прежних идеологических штампов о тотальном уничтожении нацистами всего населения оккупированных территорий, нежелание признать особый характер политики оккупационных властей в отношении евреев. Попробуем расставить всё по своим местам: введение в научный оборот термина «Холокост» отнюдь не означает отрицания геноцида в отношении других групп населения. Холокост является составной частью геноцида, это частично совпадающие понятия, и здесь нет противоречий. Однако наличие специфических черт позволяет отличать это явление от всех других подобных и присвоить ему собственное название. Израильский историк И. Бауэр, говоря о беспрецедентности Холокоста, писал следующее: «...Геноцид был ужасен, но он не означал тотального уничтожения угнетаемой нации, хотя бы потому, что завоёванные нужны были завоевателям в качестве рабов. Согласно нацистской терминологии, славянские народы были «унтерменшами», низшей расой людей, но именно это и отличало их от евреев, которые вообще людьми не считались. Кто не видит этой разницы между положением евреев и остальных народов – тот искажает реальную историю» [3].

Итак, попробуем дать определение термина «Холокост».

Холокост – это многовекторная нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения, включавшая правовую дискриминацию и расовую сегрегацию; геттоизацию; интенсивную эксплуатацию евреев на принудительных работах и в производстве (уничтожение трудом); систему

ограбления еврейского населения, лишение его средств к существованию. Дискриминационные и сегрегационные мероприятия, а также акции уничтожения еврейского населения проводились одновременно, являясь частью комплексной политики оккупационных властей, имевших целью на последнем этапе «окончательное решение еврейского вопроса» – планомерного тотального физического уничтожения еврейского населения.

В терминологии Холокоста чаще других употребляется термин «гетто». Как правило, он используется без толкований и объяснений. Подразумевается, что содержание его предельно ясно, и особых комментариев просто не требуется. Казалось бы, трудности с определением этого понятия возникать не должны. Тем не менее, вопросы остаются. Что считать гетто? Каковы определяющие признаки гетто? Какие типы и разновидности гетто существовали на территории Беларуси? От ответов на эти вопросы зависит определение количества гетто и численности узников гетто в Беларуси.

Слово «гетто» в начале XX века воспринималось уже как анахронизм. В эпоху средневековья в Европе так называли кварталы (*ghetto*, *getto* – итальянский), отведенные для проживания евреев. Нацистская идеология возродила саму идею обособленного проживания евреев и вернула в обиход слово «гетто». На период оккупации оно стало совершенно привычным понятием, как для евреев, так и для нееврейского населения.

Особо следует остановиться на характеристике гетто в белорусской историографии.

В кандидатской диссертации М.Я. Савоняки «Немецко-фашистские лагеря на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг.» (Минск, 1993) гетто характеризуются как особый тип концентрационных лагерей. Третий параграф первой главы «Немецко-фашистские лагеря для гражданского населения» назван «Гетто – особый тип концлагеря». М.Я. Савоняко следует в своей работе традиционному для советской историографии определению гетто как «специального концлагеря для евреев» [10, с. 12–13] (в изданиях советского периода ставился знак равенства между понятиями «лагерь» и «гетто»), например, в издании «Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии (1941–1944 гг.)» гетто определяются как «специальные лагеря» [11, с. 215]. Но попыток выявить отличительные признаки гетто не предпринималось. Поскольку в тот период отечественная историческая наука не ставила задачу определения особого характера нацистской политики в отношении еврейского населения, соответственно игнорировалась специфика гетто как «специальных лагерей».

В энциклопедических и справочных изданиях последнего десятилетия даются достаточно устоявшиеся (хотя и не полные, а зачастую аморфные) определения «гетто», например:

«В период Великой Отечественной войны на оккупированной территории Советского Союза гетто – районы принудительной изоляции евреев... Территория гетто обычно обносилась колючей проволокой, охранялась войсками; самовольный выход за пределы гетто угрожал смертью. Заключённые должны были носить на одежде опознавательные знаки...» [12, с. 525, 526].

«Гетто – часть территории населённого пункта, обнесённая колючей проволокой и охраняемая войсками СС и полиции, выделенная для принудительного содержания лиц еврейской национальности с целью их изоляции и последующего уничтожения» [13, с. 6].

В связи с разработкой в Беларуси темы Холокоста появляются работы, в которых предпринимаются попытки дать более чёткие определения термина «гетто» и разграничить различные варианты определения мест принудительного содержания евреев («открытые», «закрытые» гетто, транзитные гетто, рабочие и концентрационные лагеря).

К сожалению, далеко не всегда исследователям удаётся справиться с теоретическими и терминологическими проблемами.

В последней монографии Э. Иоффе «Белорусские евреи: Трагедия и героизм 1941–1945» (Минск, 2003) в третьей главе «Гетто на территории Беларуси. Юденраты» ставится задача – уточнить определение «гетто» применительно к Беларуси и приводятся различные варианты определения, данные в энциклопедических изданиях и работах белорусских историков [14, с. 52–54]. Автор выделяет гетто закрытого и открытого типа. «Закрытым» гетто он считает «изолированную часть города, отведённую для проживания евреев. В период 2-й мировой войны 1939–1941 годов нацисты преобразовали гетто в лагеря уничтожения еврейского населения. Территорию гетто обычно обносили колючей проволокой»¹. Далее Э. Иоффе даёт объяснение понятию «открытое» гетто: «...в некоторых деревнях и местечках Белоруссии гетто не обносились колючей проволокой. В этом случае их можно считать «открытыми» в отличие от большинства «закрытых» гетто» [14, с. 51]. Однако уже через несколько страниц, подытоживая терминологические изыскания, Э. Иоффе даёт следующее определение «открытых гетто»: «...это изолированная часть небольшого города, местечка, деревни, отведённая для проживания евреев. Она преобразована нацистами на оккупированной территории СССР в лагерь для постепенного уничтожения еврейского населения. Территория

¹ Это же определение, данное Э. Иоффе, вошло в энциклопедический справочник «Беларусь» (Минск, 1995. – С. 220–221).

«открытого гетто» обносились колючей проволокой, каким-либо забором, охранялись войсками, полицией, а иногда и местным нееврейским населением» [14, с. 54]. Приходится констатировать, что определения Э. Иоффе гетто «открытого» и «закрытого» типа практически идентичны, автор демонстрирует полное непонимание разницы между ними. В заключении книги автор возвращается к определению гетто как лагерей смерти: «Гетто отличались друг от друга только способом изоляции, но гетто в крупных городах, местечках и больших сёлах Беларуси объединяло то, что все они были лагерями смерти» [14, с. 362].

На наш взгляд, определение гетто, а также его типов должно включать характеристику особенностей условий содержания еврейского населения в сравнении с другими видами мест принудительного заключения людей в период нацистской оккупации. Невозможно дать универсальное определение «гетто», не выделяя его типов. Приведённые выше определения – это определения гетто «закрытого» типа. В связи с этим оптимальными представляются следующие определения:

1. «Открытое» гетто – частичная изоляция еврейского населения на оккупированных нацистами территориях путём введения правовой дискриминации и расовой сегрегации, выражавшаяся в делении населённого пункта на 2 основные части – «еврейскую» и «нееврейскую». Характерными признаками «открытого» гетто являлись: принудительно переселение евреев из сельской местности в города (местечки); изограничение свободы передвижения евреев; визуальное выделение еврейского населения (специальные отметки в документах, ношение опознавательных знаков, маркировка домов и квартир); создание органов еврейского самоуправления; контроль сферы брачно-семейных отношений, запрещение публичного проведения еврейских религиозных обрядов; использование принудительного еврейского труда; дискриминация в продовольственном снабжении; запрет на занятие торговлей; лишение прав собственности на всё движимое и недвижимое имущество; введение системы контрибуций, штрафов и дискриминационного налогообложения; проведение акций уничтожения. Главным отличием «открытого» гетто от «закрытого» является отсутствие ограждения и охраны «еврейской части» населённого пункта. Существование гетто «открытого» типа было временным – до уничтожения или переселения евреев в «закрытое» гетто, отправки в трудовые лагеря, депортации в концентрационные лагеря [15, с. 34–40; 16, с. 72].

2. «Закрытое» гетто – часть территории населённого пункта, обнесённая ограждением и охраняемая войсками СС и полиции, предназначенная для принудительного содержания еврейского населения с целью его полной физической изоляции и последующего тотального уничтожения. Характерными чертами гетто «закрытого» типа являлись: жёсткая фиксация

границ гетто; принудительное переселение и концентрация в гетто всего еврейского населения города (местечка) и его окрестностей; запрещение покидать территорию гетто и соблюдение строгой пропускной системы; лишение средств к существованию; ухудшение медико-санитарной ситуации (увеличение заболеваемости, смертности, эпидемические вспышки) и продовольственного обеспечения гетто (голод); интенсификация использования еврейской рабочей силы (уничтожение трудом); проведение акций уничтожения [15, с. 40–43, 107–108].

Есть и другие понятия, которые активно используются в теме Холокоста (юденрат, праведники народов мира, еврейская полиция, антисемитизм и др.). Хотя они вызывают меньше дискуссий в научных кругах, чем приведённые выше, это не делает проблему их точного определения менее актуальной.

Определённым показателем признания научной терминологии является её использование в учебниках и учебных пособиях. В отличие от российских и особенно украинских учебников и пособий по национальной и всемирной истории, белорусский «максимум» на сегодняшний день заключается в использовании терминов «гетто» и «геноцид», а также упоминаний об акциях уничтожения еврейского населения [17, с. 333–335]. Однако термин «Холокост» для обозначения темы еврейской катастрофы в годы Второй мировой войны по-прежнему не употребляется, что свидетельствует о живучести стереотипов и догм прошлых лет.

1. Михман, Д. «Окончательное решение еврейского вопроса»: возникновение и реализация идеи / Д. Михман // Холокост и дело Еврейского антифашистского комитета : материалы IV междунар. конф. «Уроки Холокоста и современная Россия» / под ред. И.А. Альтмана. – М., 2003. – С. 55–74.

2. Shapiro, R.M. Holocaust: usankcjonowanie terminu historycznego / R.M. Shapiro // Biuletyn ŻIH-u – Instytutu naukowo-badawczego w Polsce. – Warszawa, 1994. – № 1–3 (169–171). – Styczeń – wrzesień. – S. 3–8.

3. Катастрофа европейского еврейства / науч. ред.: И. Лурье, З. Катван ; пер. с иврита М. Хейфица ; Открытый ун-т (Израиль). – Тель-Авив : Изд-во Открытого ун-та, 1995. – Ч. 1–2. – 269 с.

4. Видаль-Наке, П. Геноцид / П. Видаль-Наке // 50/50: Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. – М. : Прогресс, 1989. – С. 57–59.

5. Старовойтова, Г. Геноцид / Г. Старовойтова // 50/50: Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. – М. : Прогресс, 1989. – 560 с.

6. Scherrer, Ch.P. Towards a theory of modern genocide. Comparative genocide research: definition, criteria, typologies, cases, key elements, patterns and voids / Ch.P. Scherrer // Journal of Genocide Research. – 1999. – № 1(1). – P. 13–23.

7. Банчик, Н. Холокост европейских евреев в свете исследования геноцида (Holocaust and Genocide Studies) / Н. Банчик // Катастрофа европейського єврейства під час другої світової війни. Рефлексії на межі століть : зб. наук. праць : матеріали конф., Київ, 29–31 серпня 1999 р. – Київ, 2000.

8. Lukas, R.C. The forgotten Holocaust. The Poles under German Occupation. 1939–1944 / R.C. Lukas. – Kentucky, 1986.

9. Подольский, А.Е. Нужно ли изучать историю Холокоста в Украине? / А.Е. Подольский // Холокост и дело Еврейского антифашистского комитета : материалы IV междунар. конф. «Уроки Холокоста и современная Россия» / под ред. И.А. Альтмана. – М., 2003.

10. Савоняко, М.Я. Немецко-фашистские лагеря на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М.Я. Савоняко. – Минск, 1993. – С. 12–13.

11. Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии (1941–1944 гг.). – Минск : Беларусь, 1984. – 271 с.

12. Гольдзін, А.З. Гета / А.З. Гольдзін, Э.Р. Иофе // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск, 1994. – Т. 2. – С. 525, 526.

13. Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси. 1941–1944. – Минск : НАРБ, 2001. – 158 с.

14. Иоффе, Э. Белорусские евреи: Трагедия и героизм 1941–1945 / Э. Иоффе. – Минск : Мэджик Бук, 2003. – 204 с.

15. Розенблат, Е.С. Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения на территории западных областей Беларуси (1941–1944 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е.С. Розенблат. – Минск, 1999. – С. 34–40.

16. Альтман, И. Жертвы ненависти: Холокост в СССР. 1941–1945 гг. / И. Альтман. – М. : Фонд «Ковчег» : Коллекция «Совершенно секретно», 2002. – 543 с.

17. Никитенков, В.И. Тема Холокоста в учебниках и учебных пособиях по истории в Республике Беларусь в 90-е годы / В.И. Никитенков // Катастрофа европейського єврейства під час другої світової війни. Рефлексії на межі століть : зб. наук. праць : матеріали конф., Київ, 29–31 серпня 1999 р. – Київ, 2000. – С. 333–335.

УДК 94(476.7):341.324

И.Э. ЕЛЕНСКАЯ

Беларусь, Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ПОЧЕМУ НЕМЦЫ НЕНАВИДЕЛИ ЕВРЕЕВ?

УСТНАЯ ИСТОРИЯ О ПРИЧИНАХ ХОЛОКОСТА

Для обоснования политики геноцида в отношении еврейского населения оккупированных территорий нацисты развернули массированную пропаганду. Для того, чтобы оправдать беспрецедентные мероприятия против евреев, уничтожение целого народа, включая детей, рожденных в смешанных браках, необходимо было выдвинуть обвинение, адекватное столь категорически тотальному наказанию. Нацистская идеология антисемитизма весьма тщательно разрабатывалась, оказывала воздействие даже на самых высокообразованных интеллектуалов, но нацистская печатная пропаганда на оккупированной территории СССР была рассчитана на «массового читателя», вследствие чего ее содержание было упрощено до

незамысловатых тезисов. Если схематично и кратко передать суть пропагандистских клише оккупационных властей, то основные, наиболее яркие элементы нацистской пропаганды, складывающиеся в одну цельную картину, выглядят следующим образом:

1. Советская власть – это власть евреев и большевиков. Причем большевики стали инструментом в руках евреев. Евреи захватили ключевые посты в партии и правительстве – это часть мирового еврейского заговора, цель которого – установить мировое господство. Советская власть преступна, поскольку занимается массовым уничтожением населения СССР (здесь разворачивается широчайший спектр пропагандистских материалов о «еврейских процентах» в партии и правительстве, участии «жидов-большевиков» и «жидов-чекистов» в создании колхозов, раскулачивании крестьян, репрессиях и т.д.).

2. Народы (русские, украинцы, белорусы, литовцы и пр.) должны жить свободно, избавиться от чуждой для них, преступной власти евреев и большевиков.

3. Великая непобедимая Германия пришла помочь поработенным народам, освободить их от евреев и коммунистов. Миссия нацистской Германии – избавить мир от зла, воплощение которого – евреи (использовался пропагандистский штамп об избавлении от «жидо-большевизма»).

4. Евреи и коммунисты стараются организовать сопротивление на освобожденных от их власти (оккупированных) территориях, подстрекают население погибать за возвращение преступного советского режима. Долг каждого – помочь уничтожить бандитов (партизан и подпольщиков), подлых наймитов евреев и большевиков. Добровольно сдавшиеся в плен бандиты амнистируются (но не евреи).

5. Святая обязанность всех освобожденных от жидо-большевистского рабства народов – оказывать помощь великой Германии своим добросовестным трудом (и уплатой налогов).

Безусловно, следует разделять прямые обращения оккупационных властей к населению оккупированной территории посредством прессы, радиопередач, объявлений, плакатов и т.д. и заложенный в пропагандистские тексты скрытый контент, расшифровка которого помогает лучше понять первоочередные цели и задачи, преследуемые нацистской пропагандой.

Костяк всей нацистской идеологической конструкции на оккупированной территории СССР – четкий, однозначный ответ на вопрос «Кто виноват?» – «Во всех бедах виноваты евреи» (в развязывании мировой войны, в репрессиях, в коллективизации и пр.). В массовое сознание населения оккупированной территории внедрялся пропагандистский посыл: немцы воюют только против евреев и большевиков. Если население не поддерживает

врагов рейха – евреев и большевиков – никаких карательных действий против мирного населения со стороны оккупационных властей быть не может. Постоянно повторялся тезис: «Наши и ваши враги – это евреи и большевики, мы должны объединиться в борьбе против них». Нацистская пропаганда стремилась обеспечить лояльность новой власти, а также как можно большее количество сторонников оккупационных властей (желательно активных – коллаборационистов и пособников). Это была задача *max*. Задача *min* – обеспечить, чтобы на оккупированных территориях было как можно меньше сторонников «жидо-большевиков», потенциальных борцов Сопротивления (т.е. цель – пацификация населения). Вокруг представителей мифического сообщества «жидо-большевиков» нацистская пропаганда создавала своего рода мертвую зону – запретную полосу, которая проходила в умах людей. Так же как создавалась мертвая полоса в прифронтной зоне, возле железнодорожных путей, вокруг наиболее важных военных и промышленных объектов, вокруг гетто, – точно так же в сознание, а вернее в подсознание людей, внедрялась идея: евреи и большевики обречены на уничтожение, все, кто их поддерживает, будут также уничтожены; с представителями жидо-большевиков нельзя поддерживать никаких контактов, иначе будешь заподозрен в симпатиях к ним и обвинен в пособничестве, т.е., как и они, окажешься вне закона. Весьма емко и исчерпывающе красноречиво этот тезис сформулирован в пропуске для партизан: «Не следуйте больше за евреями! Этот преступный народ идёт навстречу своему уничтожению! Не допускайте, чтобы вас постигло то же самое! Переходите к нам!» [1, л. 369].

Комплекс дискриминационных законов и сегрегационных мероприятий, принятых в отношении еврейского населения, апогеем которых стало создание гетто и тотальное истребление евреев – при поддержке пропагандистского обеспечения антисемитских акций – использовались в том числе как проверка населения оккупированной территории Советского Союза на лояльность оккупационному режиму. Евреи выступали в качестве своего рода лакмусовой бумажки: если вчерашние коллеги, соседи, друзья, знакомые прекратили всякое общение с евреями – значит, практически наверняка, никаких активных действий по оказанию помощи как евреям, так и партизанам-подпольщикам они не предпримут. Значит, они в достаточной степени запуганы, не будут рисковать своей жизнью и благополучием своих близких. Притеснения в отношении евреев одними стали восприниматься со временем как должное, а другими – как неизбежное.

Устная история помогает выявить, как воспринимало население оккупированных территорий нацистскую политику геноцида в отношении еврейского населения [2].

Симптоматичны и показательны те объяснения Холокоста, которые бытуют среди жителей Беларуси, переживших годы оккупации. Часть стариков до сих пор убеждена, что нацисты проводили тотальное уничтожение еврейского населения, поскольку евреи были хитрыми (как вариант – умными), богатыми, ленивыми. Безусловно, здесь имеет место приписывание оккупационным властям собственных представлений и стереотипов. Нацистская пропаганда не опускалась до столь примитивного толкования своих антиеврейских мероприятий. В данном случае мы сталкиваемся с нерелевантными сообщениями, в которых произошла подмена понятий: собственная оценка еврейской группы респондентом заявляется как позиция оккупационных властей, карающих хитрецов и обманщиков-евреев:

«У нас говорили, что евреи очень хитрые, вот их немцы и не любили» [3].

«Немцы ненавидели евреев потому, что считали их самой хитрой нацией. А немцы хотели, чтобы только они были такими» [4].

«Может быть, немцы ненавидели их потому, что евреи были умнее немцев» [5].

«Я считаю, что евреи были умнее, чем немцы, поэтому их убивали» [6].

«Я не знаю, чем евреи не понравились немцам. Да, они обманывали, но это у них такой характер. Ничего не подделаешь. Они одевались, как и мы. Только пошустрее нас они были. Ничего у них не пропадало, знали куда, когда, что и как сбывать» [7].

«Немцы не любили евреев, так как они богатыми были. Их никто не любил: ни немцы, ни Советы» [8].

Таким образом, уничтожение целой национальной группы объясняется некими характерными, свойственными именно евреям качествами:

«Немцы не любили евреев потому, что они были хитрые, сами руки не любили марать, не работали на тяжелых работах» [9].

«<Немцы так не любили евреев>, потому что они не работали. Они спекулировали. Вот мой отец, дед честно, добросовестно занимались сельским хозяйством. А жид занимался спекуляцией и хотел тебя обмануть. Он, как цыган, хочет у тебя украсть, выманить. Почти не работает, а живёт лучше тебя» [10].

Встречаются и более оригинальные версии, с помощью которых белорусы пытаются объяснить геноцид еврейского населения. В некоторых случаях информанты отмечают, что у немцев и евреев один (похожий) язык, общее происхождение:

«Больше всех немцы ненавидели евреев. По-моему, потому что они умные, способные, занимали ведущие должности, они имели капитал, и язык их очень похож на немецкий. Вся их политика была направлена на то, чтобы уничтожить евреев» [11].

«Почему немцы евреев убивали? Убивали, потому что у немцев с евреями кровь одна. Они даже говорили такое» [12].

В единичных случаях жители западных областей Беларуси причины Холокоста видят в личном отношении нацистского лидера к евреям, говорят о желании Гитлера отомстить за некие обиды (в этих объяснениях, безусловно, чувствуется, что на респондентов оказывали влияние некоторые современные трактовки):

«Самое интересное говорил мой отец: Гитлер ненавидел евреев за то, что в те годы, когда Гитлер служил в армии рядовым солдатом, над ним старшим во взводе по званию был еврей. Он издевался, смеялся над Гитлером. И Гитлер возненавидел его и всех евреев. Наверное, поэтому велась такая жёсткая политика против евреев» [13].

«Слышал такую легенду. Когда Гитлер учился в школе, с ним учились и евреи. И однажды ему еврей карандашом уколол в глаз, после чего этот глаз потерял зрение» [5].

«Во всем виноват Гитлер. Так я считаю. Это его странные и нелепые фантазии насчет евреев» [14].

«Они (немцы) считали евреев, цыган и славян недочеловеками, и считали, что их надо уничтожить. А с евреями как-то особенно у них было. Какая-то придурь Гитлера» [15].

Многие информанты никогда не задумывались о причинах уничтожения нацистами евреев или не способны объяснить политику рейха:

«Немцы, где только появлялись, сразу выбивали евреев, а почему они так делали, я не знаю» [16].

«Немцы безжалостно убивали их (евреев) за веру. Не любили немцы евреев. Считали их предателями. А мы и сами толком не знали, из-за чего они их уничтожали» [17].

Необходимо отметить, что информанты-славяне практически не приводят те объяснения причин геноцида еврейского населения, которые распространяла оккупационная пропаганда, хотя во многих случаях оккупационные власти прибегали к гласному и негласному объяснению действий, направленных на уничтожение евреев. Массированная нацистская пропаганда на протяжении всего периода оккупации разоблачала «жидо-коммунизм», обвиняла евреев в мировом сионистском заговоре, порабощении европейских народов и пр. Но подобные объяснения карательных действий против еврейского населения в сообщениях информантов-славян отсутствуют.

После Холокоста в антисемитской мифологии появились новые сюжеты. Устойчивыми являются представления о евреях как о проклятом народе, на котором лежит ответственность за убийство Христа и который должен понести наказание. События Второй мировой войны в

мифологизированном сознании христианского населения послужили своего рода «доказательством» «Божьей кары», высшей мести за мучения и смерть Христа. Определенная группа респондентов уверенно говорит о том, что Холокост – это исполнение божественного наказания евреев за грех соучастия в распятии Христа. Более того, подчеркивается, что евреи перед акциями уничтожения полностью признали вину и покорились своей участи:

«Старые евреи никуда не уезжали, ждали, когда за ними придут. Они говорили, что так им положено, т.е. умереть, ибо они грешны, так как распяли Христа» [9].

«Были слухи, что раввин собрал евреев и сказал: «Мы согрешили, не сопротивляйтесь, наше время пришло, мы должны уйти» [18].

«Евреи добровольно шли на смерть. Когда их раввин сказал, что они должны умереть в наказание за смерть Христа, они сами выкопали себе яму. Там их и расстреляли» [19].

«Если судить по священному писанию, то они <евреи> поклялись перед Понтием Пилатом в том, что Христос достоин смерти. Пилат хотел его отпустить. Кровь Христа и отразилась на их и на ихних детях» [20].

«Когда пришли немцы, евреи говорили, что пришла их смерть. Немцы называли евреев иудами. Они говорили, что евреи убили Иисуса Христа, и поэтому их убивали» [21].

Таким образом, политика геноцида вызвала незапланированный оккупационными властями эффект: вопреки нацистской пропаганде, объяснявшей тотальное уничтожение евреев как освобождение народов Европы от засилья «жидо-большевизма», в массовом сознании сложилось сакральное истолкование трагедии евреев, в котором триумфально провозглашается идея возмездия и победы христианской религии над иудаизмом.

В основе представлений о причинах Холокоста, отраженных в материалах устной истории – подсознательный поиск ответа на вопрос: кто виновен в уничтожении еврейского населения в годы оккупации?

Мифологемы о том, что евреи были наказаны за свою хитрость, богатство, нежелание трудиться, причастность к распятию Иисуса Христа и прочие «прегрешения» (к которым можно отнести частые упреки в пассивности/трусости евреев), снимают с местных жителей вину за ту позицию сторонних наблюдателей, которую избрала большая часть славянского населения. В глобальном конфликте «нацисты против евреев» славяне в основной массе придерживались нейтралитета, дистанцировались от трагедии Холокоста. В памяти большинства информантов-славян о Холокосте не представлена идея покаяния, а ответственность за гибель отчасти возложена на самих евреев.

Сформировавшись в годы войны, стереотипы, мифы и табу о Холокосте существуют до сих пор, передаваясь из поколения в поколение, продолжая оказывать реальное воздействие на современное массовое сознание. Причиной этого является недостаточная информированность о трагедии еврейского населения и традиционализм, присущий ментальности белорусов.

1. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд 7021с. – Оп. 148. – Д. 1.
2. Розенблат, Е.С. Память о Холокосте в Белоруссии. Стереотипы, мифы, табу / Е.С. Розенблат, И.Э. Еленская // История – миф – фольклор в еврейской и славянской культурной традиции : сб. ст. – М. : Инслав РАН, 2009. – Акад. сер. – Вып. 24. – С. 153–180.
3. Карпач В.В., д. Каленики Берестовицкого р-на Гродненской обл., запись воспоминаний 2006 г.
4. Малика И.В., д. Ивязь Дятловского р-на Гродненской обл., запись воспоминаний 2006 г. (перевод с белор. яз.).
5. Зданевич А.Д., д. Аркадия Брестского р-на, запись воспоминаний 2004 г.
6. Ильченко А.Ф., д. Клещи Кобринского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 1998 г.
7. Гриневич В.П., д. Цна Лунинецкого р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2004 г.
8. Плешевич М.К., д. Мазурки Ляховичского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2005 г.
9. Кетько Н.Я., м. Давид-Городок Столинского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2005 г.
10. Вероха И.И., д. Глинка Столинского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2006 г.
11. Клундук А.В., г. Пинск Брестской обл., запись воспоминаний 2005 г.
12. Тарасевич Е.И., г. Брест, запись воспоминаний 2004 г.
13. Хоха Н.В., д. Соболяны Гродненского р-на Гродненской обл., запись воспоминаний 2002 г.
14. Пакисмок Н.Р., д. Прилуки Брестского р-на, запись воспоминаний 2003 г.
15. Кальковский Л.А., д. Утес Барановичского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2006 г.
16. Бадей А.В., д. Акачи Слонимского р-на Гродненской обл., запись воспоминаний 2006.
17. Бондарь А.З., д. Тышковичи Ивановского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2005 г. (перевод с белор.яз.)
18. Наумчик Д.К., д. Великий Лес Дрогичинского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 1999 г.
19. Корда Б.К., д. Мокрая Дубрава Пинского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2001 г.
20. Пашкевич Н.Д., д. Рубель Столинского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2006 г.
21. Марчук А.Г., д. Лахва Лунинецкого р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2007 г.

УДК 94(477)“1942”

М.И. ТЯГЛЫЙ

Украина, Киев, Украинский центр изучения истории Холокоста

**ЭВОЛЮЦИЯ АНТИЦЫГАНСКОЙ ПОЛИТИКИ
В РЕЙХСКОМИССАРИАТЕ «УКРАИНА» ВЕСНОЙ – ЛЕТОМ 1942 г.¹**

На протяжении длительного времени в научной литературе дискутируется вопрос о том, какими были принципы политики немецких оккупационных властей по отношению к цыганам на оккупированной территории СССР. В последнее время исследователи этого вопроса склоняются к выводу о том, что по отношению к цыганам нацисты осуществляли ту же политику тотального истребления, что и по отношению к евреям. Например, украинский историк Александр Круглов считает, что «судьба цыган практически ничем не отличалась от судьбы евреев. Как и евреи, цыгане подлежали поголовному уничтожению лишь за их этническую принадлежность» [5]. Российский исследователь Николай Бессонов выделяет три этапа: 1) лето 1941 г. – начало 1942 г. – уничтожение цыганских кочевых таборов айнзатцгруппами полиции безопасности и СД; 2) 1942 г. – геноцид по этническому принципу, включая также уничтожение оседлых цыган; 3) с 1943 г. до конца оккупации – цыгане наряду со славянским населением становятся жертвами карательных акций против партизан [1]. Немецкий ученый Мартин Холлер разделяет мысль о тотальности уничтожения цыганского населения, отмечая, однако, что этот вывод сегодня актуален лишь для той территории, которая находилась под управлением военной администрации, то есть Вермахта [8]. Все авторы признают, что разделение на «кочевых» и «оседлых» цыган в нацистской политике на советских оккупированных землях существовало лишь на бумаге.

Что дает основание склоняться к выводу о тотальности нацистской экстерминационной антицыганской политики? Как и в других похожих случаях, здесь исследователь в значительной степени зависит от первичных источников, которые попадают в поле его внимания. В данном случае авторы активно использовали комплекс источников, который был недоступен их предшественникам – документы советской Чрезвычайной государственной комиссии по установлению злодеяний

¹ Данный текст является расширенной версией статьи: *Тяглий М. «Наказую... переслати... списки циганів»: Збір органами влади Райхскомісаріату Україна відомостей про ромів у липні 1942 р. // Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі [Науковий часопис Українського центру вивчення історії Голокосту, Київ]. – 2011. – № 1 (9). – С. 101–122.*

немецко-фашистских захватчиков (далее – ЧГК). Эти источники действительно содержат немало как персональных свидетельств, так и включенных в официальные сводные акты комиссии сведений об убийствах цыган (как и других категорий мирного населения – прежде всего евреев) в период оккупации, поскольку именно фиксация людских и материальных потерь была главной задачей комиссии. Однако при этом, отдавая предпочтение только этим документам и не привлекая источники иного происхождения, исследователь попадает в определенную методологическую ловушку: выявляя многочисленные факты уничтожения в отдельной местности, он автоматически приходит к выводу о тотальности этой политики со стороны нацистов. К тому же эти источники, как правило, не содержат ни точных данных о тех, кто осуществлял убийства, ни сведений об их мотивации. Все это способствует возникновению представления о том, что оккупационная власть была единой либо что ее разные ветви действовали согласованно в выполнении намерения уничтожить цыган.

Преимущественно из этих документов на сегодняшний день складывается следующая статистика убийств цыган на землях оккупированной Украины: в зоне под управлением военной администрации нам известно около 30 случаев массовых казней цыган, в Рейхскомиссариате «Украина» (далее – РКУ) – около 60 таких случаев. Большая часть антицыганских акций приходится на 1942 год [6]. Однако следует подчеркнуть, что эту цифру и распределение по зонам оккупации следует считать условными, поскольку, во-первых, это, вероятно, лишь часть преступлений, которая была задокументированна, а во-вторых, как уже упоминалось, не всегда доподлинно известно, в чьей юрисдикции находилась та или иная местность, когда в ней происходили антицыганские акции, поскольку они осуществлялись в разное время – на протяжении и 1941-го, и 1942-го, и 1943-го года. Кроме того, имеющиеся в распоряжении исследователей документы ЧГК в подавляющем большинстве случаев не содержат сведений о том, против каких именно цыган – кочевых или оседлых – были направлены экстерминационные акции оккупантов. По текстам актов ЧГК об этом можно догадаться лишь изредка, например, если речь идет о цыганском таборе, однако, как правило, такие подробности ЧГК не фиксировала, ограничиваясь просто термином «цыгане».

Дает ли это основания для утверждения о выполнении программы тотальных убийств? Вопрос приобретает еще большую актуальность, если предположить, что гражданская администрация могла быть заинтересована скорее в использовании принудительного труда цыган, нежели в их скорейшем уничтожении (что было характерно для СС или Вермахта, поскольку военные часто были уверены в «шпионской активности» цыган,

по крайней мере кочевых). Из этого следует, что одновременно с документами ЧГК и отчетами айнзатцгрупп и армейских и полицейских подразделений следует вовлекать в научный оборот документы различных уровней гражданской администрации – РКУ, документы генеральных комиссариатов и гебитскомиссариатов, а также коллаборационистских органов местного самоуправления (городских и сельских управ), которые находились в подчинении у немецких оккупационных структур.

Именно здесь мы попадаем в наименее исследованное пространство. Каким образом формулировалась политика относительно цыган в недрах аппарата гражданской администрации – от Министерства по делам восточных оккупированных территорий в Берлине до гебитс- и штадскомиссариатов и ниже? Занимал ли «цыганский вопрос» какое-либо заметное место в дискуссиях о стратегии и тактике эксплуатации «восточного пространства» и использования местного населения? До сегодняшнего дня четкого ответа на этот вопрос дать нельзя. Благодаря исследованиям Майкла Циммерманна [14] и Гюнтера Леви известно, что вопрос о критериях «цыганской политики» в министерстве Розенберга обсуждался. 11 июня 1942 г. один из руководителей министерства д-р Отто Бройтигам информировал руководство Рейхскомиссариата «Остланд» о том, что в министерстве планируется выработать политику по отношению к цыганам на востоке. Для этого он запрашивал власти рейхскомиссариата «Остланд» о том, какой статус там имеют цыгане. «В частности, я интересуюсь, должны ли, по вашему мнению, цыгане подлежать такому же обращению, как и евреи? Также необходимы сведения о том, какой у цыган образ жизни, являются ли они оседлыми или кочевыми, каковы их занятия и насколько много среди них смешанных цыган». Такой же запрос, как сообщает Г. Леви (хотя и не приводит ссылку), был направлен и в РКУ [9].

Суммируя сказанное, отметим, что, основываясь на известной на сегодняшний день источниковой базе, мы скорее можем судить о некоторых «результатах» антицыганской политики, нежели о процессе ее формирования. Чтобы исследовать эту политику, необходим тщательный поиск в документации РКУ как в архивах Германии, так и в центральных и областных архивах современной Украины.

Ниже я хотел бы представить два документа, которые проливают дополнительный свет на позицию гражданской администрации на оккупированных украинских землях по «цыганскому вопросу». Они были обнаружены в государственных архивах Волынской и Ровенской областей, то есть тех современных областей, которые в 1941–1944 годах составляли значительную часть генеральный округ «Волынь – Подолия», одного из шести округов РКУ.

* * * * *

Перевод с немецкого:Копия!

Рейхскомиссариат «Украина»

Ровно, 8 мая 1942 г.

П а

Генеральным комиссарам

Брест-Литовска, Житомира, Киева, Николаева и Днепропетровска

Относительно: Обращение с евреями

С цыганами в целом следует обращаться, как с евреями. Распоряжение об их размещении в гетто еще последует.

Исполняющий обязанности

Подпись: Даргель

Регирунгспрезидент

Копия верна: [неразборчиво] [2, арк. 155].

* * * * *

Данный документ был обнаружен в коллекции документов гебитскомиссариата Луцк – одного из крайсгебитов генерального округа «Волынь-Подолія». Это, как и гриф документа, свидетельствует о том, что мы имеем дело не с оригиналом распоряжения из РКУ, а с циркулярным документом, который уже проследовал по меньшей мере две вертикальных инстанции: из Рейхскомиссариата в генеральный округ «Волынь-Подолія», а оттуда – в гебитскомиссариат Луцка. Документ совершенно аналогичного содержания недавно был обнаружен в архивной коллекции гебитскомиссариата Ровно [13; 3]¹. Поэтому можно с изрядной степенью уверенности предположить, что такое же распоряжение было получено и генеральными комиссарами в Киеве, Николаеве, Днепропетровске и Житомире и «спущено» в соответствующие гебитскомиссариаты этих округов.

Документ подписан Паулем Даргелем, который с 1 ноября 1941 г. одновременно стал начальником II Главного отдела (администрации) РКУ (столица г. Ровно), а в 1942 г. стал также постоянным заместителем рейхскомиссара Украины Эриха Коха, одновременно являвшегося гауляйтером и обер-президентом Восточной Пруссии. Содержание документа не позволяет создать исчерпывающего представления о конкретных мерах, которые он предписывает в отношении цыган. Однако некоторые выводы сделать можно.

¹ Благодарю д-ра Венди Лауэр (Dr. Wendy Lower) за сведения об этом документе.

Во-первых, из него следует, что гражданские власти РКУ не проводили никакой разницы между оседлыми и кочевыми цыганами, как поступали их коллеги из Рейхскомиссариата «Остланд» (напомню, что в декабре 1941 г. лишь «цыгане, кочующие по стране», были приравнены по статусу к евреям).

Во-вторых, очевидно, что май 1942 года – это тот рубеж, который отделил цыган от остального населения РКУ. До тех пор нам не известно какого-либо документального подтверждения существования отдельного интереса органов гражданской администрации именно к этой категории населения. Данный же документ создает однозначное правовое поле, руководствоваться которым предписывается местным органам власти.

В-третьих, это распоряжение совершенно недвусмысленно уравнивает статус цыган со статусом евреев в РКУ и свидетельствует об общем направлении дальнейшей политики по отношению к ним – заключении в гетто. Скорее всего, здесь имеются в виду не отдельные места изоляции, а еврейские гетто. Антиеврейская политика нацистов в РКУ уже описана в научной литературе достаточно подробно: в книгах Шмуеля Спектора [11], Карела Беркхоффа [7], Венди Лауэр [10] и других авторов показаны этапы ее эволюции и динамика «окончательного решения еврейского вопроса». Летом 1942 г. значительное количество евреев на территории РКУ было уже убито, оставшиеся трудоспособные евреи с семьями с целью трудовой эксплуатации сгонялись из небольших гетто в гетто большего размера, чтобы разделить трагическую судьбу своих соплеменников позже, в 1943 году. Гражданская администрация не располагала собственными инструментами для реализации подобных мероприятий, однако в ее, по крайней мере, формальном подчинении (фактически – в подчинении у РСХА и Гимmlера) находились силы полиции безопасности и СД, структуры высшего фюрера СС и полиции, с командирами СС и полиции для каждого генерального округа, которые в ходе выполнения подобных задач руководствовались собственным пониманием методов их решения.

Возможно, это позволяет ответить на следующий закономерный возникающий после прочтения данного документа вопрос: почему в таком случае нам до сих пор не известно о том, чтобы на территории РКУ цыган действительно направляли на поселения в еврейские гетто? Возможно, силы СС-полиции вместо того, чтобы обеспечить аресты и заключение цыган в гетто, попросту сразу убивали их в тех населенных пунктах, где находили. В некоторых случаях данное распоряжение могло опосредованно означать смертный приговор для цыган, находившихся на территории РКУ.

Почему «опосредованно»? В нашем распоряжении есть по меньшей мере одна группа источников, показывающих, что после вышеприведенного распоряжения РКУ от 8 мая по крайней мере в одном генеральном округе –

«Волынь-Подолия» с центром на тот момент в Брест-Литовске – события развивались в сторону, более благоприятную для цыган. Еще 22 апреля 1942 г. администрация крайсгебита Костополь отчиталась генеральному комиссару округа «Волынь-Подолия» в Брест-Литовск о том, что в последние дни 92 цыгана были арестованы и помещены в рабочий лагерь в Людвиполе¹. Из гебитскомиссариата Костополь сообщали, что цыгане представляют собой «тяжкое бремя» для лагеря, поскольку «сильно завшивлены» и среди них есть старики и дети. Гебитскомиссар Костополя Лёнерт (Löhnert) запрашивал генерального комиссара об инструкциях о дальнейших действиях в отношении этих цыган [13]. 9 мая 1942 г. регирунгсрат округа «Волынь-Подолия» ответил в Костополь, что общие инструкции об обращении с цыганами скоро будут даны [13]. Вероятно, после получения распоряжения РКУ от 8 мая генеральный комиссар округа «Волынь-Подолия» обергруппенфюрер СА Генрих Шёне (SA-Obergruppenführer Heinrich Shöne) подписал 15 мая следующий ответ: «Всех кочующих (*umherziehenden*) цыган в генеральном округе следует задержать и зафиксировать (*festzusetzen*). При необходимости их следует направить на полезные работы, а повозки и лошадей и тому подобное конфисковать (*sicherzustellen*)». Данный документ не содержал сведений о его адресате – непонятно, было ли оно адресовано лишь гебитскомиссару Костополя или всем гебитскомиссарам в округе. Как следует из этого распоряжения, подвергать аресту и «зафиксированию» оседлых цыган не предполагалось. Меры, которые предписывались к кочевым цыганам, не подразумевали физического уничтожения.

21 мая – вероятно, для того, чтобы ознакомить с данным постановлением все подчиненные инстанции – всем гебитскомиссариатам и городскому комиссариату Брест-Литовска из генерального комиссариата округа «Волынь-Подолия» было разослано еще одно распоряжение за подписью Г. Шёне с названием «Бродячие торговцы и цыгане». «...Всех бродячих торговцев следует немедленно арестовывать, потому что они распространяют слухи. Всех кочующих цыган немедленно поместить в тюрьму. Лошадей и повозки конфисковать и передать для рационального использования» [13].

Выше изложенные распоряжения свидетельствуют о том, что по крайней мере в одном из шести генеральных округов РКУ (документы по остальным пяти на сегодняшний день еще неизвестны) власти округа конкретизировали центральное постановление РКУ в сторону сужения определения понятия «цыган» до тех, кого могли уличить в «бродячем» образе жизни. Однако есть ли у нас свидетельства о дальнейшем продвижении «на места» этой бюрократической инициативы? Хотя бы отчасти пролить свет на процесс реализации данного распоряжения поможет

¹ Ныне – поселок Сосновое Березновского района Ровенской области в Украине.

еще один нижеследующий документ. Вернее, это серия документов. Это бумаги едва ли не самого низшего уровня властной структуры РКУ – районной управы в селе Высоцк в крайсгепите Столин, одной из многих районных управ генерального округа «Волынь – Подолия» в РКУ. В нашем распоряжении всего 11 документов, первый из которых представляет собой приказ председателя районной управы Высоцка от 10 июля 1942 г., адресованный подчиненным ей сельским управам, предоставить, в соответствии с полученным несколько дней назад из гепитскомиссариата распоряжением, сведения о наличии цыган на территории сельских управ. Остальные документы содержат ответы сельских управ на этот запрос, сообщая, что цыган на подведомственной им территории не имеется.

* * * * *

Перевод с украинского:

Районная управа в Высоцке

Отдел: орг.[анизационный]

10.VII.1942 г.

№ 9/42

Председателям сельских управ

В соответствии с распоряжением г-на гепитскомиссара от 7 июля 1942 г. приказываю немедленно прислать со специальным курьером списки цыган, которые находятся на вашей территории – как проезжих, так и постоянно у вас проживающих. Списки предоставить по следующей форме:

1. Фамилия и имя.
2. Отчество.
3. Год рождения.
4. Место рождения.
5. С какого времени проживает в селе.
6. Занятия (полученная специальность).
7. Сколько имеет земли.
8. Когда прибыл в село.
9. Из какой местности прибыл.
10. Настоящий цыган или смешанный.

Если в селе или вокруг села цыган нет – следует также информировать об этом в районную управу, что цыган нет.

Срок – до 15 июля.

Председатель района [4, арк. 2].

* * * * *

О чем свидетельствует этот документ?

Прежде всего о том, что цыгане для оккупационных властей стали представлять предмет особого интереса (подобно другой категории местного населения, в адрес которой предусматривалось «особое отношение» – евреи). Необходимо отметить, что регистрация цыган в данном случае не была частью более общих регистрационных мероприятий по отношению ко всему населению. В сельской местности все жители, как правило, регистрировалось старостами сельских общин еще в начале оккупационного периода согласно «Служебному наставлению старостам и городским головам по части регистрации населения и выдачи удостоверений личностям». По этой инструкции, все жители села должны были быть зарегистрированы в одном списке, кроме «жидов», партизан, пленных красноармейцев, уголовных элементов и бывших членов коммунистической партии, которых следовало регистрировать по «особому списку». Во время этой первой регистрационной волны цыгане в отдельную категорию выделены не были, в связи с чем теперь, в июле 1942 года, потребовалась их повторная, уже отдельная, регистрация.

Во-вторых, можно предположить, что этот документ является следствием реализации распоряжения РКУ за подписью Даргеля от 8 мая и распоряжения округа «Волынь-Подолия» от 21 мая, которые мы описали выше. Возможно также, что эти документы подтверждают, что запрос, который был направлен из Министерства оккупированных восточных территорий в Рейхскомиссариат «Остланд», был действительно направлен также и в РКУ. Косвенно об этом свидетельствует схожесть вопросов в письме Отто Бройтигама с теми пунктами, которые содержатся в приказе районной управы Высоцка: и в письме, и в приказе запрашиваются не просто статистика численности цыган, но и сведения об их образе жизни (кочевые либо оседлые), о профессиональных занятиях и, что весьма важно, о том, являются ли они «чистыми» или «смешанными». Этот последний пункт наиболее отчетливо свидетельствует, что регистрация в Высоцке проводилась не по решению местной администрации, а являлась именно инициативой из Берлина, поскольку в ней отчетливо проявляются расовые мотивы, в соответствии с которыми политика в отношении цыган проводилась в самом Рейхе. Вероятно, что в дальнейшем по отношению к этим выявленным двум группам украинских цыган – «чистым» и «смешанным» – планировалось проводить дифференцированную политику, как это уже и делалось в самом Рейхе.

В-третьих, приказ из районной управы упоминает о наличии соответствующего распоряжения гебитскомиссара (напомним, речь идет о крайсгевите Столин). Документов, которые бы свидетельствовали о

выполнении подобных запросов по другим районным управам гебита Столин или по другим крайсгебитам генерального округа «Волын-Подолия», пока не выявлено. Однако навряд ли можно считать, что кампания по сбору сведений о цыганах была инициирована лишь в одном крайсгебите: наличие лишь одного свидетельства по только одной линии «гебиткомиссариат – районная управа – сельские управы» дает основания предположить выполнение масштабной акции по сбору данных о цыганах если не в границах всего РКУ, то по меньшей мере в генеральном округе «Волын-Подолия». Эти свидетельства стимулируют нас к более активному поиску в архивах ответа из Ровно в Берлин, в котором бы обобщались полученные данные, ответа, который, в свою очередь, играл бы не последнюю роль в формулировании политики по «цыганскому вопросу» в министерстве Розенберга и в Рейхе в целом.

Что немаловажно, эти документы также демонстрируют, что определенная часть работы по подготовке к «особому обращению» (каким бы оно ни оказалось в итоге) была возложена на местные органы власти – от них зависело, предоставлять ли сведения о цыганах немецкой оккупационной власти. Это ставит перед исследователями вопросы о степени готовности – и степени ответственности сельских старост и других представителей низшего звена административного аппарата за предоставление сведений о местных цыганах оккупантам. Это, в свою очередь, поднимает вопросы о том, насколько местные чиновники знали о том, что грозит цыганам в случае предоставления немцам сведений о них, а также о том, было ли у них желание ценой определенного риска оставить своих этнических соседей либо по каким-либо причинам избавиться от них. Российский цыгановед Н. Бессонов приводит многократные примеры того, как местные власти сознательно шли на утаивание сведений о проживавших на их территории цыганах. История нацистской политики в Крыму показывает, что в Джанкойском районе на севере Крымского полуострова в некоторых селах исламизированные цыгане-чингене были уничтожены после того, как старосты предоставили сведения о них как о цыганах прибывшему в село карательному подразделению СД – в то время как в других селах того же района они остались живы, так как старосты тех сел не предоставили немецкой администрации сведения о «своих» цыганах, выдавая их, как правило, за татар [12]. С чем это было связано? По одному из предположений, сельская администрация могла действительно искренне считать их скорее татарами (опять же в силу религиозно-культурной схожести с последними). По другому предположению, старосты этих сел могли догадываться о том, что грозит этим цыганам, и поэтому отважились на подобную фальсификацию. Исходя из выше изложенного, можно заключить, что ответы сельских

управ об отсутствии цыган на их территории вовсе не обязательно могли означать реальное отсутствие их там.

Подводя итоги, отметим: мы не знаем, какими были непосредственные результаты всех вышеописанных бюрократических инициатив гражданской администрации. Очевидно, что весной – летом 1942 года цыгане были выделены оккупационными властями в отдельную группу, для которой власти начали поиски подходящего, по их мнению, статуса и мероприятий в отношении них. Документы по крайней мере одного из шести генеральных округов РКУ говорят о том, что гражданские власти не были заинтересованы в физическом уничтожении всех цыган, находившихся в сфере их контроля. Оседлые цыгане, интегрированные в окружающие социально-экономические структуры, в них вообще не упоминаются. Применительно к «кочевым» предполагались меры по их изоляции и устранению, но не убийству.

Однако что нам известно о конечных результатах оккупационной политики? Если говорить о территории генерального округа «Волынь – Подолия», то из документов ЧГК известно, что в пределах этого генерального округа в поселке Сарны (административном центре соответствующего крайсгебита по соседству со Столином) 26 августа 1942 г. было убито около 200 цыган, в с. Воронки Владимирецкого района – 15 цыган. В соответствии с итоговым отчетом ЧГК по Ровенской области, среди убитых в Сарненском районе насчитывалось 200 цыган. На территории современной Волынской области первый известный случай убийства цыган – 2 июня 1942 г., когда у с. Шиловода немецкая жандармерия расстреляла 64 цыгана. В м. Камень-Каширском 17 августа 1942 г. цыган расстреляло подразделение СД. СД г. Ровно отчиталась о том, что в Камень-Каширском и Ковеле в совокупности были подвергнуты «особому обращению» 76 цыган. Около 40 цыган было убито в 1942 году в поселке Ратно, около 50 – весной 1943 года у села Заболотье. В 1943 г. около 60 цыган были убиты у села Выдерта Камень-Каширского района.

Эта трагическая статистика, охватывающая период 1942–1943 годов, служит доказательством в пользу следующих выводов: либо позиция гражданской администрации в отношении цыган не всегда была последовательной и претерпела ужесточение со временем и по мере прохождения бюрократической инициативы от руководящих органов к исполнителям «на местах», либо, что представляется более вероятным, ответственность за то, какой окончательный смертоносный вид приобрела эта политика, следует возлагать не на органы гражданской администрации Рейхскомиссариата «Украина», а на силовые структуры полиции безопасности и СД и прочие формирования СС, которые функционировали в пределах данного административно-территориального образования.

1. Бессонов, Н. Геноцид цыган Украины в годы Великой Отечественной войны / Н. Бессонов // Рома в Україні. Історичний та етнокультурний розвиток циган (рома) України (XVI–XX ст.) : матеріали Міжнар. круглого столу, 3 лист. 2006 р., м. Донецьк. – Севастополь: Вебер, 2006. – С. 4–28.
2. Державний архів Волинської області. – Фонд Р-2. – Оп. 1. – Спр. 8-б.
3. Державний архів Рівненської області. – Фонд Р-22. Рівненський гебітскомісаріат.
4. Державний архів Рівненської області. – Фонд Р-57. – Оп. 1. – Спр. 1.
5. Круглов, А. Геноцид циган в Україні в 1941–1944 гг.: статистико-регіональний аспект / А. Круглов // Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі. – 2009. – № 2 (6). – С. 111.
6. Тяглий, М. Нацистська окупаційна політика та доля ромів України / М. Тяглий // Україна у Другій світовій війні: Погляд з XXI століття. – Київ : Наукова думка, 2011. – Кн. 2. – С. 864–897.
7. Berkhoff, K. Harvest of Despair. Life and Death in Ukraine under Nazi Rule / K. Berkhoff. – Cambridge, MA – London : Harvard University Press, 2004. – 463 p.
8. Holler, M. Der nationalsozialistische Völkermord an den Roma in der Besetzten Sowjetunion (1941–1944) / M. Holler. – Heidelberg, 2009. – 142 s
9. Lewy, G. The Nazi persecution of the Gypsies / G. Lewy. – Oxford – New York, 2000. – P. 125.
10. Lower, W. Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine / W. Lower. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2005. – 307 p.
11. Spector, Sh. The Holocaust of Volhynian Jews, 1941–1944 / Sh. Spector. – Jerusalem : Yad Vashem ; The Federation of Volhynian Jews, 1990. – 383 p.
12. Tyaglyy, M. Were the “Chingene” Victims of the Holocaust? The Nazi policy toward the Crimean Roma / M. Tyaglyy // Holocaust and Genocide Studies. – 2009. – Vol. 23, No. 1. – P. 41.
13. United States Holocaust Memorial Museum Archives (далее USHMMMA). – RG-31.017M. – Reel 3.
14. Zimmermann, M. The Soviet Union and the Baltic States, 1941–44: the Massacre of the Gypsies / M. Zimmermann // The Gypsies during the Second World War. – Vol. 2 : In the Shadow of the Swastika / ed. D. Kenrick. – Hatfield, 1999. – P. 147.

Раздел 2

ЛОКАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ГЕНОЦИДА. ИСТОРИЯ ХОЛОКОСТА

УДК 343.337.5

И.Л. ЙЕГУДИ

Беларусь, Минск

**НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИСТОКАХ И МОТИВАЦИИ
ЕВРЕЙСКОГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА В ГОДЫ
НАЦИСТСКОГО ГЕНОЦИДА ЕВРЕЕВ**

В советских публикациях не принято было говорить о еврейском коллаборационизме: например, литовские полицейские называются «предателями литовского народа» [4, с. 8], а полиция юденрата – просто «полицейские гетто» [4]. Быть может, причина заключалась в том, что официальная советская позиция¹ не признавала существования еврейского народа?

Для объективной оценки явления необходимо избавиться от довлеющего: «ведь в конце концов их почти всех тоже убили!». Яркий пример того, как «знание постфактум» искажает правдивое историческое видение, являет кочующее по страницам сионистских публикаций представление политической деятельности в 1930-е годы Зеева-Владимира Жаботинского и возглавляемого им движения. Один из вождей сионизма и глава «ревизионистского» движения в нём якобы призывал к «спасению», к «спасительной эвакуации» евреев из Европы накануне Второй мировой войны. Он, дескать, «предвидел» Катастрофу и призывал евреев «спасаться», уезжая из Европы в Палестину, ну и, конечно, не забыть немедленно создать своё государство (ибо в подмандатную Палестину въезд был ограничен). Потому что он «гениально предвидел» – в отличие от «других», не таких агрессивных сионистов – нацистский *геноцид*. Хаим Лазар-Литаи, партизанский командир из Виленского гетто, автор книги «Гибель и бунт», пишет: «Я принадлежу... к единственному движению, которое предупреждало массы евреев диаспоры о приближающейся Катастрофе (шоа²)» [2, с. 9]. Правда же лежит совсем в

¹ А. Громько в ООН в 1947 г. однозначно говорил про «еврейский народ», это же выражение употреблял в своих – строго контролируемых – международных контактах и раввин Соломон Шлифер, официальный раввин Большой хоральной Московской синагоги в 1940–1950-е годы.

² Для обозначения нацистского геноцида евреев в неоиудее метко употребляется древнееврейское слово «Шоа», неоднократно встречающееся у пророков в значении «гибель, полное разрушение». В русскоязычной литературе до 1990-х годов этот термин более или менее удачно передавался как «Катастрофа европейского еврейства». Употребляемый сегодня термин «Холокост» автор не приемлет и считает его семантически неадекватным, полагая, что память жертв заслуживает хоть и «громоздкого», но точного термина «нацистский геноцид евреев».

другой плоскости: поголовное истребление целого народа на всём континенте было сюрреализмом, никто не мог такое «предвидеть», и конечно, не сионистский вождь Жаботинский.

Он был лишён «пророческого дара» настолько, что в феврале 1940 года [3, с. 135], когда реки еврейской крови уже заливали оккупированную Польшу¹, писал (перевод с иврита тут и далее мой. – *И. Й.*): «Программа серьёзной эвакуации должна учитывать возможность эмиграции пяти миллионов евреев на протяжении 10–15 лет после войны» [3, с. 189]. А война, верно пишет он, будет мировой и тяжёлой и продлится несколько лет, и Германию побьют...». В другом месте, говоря о «национальных требованиях» и «бесперспективности» еврейской жизни при послевоенном устройстве, которое в лучшем случае вернёт довоенную ситуацию, он пишет – на этот раз цифрами: «вышесказанное относится к 5 000 000 евреев, которые останутся жить в этом районе» (т.е. в Центральной и Восточной Европе). «Неизбежный антисемитизм» там не изменится: «В Польше евреев 10 %, а в Британии – полпроцента. Вряд ли возможно такое уменьшение процента евреев (для ликвидации антисемитизма. – *И. Й.*), да и вряд ли оно необходимо...» [3, с. 171]. Шестой миллион (или больше) – погибшие на советской территории. Итак, пророков не было, и коллаборационисты, конечно же, надеялись выжить.

Посмотрим на события изнутри. Поскольку участвовавшие в них коллаборационисты имели свободу выбора, и они сделали его не в пользу смерти «вместе со всеми», а наоборот, в надежде уцелеть, спасти себя и близких, а заодно осуществить по мере возможности те или иные свои «идеалы». Попробуем рассмотреть их действия.

Доктор исторических наук Петрас Станкерас, автор апологетического исследования «Литовские полицейские батальоны, 1941–1945» [5], в главе «Еврейская полиция на территории Литвы» называет вещи своими именами: «Отцом еврейского коллаборационизма и создателем еврейской полиции (*Judenpolizei-Jupo*²) считается заместитель знаменитого Адольфа Эйхмана гауптштурмфюрер СС Алоис Бруннер (*Allois Brunner*). Он начинал с организации еврейской Службы Порядка в Берлине, которая помогала ему депортировать берлинских евреев в гетто и лагеря смерти на Востоке. Вторая мировая война стала катастрофой для евреев Литвы...» [5, с. 99].

«Руководимые Генсасом еврейские полицейские отбирали своих сородичей для уничтожения в Панеряй» [5, с. 104]. «28 ноября 1941 года,

¹ Ему было известно об этом, и – к его великой чести как интеллектуально честного политика и мыслителя – он писал: «При всей моей вражде к большевикам и к коммунизму, я жалею, что Красная Армия не продвинулась в сентябре 1939 хоть ещё на пару километров...» [3, с. 177].

² Доктор П. Станкерас педантично подаёт латинским курсивом имена немцев и литовцев (а заодно и евреев – по-литовски), названия служб и должностей; эти названия и по-русски он пишет с большой буквы – в соответствии с немецкой традицией.

отбирая 10 тыс. евреев Каунасского гетто для массового расстрела, жителей гетто строила в колонны и поддерживала среди них порядок еврейская полиция» [5, с. 111]. Жидоедское видение автора проявляется в тонкостях стиля: «Безжалостно используя психологию и социологию евреев, немцы уменьшили возможность сопротивления» [5, с. 99]. А «социологию и психологию» «сородичей» д-ра П. Станкераса немцы-то, небось, тоже не забыли? «Подразделения литовской полиции... были сформированы самими литовцами, их стараниями... были созданы для Литвы, а не для Третьего рейха, но были немецкой администрацией бессовестно присвоены» [5, с. 239].

С той же любовной тщательностью, с какой он излагает структуру, систему званий, задачи подразделений литовской полиции, он описывает и *Juro*. Для Станкераса они – часть литовского коллаборационизма, хоть и презренная. Среди задач он констатирует: «...изъятие вещей, организации облав для отправки на работу, помощь немцам во время облав жителей во время погромов¹. Еврейские полицейские были вооружены резиновыми палками, а командиры – даже пистолетами и ручными гранатами» [5, с. 102].

«12 июня 1943 г. в Вильнюсском гетто произошёл знаменательный инцидент, когда арестованный охраной ворот еврей Хаим Левин (*Chaimas Levinas*) застрелил еврейского полицейского Моше Гингольда (*Mose Gingold*). Прибывший на зов Я. Генсас немедленно застрелил убийцу. Убийство двух евреев очень понравилось прибывшим немцам. И они разрешили вооружить огнестрельным оружием ещё пятерых еврейских полицейских» [5, с. 106].

«...18 октября 1942 г. на территорию гетто прибыл руководитель зондеркоманды СС Мартин Вейсс (*Martin Weiss*). Он привёз фуражки литовской армии, только украшенные металлическими шестиконечными звёздами Давида. В этот самый день еврейские полицейские раздели прохожих, одетых в кожаные пальто, для обмундирования специального отряда еврейской полиции. Экипированный отряд... выехал в Ошмяны... выполняя массовое убийство евреев...» [5, с. 105].

Заместитель Генса, командир полиции и агент гестапо [5, с. 104] Деслер сообщал: «Генс... послал мне шесть литовских полицеев, с тем, чтобы они стали у синагоги и делали, что им скажут – а евреи думали, что это литовцы проводят селекцию. Но я их не вывел: во-первых, евреи могли перепугаться при виде литовцев; а во-вторых, как можно полагаться на убийц – а ну как начнут пальбу, а отвечать будем мы...²» [2, с. 61].

¹ Употребление Станкерасом этого применявшегося заключёнными в гетто эвфемизма без кавычек – потрясает цинизмом. Погром в истории – это изломанная домашняя утварь, испорченные подушки, избитые, часто изувеченные, местами и убитые люди, грабёж, насилие над женщинами. В гетто это была рутина повседневности [6, с. 119–120]. «Погром» в гетто – это организованное массовое убийство [6, с. 121].

² Не за страх, а за (анти)совесть: старый сионист, соратник Герцля по первым сионистским конгрессам, драматург, поэт и скульптор Альфред Нусиг, агент гестапо в юденрате Варшавского гетто, был казнён подпольем в феврале 1943-го. Среди прочей переписки с немцами у него нашли обращение, где он

Выходец из Гольшан Реувен Лионд (Лиондов), прошедший путь бойца-разведчика в белорусских партизанских соединениях, пишет в своей книге «Еврей-партизан в лесу»: «...в октябре 1942 немцы ликвидировали гетто в местечках Гольшаны, Крейванцы¹, Солы, Жупраны и Сморгонь. Евреев переместили в Ошмяны, которые были административным центром, относившимся к гебитскомиссариату Вильно. На той же неделе туда прибыли глава Виленского гетто Генс и его помощник Деслер, да сотрутся имена их, в сопровождении еврейской полиции Виленского гетто во главе с известным своей жестокостью офицером-евреем Рингом. Их задачей было вывести из ошмянского гетто квоту евреев на смерть. По указанию Генса юденрат Ошмян должен был выдать стариков, но на самом деле юденрат выбирал беззащитных, в том числе молодых вдов, матерей с маленькими детьми, которые остались без мужей. Собрали около пятисот евреев, еврейская полиция вывела их на хутор в 10 км по шоссе Ошмяны – Вильня, в называемое «Зелёнка» место, запихнула их в сараи и передала литовцам, которые и перестреляли их. Мои родители были среди жертв той акции...» [7, с. 127]. За несколько дней 30 еврейских полицейских выпили 100 бутылок водки, устроили совместную с литовскими «геноссен» гулянку и вернулись в гетто с мешками добра, денег и украшений [11, с. 86] – наверное, в том числе и платой юденрату за убийство молодых женщин и детей в «нарушение» приказа Генса в рамках его «национально-ответственной политики» – «приносить стариков в жертву, чтобы жили молодые». ...Кто античеловечней: на службе нелюдей, убивающий «сородичей», или «инородцев»? Оба хуже.

Немцы, знатоки «социологии и психологии» подминаемых народов, исхитрились использовать воинство Генса-Деслера и против... «титulyных»: «Весной 1943 г. в Каунас приехало немалое количество немецких семей. Для выселения литовцев из квартир немцы использовали вместе с литовскими полицейскими и еврейских полицейских... новосёлов сопровождали четверо полицейских: один немецкий, один литовский и двое еврейских. В обязанности еврейских полицейских входило следить, чтобы литовские полицейские не похищали имущество выгоняемых из квартир литовцев (всё должно достаться немцам, «титulyных» жителей «немцы-освободители от жидо-большевизма» гнали на улицу). Участие еврейских полицейских в выселениях возбуждало ненависть литовской общественности: все думали, что это евреи предложили себя в помощь для выселения литовцев («общественность» эта знала ведь, кто привёл «советские танки» в 1940 г., «разобралась» и тут). Такими акциями немцы стремились достичь две цели: освободить квартиры для немецких поселенцев и разжигать ненависть

объяснял им, как проводить «акции», и сетовал на провал «акции» 18 января из-за излишней брутальности немцев [28; 13, с. 438].

¹ В оригинале – еврейские названия нас. пунктов, привожу тут их современные названия в РБ.

литовцев к евреям. Чтобы уменьшить напряжение, Еврейский совет разрешил евреям полицейским при выполнении специальных заданий в городе одеваться в гражданскую одежду [5, с. 114].

У евреев в гетто принадлежность к полиции давала, прежде всего, право на жизнь – в обмен на соучастие в лишении оной других «сородичей». Но и значение материального обеспечения – в условиях страшного голода и ужасающей нужды в гетто – выросло необычайно: «...появились объявления о том, что второй полицейский участок вместе с артистами готовит представление. Рядом с этим объявлением появились вскоре другие: «На кладбище не поют!», «Полицейские спокойны за свою жизнь, они сыты и одеты – им не хватает только концертов!» [4, с. 54]. Короче: «Что делать? Работать у немцев не могу. Денег нет, есть надо, ещё и семья. Пошёл в полицию...» [11, с. 82–83].

Еврейский юмор не умирал и в гетто – в народной песне поётся: «Ме зогт аз ди либэ фирн дарф мен ин палацун, ун ин гетто из эс дох а шанд. Гьоб их зех фарлибт биз ибер ди эверн ун давке ин а простун полициант... Бай алэ мейдлэх нешт эр цу ди пекелах, ба мир обэр цепет эр кейн зах...»¹.

У белорусов и украинцев полицейская повязка и ржавая винтовка давали, наряду с зарплатой, пайком, водкой и, местами, возможностями пограбить евреев, ощущение относительной личной безопасности, возможность оградить семью от грабежа и насилия со стороны оккупантов или уголовников. Жизнь белоруса или украинца стоила ведь в глазах нацистов не намного дороже жизни еврея. Показательно, что «принадлежность к еврейству» в Германии устанавливалась происхождением от 3 из 4 дедов и бабок, и министр внутренних дел предупреждал на Ванзейской конференции: «Если вы допустите убийство полуевреев, это будет означать, что вы пренебрегли тем, что половина их крови – германская» [8]. На «восточных территориях» «еврейская принадлежность» определялась одним дедом/бабкой, а то и через брак с евреем [9]. Славяне подлежали массовому «выселению» после победы [10, с. 81, 113–114], и немедленный «перевод в евреи» максимального числа был кстати.

А вот уголовники-то – там, где среди евреев имелся этот «социально близкий» любой античеловечной власти слой – были в еврейской полиции крайне нужны. «Еврейский царь Лодзи», старый сионист Х. Румковский специально набрал матёрых уголовников, а одного из «авторитетов» назначил начальником тюрьмы [25]. Варшавская еврейская полиция, которую возглавили ассимилированные интеллигенты, выкресты и сионисты [12; 13, с. 451–452], в качестве рядовых «бойцов» набрала

¹ «Говорят, что крутить любовь надо во дворцах, а в гетто это стыдно, но вот я влюбилась по уши в простого полицая... у всех девушек он отнимает припасы (которые работающие пытались пронести извне голодающей семье), а у меня он ничего не трогает...».

уголовников «ди штарке» (т.е. здоровяки), некоторых из них немцы потом «импортировали» и в Минское гетто. В культурной Вильне также имелись еврей-уголовники «ди штарке», которыми немцы в нужный им момент доукомплектовали еврейскую полицию [2, с. 126–134].

Апологетика еврейской полиции обычно сосредоточивается на 3 аспектах:

1. Шли туда, «спасая жизнь», да и не избежали в конечном счёте «общей участи».

2. Поддерживали внутренний порядок жизни, препятствовали уголовным действиям.

3. Поддерживали связь с подпольем вплоть до взаимодействия.

Эта апологетика может быть справедливой постольку, поскольку речь идёт об определении степени ответственности за преступления тех или иных людей или организаций, но не так, чтобы исключать юденраты и евреев-полицаяев из общего сонма коллаборантов:

1. «Общую участь» полицаи не выбирали – они как раз надеялись её не разделить. Вопрос спасения жизни под нацистской оккупацией стоял перед всеми в той или иной степени: самым острым образом он стоял перед военнопленными Красной Армии, значительное большинство которых погибло в плену. Тем не менее, в отношении тех из них, кто пошли в лагерную полицию, а позже – в армию Власова и т.п., вряд ли кто-то – если он не из тех, кто считает дело Гитлера и его пособников правым в войне против СССР – будет всерьёз утверждать, что «их нельзя назвать коллаборационистами». В белорусскую полицию местами просто загоняли силой, угрожая жизни кандидата и его близких. В юденполицай, насколько известно, не брали силой никого и нигде.

2. Поддерживали внутренний порядок – то же самое можно сказать о любой полиции коллаборантов; да ещё и с той разницей, что среди неевреев уголовников, вероятно, было побольше, а в самой полиции – поменьше.

3. Были целые батальоны белорусской полиции, которые с оружием в руках переходили к партизанам. Понятно, что подполье имело своих людей всюду, но по советскому определению, поднимавший оружие против мирных советских людей не мог быть подпольщиком, а в лучшем случае – кандидатом на прощение. Это определение соответствует традиционным ценностям евреев и христиан. Были полицаи разных национальностей, которые отказывались стрелять в безоружных людей, а другие делали это под дулами автоматов немцев; и были полицаи, расстрелянные немцами за отказ убивать евреев [10, с. 149; 5, с. 181–182]. Из виленского гетто часть евреев-подпольщиков уехала в лес на автомашинах, «нанятых» за деньги у литовской полиции [2, с. 178]. Всё это не снимает определения коллаборантов с полицаяев-неевреев, и не понятно,

почему аналогичные факты могут снять его с юденполицай. Опять-таки, объективных критериев измерения и перехода количества связей с подпольем в качество не существует.

Одновременно важно подчеркнуть, что абсолютно все преступления, совершённые подчинявшимися гитлеровцам силовыми формированиями коллаборационистов, должны быть отнесены в общий счёт преступлений нацистской Германии. В контексте описаний геноцида евреев сплошь и рядом приходится читать и слышать, что полицаи той или иной национальности (включая еврейских) были «хуже немцев». Совмещение этих описаний даёт итог, что немцы были «лучше» всех, а «унтерменши» стоили друг друга, что и требовалось нацистам доказать.

Описания свидетелей ужасов не могут корректироваться. Но взгляд историков, да и потомков уцелевших должен быть трезв: именно немецкая оккупационная власть дала жизнь этим силовым структурам, набрала в них подлых людей, вложила в их руки оружие, дала приказ грабить и убивать и/или указание/разрешение делать это без приказов. Именно немцы прежде всего ответственны за все преступления коллаборационистов на оккупированной территории, а их исполнители лично ответственны за свои действия наряду с оккупантами, но не вместо них и не впереди их. Насколько очевиден этот факт в отношении еврейской полиции, настолько же он ясен при трезвом рассмотрении в отношении абсолютно всех созданных оккупантами и подчинённых им силовых структур.

Рассказы о том, как «проходившая немецкая воинская часть остановила расправу над евреями» со стороны балтийских/украинских/румынских головорезов, лишь подчёркивают выше сказанное: никто там не имел права убивать без ведома немцев; и, в первую очередь, именно они ответственны за все последующие совершённые под их оккупацией преступления геноцида.

Шкурный интерес молодых и здоровых среди затравленной массы плюс возможность осуществления уголовных и/или садистских наклонностей маргиналов были вполне использованы немецкими знатоками «социологии и психологии» при наборе рядовых коллаборантов – что с винтовками, что с дубинками.

Но главари были людьми иного интеллектуального и морального уровня и, наряду с желанием жить и жить хорошо, имели ясные идеологические устремления. Идеологи русских коллаборантов шли под лозунгами освобождения России от «жидо-большевизма»; украинские и прибалтийские коллаборационисты шли под шовинистическими, антибольшевистскими, антирусскими, жидоедскими лозунгами [10, с. 87] и призрачной надеждой на «независимость». Вслед за ними пытались «ту же кашу продавать» не встретившие массового народного отклика идеологи

коллорабационизма на Беларуси, где даже полицаи «никуда не годились» [10, с. 150–151]: немцам «пришлось» импортировать украинские и балтийские полицейские части для истребления евреев [10, с. 87, 89], не говоря уже о войне с партизанами.

Вместе с тем идейная почва коллабационизма у неевреев имела и по-человечески понятную основу: обида балтийцев за «растоптанную советской оккупацией независимость» (через год пришла альтернатива, которую эта «оккупация» пыталась предотвратить...), в славянских республиках – трагедии сталинского времени. Так, в Беларуси под раскулачивание в первую пятилетку попало около 400 000 душ высланных и расстрелянных, цветущие деревни были стёрты с лица земли [15, с. 40–41]. А затем на протяжении 1930-х гг. была истреблена львиная доля интеллектуальной элиты нации [15, с. 89–102]. Ужасы голодомора на Украине общеизвестны. Русских «кулачили», как и всех.

У евреев же, в свете ясной гитлеровской установки на их геноцид, коллабационистских поползновений на такой почве быть не могло. Как говорила религиозная еврейка в Минске летом 1941-го, «Пусть потонут в море все проклятия, которыми я проклинала советский режим. Об одном молю Б-га: дожить и увидеть первого советского солдата. Я вымою ему ноги и выпью эту воду. После этого я смогу умереть спокойно» [7, с. 40].

В чём же состояла идейная основа еврейского коллабационизма? Насаждаемое через Интернет утверждение, что «Еврейская коллабация, в отличие от коллабации неевреев, никогда не имела под собой идеологической основы» [16], весьма проблематично. Приводимый там пример не лезет ни в какие ворота: случайное назначение Ильи Мушкина главой юденрата Минска. На всей «старой советской территории» немцы осуществляли геноцид с минимумом промежуточных этапов; единственное большое и существовавшее там длительный срок Минское гетто было важнейшим очагом сопротивления оккупантам. Илья Мушкин был не «коллаборант», а герой сопротивления, при котором гетто стало источником серьёзнейшей материальной помощи и пополнения живой силой для партизанского движения [17, с. 155–156, 195–196; 6, с. 125]. Мушкин был казнён немцами через пару месяцев, а немцы ввели своих людей в юденрат. Преемник Мушкина Моисей Иоффе по решению подполья отказался 2 марта 1942 г. «отбирать» для убийства 5 000 евреев, и немцы сделали это сами (убиенные в «Яме»). 28 июля немцы собрали евреев на площади и привели Иоффе «успокаивать» евреев. Завидев машины-душегубки, он заорал: «Евреи, проклятые обманывают – разбегайтесь кто куда!», – и был убит среди прочих [19].

Тема еврейского коллабационизма фактически была малознакома и советским историкам, и еврейскому населению БССР, и сегодняшним

белорусским историкам. Сегодня, когда рухнули железные занавесы, по крайней мере те, что отделяли СССР от Европы, а евреев бывшего СССР от единоверцев в мире и от полноты информации о событиях II мировой войны, особенно на «несоветских» землях, стоит поглубже задуматься над этим явлением на территориях Литвы, довоенной Польши, Венгрии. Тамошние евреи – главари¹ и соучастники коллаборационизма, образованные и интеллектуально развитые, – очевидно, имели свою идеологию помимо шкурного интереса.

«Все знали, что Генс не был предателем. Всё, что он делал, возглавляя гетто, – он делал для своего народа... Он не продался немцам. Он искренне верил, что сумеет их перехитрить» [2, с. 134].

Генс, безусловно, самая крупная и символичная фигура из сионистских глав и членов юденратов, да и самая достойная: «В гетто помнили, с какой гордостью он стоял перед немцами, а постоянные угрозы казнью выслушивал хладнокровно, с усмешкой...» [2, с. 134].

Яков Генс, офицер запаса литовской армии, был женат на литовке. Он преподавал физкультуру, литовский язык и литературу в еврейских школах Литвы, был членом сионистского движения («ревизионистского», как и его заместитель – Феликс Деслер [11]), а потому с приходом советской власти перебрался в Вильно, опасаясь ареста [20]. Это был «национально-свядомый» еврей. Он, возможно, мог спастись – его жена и дочка жили вне гетто. Он принял должность главы полиции, а затем и юденрата с полной уверенностью, что делает правое дело: «работа на немцев ради жизни» спасёт часть евреев – нужных немцам «нуц-юден» [11], «молодых и здоровых», а по ходу дела будут активно «приносить в жертву» всех остальных. Что же двигало им и другими сионистами, главами и членами юденратов и сотрудничавших с ними лидеров подполья в Прибалтике и других местах, что составляло ментальную основу их действий?

Как видно, уверенность в том, что:

1. Истребляя евреев, немцы движимы какой-то постижимой обычным человеческим разумом логикой и пощадят «нужных им», которые доживут до освобождения Красной Армией; и что они, назначенные немцами коллаборационисты, имеют таким образом:

2. Остаточный вес, чтобы влиять на стратегические решения нацистов в «еврейском вопросе».

3. Моральное право распоряжаться смертью и жизнью евреев, а ещё точнее, людей, которых нацисты определили как евреев.

Рассмотрим эти три момента.

¹ А среди евреев вне Варшавы – и значительная часть рядовых полицейских: члены сионистских молодёжных движений составляли костяк еврейской полиции в Вильне [11], в Каунасе [14] и в других местах.

Первый. Такая уверенность никак не основывалась на логике фактов и событий с момента нападения на СССР: выходящие за рамки воображения массовые убийства евреев, эффективность, остервенелость, размах и упорство гитлеровцев в осуществлении массовых убийств не могли оставить сомнений насчёт готовности немцев оставить массы живых «нуц-юден». Ввиду невозможности быстро убивать миллионы и решать все связанные с этим вопросы остававшихся евреев регистрировали, изолировали от местного населения, грабили и эксплуатировали в интересах оккупантов и в ходе этого раз за разом уничтожали.

«После второй акции (в Барановичах) в гетто не было среди жителей ни одного, кто бы не понял, что всех собираются уничтожить, вырезать...» [21, с. 56], – свидетельствует в своей книге «Не как овцы на заклание» Элиэзер Лядовский, прошедший партизанскими дорогами Западной Беларуси. В Барановичах положение напоминало Минск: глава юденрата Евсей Изиксон был убит, отказавшись выдавать «квоты»; действовало мощное подполье, около 500 евреев ушли в леса [22]. А уже в Белостоке возглавивший юденрат сионистский лидер Эфроим Бараш был уверен, что «работа на немцев, как щит перед несчастьем» (после резни айнцаггруппами и т.п.), выдаёт «квоты», поддерживает «связи с подпольем», содержит в гетто сионистский «кибуц» [23]. В феврале 1943 г. Бараш выдаёт очередную «квоту», а представитель подполья сионист Мордехай Таненбойм-Тамаров провозглашает: «...мы приносим в жертву 6 300 евреев, чтобы спасти 35 000. Ситуация на фронте такова, что радикальный поворот может произойти в любой день». Членам подполья сообщили заранее, чтобы покинули район акции [13, с. 455]. В дни Курской битвы гетто было ликвидировано.

Немолодой сионистский лидер Румковский, возглавив юденрат Лодзи, впал в манию величия: ездил на запряжённой клячами колымаге с «эскортом» из полицаев, развешивал повсюду свой портрет, печатал и марки с ним... но куда большим сумасшествием было надеяться, что немцы оставят массы живых обитателей гетто, честно отработавших на побежденный рейх, встречать Красную Армию, как надеялись Генс, Бараш и многие другие. По сравнению с этой надеждой марки и клячи – несущественные детали. Румковский надзирал над каторжным трудом десятков тысяч евреев на промышленных предприятиях, исправно поставляя «квоты» на истребление стариков, больных, детей. Юденполицай не покладала рук.

За годы существования лодзинского гетто больше 40 тысяч умерли там от голода и болезней. Летом 1944 г. оставалось 77 тыс., из которых 70 тыс. работали на немцев. Всех отправили в Освенцим, когда советские танки были в 70 км от Лодзи [24, 25]. «Ах, если бы советские танки

поспешили», – мечтают апологеты юденратов в Израиле [13, с. 432]. Ясно, что если бы они наступали быстрее, то немцы отправили бы всех в Освенцим пораньше. Или расстреляли во рвах – опыт был.

Второй. Сказанного выше достаточно для определения такой уверенности как очевидно иллюзорной. Иллюзорность эта подтверждается была ежечасно и ежеминутно тем отношением к абсолютно всем евреям, которое немцы демонстрировали повсеместно, в т.ч. казнями и расстрелами глав и членов юденратов.

Третий. Эта уверенность не вытекает из базисных моральных ценностей иудаизма и христианства, равно отрицающих сознательное активное соучастие в преступном убийстве. Тем более же – перманентное соучастие в массовом убийстве людей заведомо невиновных по любым (в т.ч. нацистским) законам – в качестве средства, которое может оправдать какая бы то ни было цель.

Советское отношение к этой проблеме, как и многое в системе декларированных да и реально существовавших в советском обществе ценностей, находится в соответствии с религиозными ценностями: ни под каким видом не выдавать немцам «советских людей» и не соучаствовать в убийствах мирных жителей, в т.ч. и для «пользы дела». Указание минского подполья «своему» главе юденрата 2 марта 1942 г. не выдавать «скромную», по размерам гетто и «понятиям» Генсов, «квоту» говорит само за себя [2, с. 130]. В директиве Гейдриха о создании юденратов в Польше говорилось, что в них должны войти оставшиеся (после первоначальной резни) раввины¹.

Вот как объясняет образовательный сайт в Израиле [25] причины того, что раввины не шли в юденраты: «Раввины избегали предложений войти в юденраты, опасаясь унижений со стороны немцев из-за своего еврейского вида, ведь с начала оккупации немцы унижали религиозных евреев, рвали бороды, отрезали пейсы».

Кроме того, повседневные продолжительные контакты с немцами были «скверной» в глазах евреев и в частности представителей религии.

«Ещё одно их опасение – опасались реакции общины, разочарования общины в своих религиозных деятелях при таких тяжёлых и всё ухудшавшихся обстоятельствах». А храбрые – под оком гестапо – сионисты разочарования «сородичей» не «опасались».

Раввины не шли в юденраты, а религиозные евреи не шли в полицию. Этот факт известен всем, но я не слыхал ни об одном исследовании, в котором этот факт был бы освещён в качестве заслуживающего специального анализа – слишком взрывоопасно. Он очевиден при

¹ Одного-единственного назначили в июне 1941 г. главой юденрата педантичные немцы, р. Гедалью Рознмана в Белостоке, но это была фикция: правил Бараш, однако на первом этапе, имея ещё какой-то вес, р. Гедалья потребовал у юденрата не препятствовать стечению беженцев из местечек (где сразу пошла бойня) в считавшийся поначалу «безопасным» Белосток [26].

изучении описаний состава «юденполицай» в разных местах: о религиозных евреях ни слова¹.

Во главе юденрата в Бендине (Верхняя Силезия) стоял сионист-социалист Хаим Молчадский, он «скрупулёзно выполнял указания немцев» и «активно участвовал в селекциях», однако «помогал сионистским молодёжным движениям» [31]. Главой «областного юденрата» был сионист Моник Марин, а Молчадский был его «доверенным лицом» и был в курсе назначения «выселений». Марин кончил свой путь предателя в концлагере, а Молчадского в Израиле выбросили из машины с обрыва... «Когда в концлагере разгорались споры между религиозными и секулярными узниками, р. И. Каннель (оставшийся в живых уроженец Бендина— *И. Й.*) всегда задавал вопрос, пресекавший претензии секулярных: «Скажите на милость, а кто вас послал на гибель — верующие евреи или ваши приятели, секулярные деятели?» [1, с. 42–44].

Будет логичным предположить, что идейную основу их действий составила сионистская идеология. Считаю, что следующие аспекты сионистской идеологии подготовили почву для выработки сознательной и/или невольно-подсознательной идеологии еврейского коллаборационизма. Следует помнить, что нацисты умели разобратся в «этнопсихологии и социологии», и то, что очевидно сегодня нам — было ясно и им, и ими использовано.

1. Выделение евреев из числа остальных граждан мест их проживания в разных странах в предназначенную для сионистского дела «единую нацию», основой которой (а религию сионисты отбросили) стало только биологическое происхождение, простираемое и на выкрестов, и на супругов и потомков в смешанных браках. Аналогичный подход нацистов представился сионистам легитимным. Соответственно, и подсознательная легитимация нацистов в качестве людей, с которыми можно договариваться, которым можно доверять... на которых можно влиять, на которых можно полагаться в этом самом «еврейском вопросе». И можно надеяться, что за честный труд оставят «встречать Красную Армию» у ворот «продуктивного» гетто.

В курсе израильского Открытого (заочного) Университета по истории Катастрофы [33] подробно обсуждаются указы гитлеровского правительства о создании и реорганизациях «еврейского представительства» в Германии и в оккупированных странах, обсуждается, какие были цели и интересы у евреев, а какие — у гитлеровского правительства, где была установлена гитлеровцами более демократичная система представительства, а где — менее [33, с. 444–449]. При этом авторы курса явно исходят из аксиомы, что

¹ То ли дело в партизанах [7, с. 97; 2, с. 315] — например, раввин р. Зусе «партизан» Вилимовский, воспитанник знаменитой литвакской Барановичской ешивы.

существовала какая-то еврейская сторона перед гитлеровцами, которая имела свои интересы, которые могли быть представлены в устанавливаемых гитлеровцами рамках. Между тем само искусственное создание этой стороны на биологической основе и было отправным пунктом нацистских преступлений. Этот момент, который подчёркивался в советской науке, в изложении сионистов отсутствует напрочь.

2. Суть «сионистского дела» – создание «своего национального организма» и внедрение в сознание масс евреев в разных странах, что всем их бедам придёт конец, когда под сионистским руководством над ними в вожделенной Палестине станут чиновники, полицейские, судьи, начальники – и все «иврим»¹. Отсюда рукой подать до ощущения легитимности своей власти над евреями, полученной из рук нацистов, и до подсознательной легитимации их, источников «еврейской власти», требований; и до уверенности в своём (анти)моральном праве слать людей на лютую смерть от рук явных нелюдей – гитлеровцев; и до лунатической уверенности в своём весе в глазах нацистов.

На процессе Кастнера адвокат Гринвальда Шмуэль Тамир отметил: *«Уникальное развитие событий происходило в тот момент в Венгрии. Сионистское меньшинство – оно было меньшинством в венгерском² обществе – воцаряется надо всем еврейством. Большинство – ассимилированные, именуемые «неологи» и Б-гобоязненные, именуемые «ортодоксы» – отступают, место всех их занимают сионисты...»* [1, с. 30].

Еврейское население подмандатной Палестины называется в сионистском новоязе – «государство-в-пути»; управляемые сионистскими юденратами гетто не могли не представляться сионистам своего рода «мини-государствами-в-пути».

1 ноября 1942 года, Слободка (Вильямполь), Каунас. Большинство евреев Каунаса давно лежат по знаменитым «фортам». Торжественная присяга: «Я, сотрудник полиции Вильямпольского гетто, торжественно обещаю... все свои силы и знания предназначить на пользу еврейской общности гетто... Под музыку симфонического оркестра гетто руководители полиции и полицейские по одному подходили к столу и подписывались под текстом присяги... Под конец церемонии все встали и пропели сионистский гимн *Hatikva*» [5, с. 112]. Не случайно именно бейтаровцы – адепты «ревизионизма» – массами пошли в полицию. Они ощущали уже себя «национальным воинством»: повязки и фуражки с

¹ В неоиуде это слово в оппозиции к «йегуди» – «еврей по еврейской вере и по рождению» означает: еврей по «ивритизму»...

² Ш. Тамир, на мой взгляд, правильно называет «венгерским» общество людей, считавших себя евреями в Венгрии.

моген-довидом¹, ладные дубинки в крепких руках, командиры с пистолетами, парад с командами на иврите². Ощущение силы, власти – именно над евреями, над кем же ещё...

В ходе жуткой «детской акции» весной 1944 года в каунасском гетто еврей-полицаи вместе с немцами ездили от «малины»³ к «малине», отлавливая еврейских детей. Часть полицаев отказались участвовать и были расстреляны. Остальные до конца «предоставили свои силы и знания» гитлеровцам [32].

3. Деление и селекция евреев на «полезных» и «неполезных» для сионистского дела – в плане возраста, профессии, пола, идеологии, знания языков – в том или ином месте, в тот или иной момент. В частности, стоявшая во главе сионистских лозунгов «продуктивизация» евреев для освоения Палестины явно переключается с лозунгами «работа ради жизни», «нуц-юден».

В 1937 году на юбилейном двадцатом сионистском конгрессе в Цюрихе прозвучали слова д-ра Хаима Вейцмана, президента конгресса и главы ВСО: *«Надежда шести миллионов евреев – на эмиграцию в Палестину. Из глубин трагедии я хочу спасти два миллиона молодых. Старики погибнут, они дождутся своей участи. В этом жестоком мире они – моральная и экономическая пыль. Лишь молодая ветвь останется. Старики должны стойко это принять и смириться»* [1, с. 6].

Эйхман в беседе с венгерскими сионистами, меняя выкуп избранных на нераспространение информации о начинающемся истреблении, обратился к ним «как идеалист к идеалистам» [27]⁴. ...А потом в аргентинском изгнании Эйхман в 1955 году изливал душу журналисту⁵: «...д-ру Кастнеру в точности изложил я полученный мной приказ, и он согласился предотвратить сопротивление евреев депортации и позаботиться о порядке в концлагерях, при условии, что я закрою глаза на то, что несколько сотен или тысяч молодых евреев нелегально направляются в Палестину. Для меня это была хорошая сделка – цена в 15 000–20 000 евреев не была слишком высокой за обеспечение порядка. Поскольку Кастнер оказал нам большую услугу, обеспечив спокойствие, я позволил спастись тем группам, которые он предлагал. В конце-то концов, меня не интересовали маленькие группы

¹ «Щит Давида» – шестиконечная звезда, «прихватизированный» сионистами еврейский религиозный символ.

² Восторженно описанный в найденных после войны дневниках юденполицай Каунаса [14].

³ Так назывались тайные укрытия.

⁴ В другом переводе той же книги – названном «Хана Арендт. Эйхман в Иерусалиме. История обыденных злодеяний» издательства «Даат-Знание, Москва – Иерусалим», 2008 г. – эти слова отсутствуют.

⁵ Голландскому нацисту Вильгельму Сассену; из нескольких сот страниц представленного на процессе Эйхмана в Израиле в 1961 г. «документа Сассена» государственный обвинитель обнародовал небольшую часть. Правительство запретило обнародовать полностью [29].

по тысяче евреев» [29]. «Арестовывали группу евреев и доставляли на установленное Кастнером и его людьми место. Там эсэсовцы охраняли их от всяких нападений. Когда еврейские политические организации приготавливали всё необходимое для отправления из страны (из Венгрии. – *И. Й.*), я давал указание пограничной полиции не мешать переходу этих транспортов. Как правило, они перемещались ночью» [13, с. 374].

Юридический советник израильского правительства Хаим Коэн подал в 1956 году апелляцию в Верховный суд, после того как окружной судья, потрясённый картиной изложенных евреями из Венгрии событий, подтвердил факт соучастия видного сионистского деятеля, на тот момент журналиста газеты правящей партии, Рудольфа (Израэля) Кастнера в организованном массовом убийстве евреев; а посему отклонил уголовный иск о клевете против религиозного венгерского еврея Малкиела Гринвальда, написавшего о сговоре Кастнера с нацистами. На суде Кастнер подтвердил, что группы «беженцев и халуцим¹ в течение всего времени (пока шло истребление. – *И. Й.*) отправлялись к различным транзитным пунктам на венгерско-румынской границе. Происходило ли это в рамках его «джентльменского соглашения» с Эйхманом, он не сказал» [13, с. 374]. На Нюрнбергском процессе Кастнер отмечал: «Мы были отлично осведомлены о том, что делают айнзацгруппы. Мы знали более чем достаточно об Освенциме» [27].

Иск о клевете подал Кастнер по требованию юридического советника правительства, который затем апеллировал в Верховный суд Израиля. Верховный суд не отрицал установленных в суде фактов, но сосредоточился на формальной стороне и счёл, что Гринвальд «не сумел доказать сотрудничество² Кастнера с нацистами», а посему «Кастнера будет судить история, а не суд» [29], а его-то ведь самого заставили в суд обратиться!

В справочном разделе «Лексикон» официального сайта израильского парламента про «Кастнера» отмечается сентенция Верховного суда, что «в определённых обстоятельствах лидер вправе скрыть информацию (о поголовном истреблении. – *И. Й.*) от людей». Утверждается, что Верховный суд решил: «Кастнер не сотрудничал с нацистами» [30].

1. Sheinfeld, M. Srufei hakivshanim maashimim / R. Sheinfeld. – Bnei-Brak : Xug bnei-Tora she'al-jad ce'irei agudat Israel, 5738.

2. Lazar-Litai, X. Xurban umered / X. Lazar-Litai. – Tel-Aviv : Beit Zhabotinski, 1988.

3. Zhabotinski, Z. Hamedinijut hacijonit / Z. Zhabotinski. Ktavim nivxarim. Ba'arixato harshit shel prof. Josef Klozner. – Tel-Aviv : Masada, 5706/1946.

¹ Члены сионистских молодёжных движений.

² «Шигуф-пеула», буквально, «сотрудничество»; «соучастие»; в контексте II мировой войны – «коллаборационизм».

4. Рольникайте, М.Г. Я должна рассказать / М.Г. Рольникайте. – М. : Совет. писатель, 1976.
5. Станкерас, П. Литовские полицейские батальоны / П. Станкерас. – М. : Вече, 2009.
6. Иоффе, Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси / Э.Г. Иоффе. – Минск : АРТИ-ФЕКС, 1996.
7. Liond, R. F Jewish fighter of the forest / R. Liond. – Tel-Aviv : Sifriat Poalim, 1993.
8. Арендт, Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме [Электронный ресурс] / Х. Арендт. – Режим доступа : http://www.fedy-diary.ru/?page_id=6300. – Дата доступа : 13.11.2012.
9. Холокост в Белоруссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/> – Дата доступа : 13.11.2012.
10. Зуборев, Л.И. Расплата / Л.И. Зуборев. – М. : МФЦП, 2008.
11. Internal life in the Vilna ghetto [Electronic resource]. – Mode of access : <http://shemer.mslib.huji.ac.il/dissertations/W/JMS/001476006.pdf>. – Date of access : 13.11.2012.
12. Judenrat wehamishtara hajehudit [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : <http://warsaw.daat.ac.il/g.htm>. – Date of access : 13.11.2012.
13. Beit-Zvi, S. POST-UGANDIAN ZIONISM IN THE CRUCIBLE OF THE HOLAUCAST / S.Beit-Zvi. – Tel-Aviv : Shabtai B. Beit-Zvi, 1977.
14. Hamishtara hajehudit begeto Kovna be'einei 'acma [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : http://www1.yadvashem.org/odot_pdf/Microsoft%20Word%20-%202331.pdf. – Date of access : 13.11.2012.
15. Калубовіч, А. На крыжовай дарозе / А. Калубовіч. – Кліўленд : Коштам аўтара, 1986.
16. Еврейский коллаборационизм [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/> – Дата доступа : 13.11.2012.
17. Баторын, Ф.Б. Чорны год / Ф.Б. Баторын. – Мінск : Чатыры чвэрці, 2011.
18. В Минском гетто и партизанах [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://www.netzulim.org/R/OrgR/Articles/Memo/Rubenchik/RubBook.pdf>. – Дата доступа : 13.11.2012.
19. Minsk [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : http://www1.yadvashem.org/odot_pdf/Microsoft%20Word%20-%201735.pdf. – Дата доступа : 13.11.2012.
20. Ja'aqov Gens [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : <http://he.wikipedia.org/wiki/> – Date of access : 13.11.2012.
21. Liadovski, E. Lo kacon latevax / E. Liadovski. – Tel-Aviv : Elef, 1982/
22. Baranovich [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : http://www1.yadvashem.org/odot_pdf/Microsoft%20Word%20-%20812.pdf. – Date of access : 13.11.2012.
23. Belastok [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : http://www1.yadvashem.org/odot_pdf/Microsoft%20Word%20-%20813.pdf. – Date of access : 13.11.2012.
24. Mordexaj Xajim Rumkovski [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : <http://he.wikipedia.org/wiki/> – Date of access : 13.11.2012.
25. Judenrat [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : <http://www.haemek.yifat.k12.il/5/his/ya/yat2p41b2.htm>. – Date of access : 13.11.2012.

26. Rabanim shenispu bashoa [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : http://horabis.blogspot.com/2007/10/blog-post_122.html. – Date of access : 13.11.2012.

27. Арендт, Х. «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме» [Электронный ресурс] / Х. Арендт. – Режим доступа : http://www.fedy-diary.ru/?page_id=6301. – Дата доступа : 13.11.2012.

27. Alfred Nosig [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : <http://he.wikipedia.org/wiki/> – Date of access : 13.11.2012.

28. Kastner [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : <http://he.wikipedia.org/wiki/> – Date of access : 13.11.2012.

30. Hakneset. Leksikon munaxim [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : <http://main.knesset.gov.il/About/Lexicon/Pages/kastner.aspx>. – Date of access : 13.11.2012.

31. Hasifrija shel MATAX [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : <http://lib.cet.ac.il/pages/item.asp?item=20971>. – Date of access : 13.11.2012.

32. Geto Kovna [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : <http://he.wikipedia.org/wiki/> – Date of access : 13.11.2012.

33. Катастрофа европейского еврейства. – Тель-Авив : Изд-во Открытого ун-та, 1995. – Ч. 3–4.

УДК 94(476.7):341.324

В.С. СПИРИН

Беларусь, Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ОЧЕВИДЦЫ О НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ В БРЕСТСКОМ И ДУБРОВИНСКОМ РАЙОНАХ

«Среди белого дня, 21-го июня 1941 года, – вспоминает Никольская Валентина Сильвестровна, 1926 г.р., жительница Бреста, – начался сильный пожар в деревне Котельня-Боярская (теперь этот населенный пункт в черте города Бреста недалеко от нынешнего пограничного перехода «Варшавский мост»). Туда из Бреста приехали пожарные машины, милиция. Разговоры были о том, что пожар начался в результате обстрела трассирующими пулями с той стороны реки Западный Буг. Подозрения о том, что это действительно была какая-то диверсия, усилились, когда в суматохе пожара был убит участковый милиционер Иван Слединский, муж моей двоюродной сестры, Нины Зданевич.

Еще помню, что вечером 21 июня в клубе д. Аркадия, который размещался недалеко от форта (имеется в виду промежуточный пороховой погреб, который и сегодня виден у перекрестка по дороге от района Волянки к Аркадии) был концерт и танцы. Спустя много времени перебирали с другими очевидцами впечатления того последнего предвоенного вечера. Выяснилось, что тогда в клубе все мы обратили внимание на незнакомых парней, явно не местных, ни по внешности, ни по

поведению. Одеты они были хотя, как и все, но как-то аккуратней. И чем-то они были на кого-то похожи. Только сейчас мы догадались, кого они нам напоминали. Еще до войны некоторое время где-то за Волынкой, на территории в сторону Ковалевки, немцы перезахоранивали своих солдат, погибших еще в мировую войну. Это было недалеко от нас, и мы, дети, из любопытства прибегали посмотреть на происходившее. Но близко нас не пускали. Хорошо запомнилось немецкое «найн» – этот возглас не однажды я слышала в годы оккупации. Выражение лица и особенно взгляд прокричавшего это офицера были такими же, как и у тех подозрительных парней в клубе. Их объединяло нескрываемое чувство превосходства над нами, теми, кому уже, по их планам, была уготована роль рабов.

Конечно, находясь у самой границы, буквально в нескольких сотнях метрах от пограничной полосы, мы знали, что с того берега Буга возможно проникновение шпионов, диверсантов и других врагов. О необходимости бдительности нас предупреждали учителя в местной школе, пограничники. Командиры с ближайшей к деревне 10-й погранзаставы хорошо знали отца, так как поля и луга нашего сельсовета, председателем которого он был, по моему, до конца сорокового года, выходили к границе, к зоне их ответственности. Пограничники нередко бывали у нас дома. Разговаривали с Сильвестром Васильевичем о делах, о рыбалке на Буге, куда его, заядлого рыболова, пропускали в порядке исключения. Заходила речь и о новых хозяевах на польской стороне границы, участвовавших случаях нарушения по их вине пограничного режима. Просили отца сообщать им на заставу обо всех подозрительных личностях, появляющихся в деревне и ее окрестностях.

Утром 22 июня мы собирались в город – фотографироваться для каких-то документов. Проснулись мы, как нам казалось, от раскатов грома. Но наша мама, Зданевич Марфа Феодосьевна, которая всегда сама очень боялась грозы, сказала, что это война. Она заставила нас быстро одеться и повела к видневшемуся в утренних сумерках дому дяди Романа, брата нашего отца. Видимо, материнское чувство подсказало ей, что там будет безопаснее. Расстояние между нашими домами было всего метров тридцать, но оказалось, что эти метры отделяли нас от жизни и смерти. Не успели мы открыть дверь дядиного дома, как сзади нас раздался взрыв, все вокруг заволокло пылью – это превратилась в прах соломенная крыша нашего дома. Немецкий снаряд угодил прямо в него. Никто из нас не пострадал: ни мама, ни мы – дети (я, Надя, Лида, Люба, Маша, Леша). Зацепило осколком только поросенка, который вместе с коровой был в деревянном сарайчике. А в это время к тому месту, где когда-то стояло наше жилище, со всех сторон деревни уже бежали наши родственники. Они даже уже и не надеялись увидеть всех нас живыми.

Когда рассеялась пыль, мы пошли на то место, где ещё недавно стоял наш дом, то в разбросанной домашней рухляди нашли матрас, на котором спал Леша. В нём мы насчитали несколько десятков дыр от осколков. Спустя много лет после войны, собираясь вместе, мы всегда вспоминали этот случай, когда мама фактически второй раз подарила нам жизнь. После случившегося нас приютила вначале сестра мамы, тетя Мария, а потом и другие родственники. Днём приехали на мотоциклах немцы. По имевшемуся у них списку проверили дома, где квартировали командиры, служившие в воинских частях Южного городка, а также в гарнизонах форта № 5 и ближайших дотов. Вскоре они уехали, так никого и не обнаружив.

Наш папа, Зданевич Сильвестр Васильевич, незадолго до начала войны был приглашен в статистическое управление Брестского облисполкома, так как там нуждались в грамотных и политически надежных работниках из местных жителей. В тот день, когда началась война, он находился в командировке в Антополе, который тогда являлся районным центром Брестской области. Оттуда он сумел вернуться домой с большими трудностями только через две недели и нашел нас в доме Ульяна, своего двоюродного брата. Мы очень боялись, что отца арестуют, так как он был первым после воссоединения Беларуси председателем сельсовета в д. Аркадия, участвовал в организации выборов, известен как сторонник объединения с БССР. Был знаком с Василием Ласковичем, активным участником освободительного движения в Западной Беларуси.

На удивление, отца долго не трогали. Думаю, потому, что за всю жизнь никому зла он не сделал, был честным и отзывчивым человеком. Будучи беспартийным, он был коммунистом в христианском понимании этого термина. Ни у кого просто не поднялась рука, чтобы написать на него донос как на активного сторонника советской власти. Арестовали его только в 1943 г., скорее всего, вычислив по захваченным архивным документам. Это было где-то весной или летом, помню только, что за ним двое полицейских пришли утром и его увели в легкой одежде. Некоторое время его держали в здании школы на Волынке, где размещался полицейский участок. Потом его переправили в Брест, в городскую тюрьму. Мама с моей младшей сестрой Любой ходили к тюремному забору, папа видел их, махал из решетки камеры рукой.

Через знакомого отца по работе в облисполкоме, по фамилии Крайсман, который теперь был переводчиком в одной из немецких строительных фирм, обосновавшихся в Бресте, удалось перевести Сильвестра Васильевича в лагерь для временно задержанных гражданских лиц. Он находился в районе нынешней станции Брест-Полесский и состоял из нескольких деревянных барачных корпусов. Режим и система учета задержанных там были менее строгими, поэтому не без помощи подкупа (пришлось

продать корову и кабана) фамилия Зданевич из списков арестантов исчезла. Папа снова был с нами, но теперь до самого конца оккупации был вынужден скрываться на чердаке. Об этом знали только наши ближайшие родственники, для всех других он оставался в заключении. Мы, дети, в разговорах с односельчанами всячески поддерживали это мнение. Кроме всего прочего, мне пришлось поработать в качестве няни в семье Крайсмана, проживавшей на ул. Пушкинской, а также на принадлежавшем им участке земли в районе Сои, заливных лугах, простиравшихся между рекой Мухавец и Варшавским шоссе.

Можно сказать, что нам еще повезло – часто ни деньги, ни знакомые не могли спасти человека. Так, 3 июля 1943 года во дворе тюрьмы был повешен машинист паровозного депо С.П. Шубин, которого обвиняли в связях с подпольщиками, хотя друзья собрали и внесли для пересмотра дела 15 000 рублей [1, с. 205]. Такая же сумма была заплачена М.Д. Пландовской за освобождение мужа Александра, но, несмотря на обещания, он вскоре был расстрелян» [1, с. 193].

Период с осени 1942 г. и до конца 1943 г. был, пожалуй, самым тяжелым и трагичным. Оккупанты лютовали, вымещая злобу за свои военные неудачи на гражданском населении. Так как евреи уже были уничтожены, взялись за так называемых восточников и местных белорусов. Не жалели ни взрослых, ни детей. В декабре 1943 г. в той же самой тюрьме был расстрелян вместе с восьмилетним сыном Валентином А.Г. Серафимович. Там же в конце 1943 г. – начале 1944 г. расстреляли Юрия Мельникова (14 лет), Эдуарда Крашенинникова (13 лет), Виктора Дацкевича (11 лет) [1, с. 88]. Это только некоторые факты. Всего в Бресте и его предместьях немцами и их приспешниками только через систему заложничества было уничтожено свыше 10 000 белорусов, русских и поляков [1, с. 55]. Местами массовых расстрелов жителей Бреста еще до полного уничтожения всех евреев стали форты, входившие в оборонительную систему крепости, прежде всего, в районе тогдашних деревень Плоска, Березовка, Тришин и на территории стрельбища возле крепости. К моменту освобождения в городе численность населения была в 3,5 раза меньше, чем до войны.

Геноцид в отношении белорусского населения и других славян, проживавших на территории Беларуси, проводился с целью устрашения как реакция на возможное сопротивление оккупантам, т.е. носил превентивный характер. Вместе с тем уничтожение осуществлялось с такой же педантичной жестокостью, как и в отношении евреев.

Вспоминает Алексей Сильвестрович Зданевич, 1930 г.р., житель г. Бреста. До ухода на пенсию являлся ведущим специалистом Брестгражданпроекта: «Соседняя с нашей Аркадией д. Волынка до войны была заселена евреями. Их дома, торговые лавки стояли по обе стороны

дороги на Ковель. Все необходимое для скромного деревенского быта мы приобретали именно там. Только изредка бывали в Бресте вместе с родителями, когда там проходили ярмарки. Когда началась война, евреев немцы выселили в гетто, разграбили имущество, дома сожгли. Теперь за покупками приходилось чаще ездить в город. Обычно мы ходили туда пешком, изредка на подводах с родственниками или знакомыми. На другую сторону Мухавца перебирались в районе крепости, через деревянный мост, который был на месте нынешнего, пешеходного. Иногда нас подвозил почти прямо к рынку в районе порта за небольшую плату, дед-лодочник. Зимой, чтобы сократить путь, переходили речку по льду.

Точно не помню, где-то осенью 1942 г. вместе с дедом Феодосием мы, будучи у рынка, оказались свидетелями того, как по ул. Московской в сторону крепости вели евреев. Это, в основном, были взрослые мужчины. Люди говорили, что их гонят на ж/д станцию, располагавшуюся на пути в крепость, чтобы вывезти за город для расстрела. Помню, что меня поразило спокойствие этих людей, хотя они, наверное, знали, что их вскоре ожидает. Они шли с отрешенными от всего происходящего лицами, никаких эмоциональных проявлений с их стороны я не видел. Не было и попыток бежать, хотя, мне казалось, при желании это вполне реально было сделать. Охрана была немногочисленна, полностью проконтролировать растянувшуюся по улице колонну она была не в состоянии. Столпившиеся по сторонам проезжей части жители в целом сочувствовали своим землякам, многих из которых они знали лично или в лицо. Стоило только сделать шаг или два к людям, затеряться среди них.

Всматриваясь в молчаливо проходившие шеренги, я надеялся увидеть Арко, знакомого еврейского парня из нашей деревни, жившего по соседству. Он пропал еще летом 1941 г. Пришел к нам домой, попросил лопату, говорил, будто для проведения каких-то земляных работ по распоряжению немцев, переданному ему старостой. Больше мы его не видели».

Скорее всего, знакомый Алексея Сильвестровича попал в число тех 5,5 тысяч евреев из города и его окраин, уничтоженных гитлеровцами еще до конца 1941 года. В их числе оказался и отец будущего премьер-министра Израиля Зеэв-Давид Бегин, расстрелянный гитлеровцами еще 29 июня 1941 г. в районе крепости. Его жена, мать Менахима Бегина, Чася, разделила судьбу большинства брестских евреев в октябрьские дни 1942 г., когда во время ликвидации гетто погибло 18 000 человек. Всего из 26 тысяч брестских евреев в живых осталось только 12 человек. Шломо Вайнштейн был призван в Красную Армию еще до начала войны, воевал под Сталинградом, несколько раз был ранен, награжден орденами и медалями. Вновь оказавшись в Бресте в 1944 г., узнал, что погибли мать и отец, три сестры и два брата, все другие родственники и знакомые. Потом

он скажет об этом так: «Когда я возвращался домой после войны, я знал, что много евреев было убито. Но то, что были убиты все, не приходило мне в голову! Я узнал местных котов, местных собак, камни на улицах. И ни одного еврея» [2].

Геноцид против еврейского населения сравним с массовым уничтожением советских военнопленных. В одном только лагере на территории Южного городка из 18 тысяч узников погибло 15 тысяч с июля 1941 г. до марта 1942 г. Из-за невыносимых условий голода, холода и вызванных ими болезней там ежедневно умирало до ста человек. В так называемых Красных казармах в районе Речицы к моменту закрытия лагеря в декабре 1941 г. в живых оставалось только 800 человек из 8 000 [2].

В связи с этим А.С. Зданевич вспоминает: «Нам было известно, что в Южном городке немцы открыли лагерь для пленных. Нам, детям, запрещали туда ходить, говорили, что там есть много инфекционных больных и можно заразиться. Женщины там бывали, искали своих родственников, призванных в армию после 1939 г. Вскоре всех местных из лагеря отпустили, люди подумали, что это хороший знак, но они ошиблись. Когда происходили побеги заключенных, то на перекрестках с Аркадии на Волынку и Гершоны выставляли полицейских. Помню, взрослые по этому поводу говорили, что безопаснее бежать не в нашу сторону, а в обратную, в юго-восточном направлении. Туда, почти от самых окраин Южного городка до Радванич и Малориты, простирались большие лесные массивы, где можно было найти убежище, встретить партизан.

Впервые о партизанах слухи пошли еще осенью 1941 г., а в 1943 г. мне довелось не только увидеть их, но, в какой-то мере, оказать им содействие. Помню этот год, потому что тогда начались бомбежки Бреста и окрестностей советской авиацией. Партизаны приходили к нам по вечерам со стороны деревни Страдичи. Говорили, что мы можем не бояться, воевать у нас они не будут. Останавливались в нашем доме потому, что он был на окраине, что позволяло контролировать обстановку вокруг. Поручали мне пройтись по домам надежных соседей, собрать молодежь. Рассказывали о положении на фронте. Особенно хорошо запомнил новость об освобождении Киева и о том, что Красная Армия уже почти у Бреста, где-то в районе Ковеля. Среди собравшихся в тот вечер это вызвало особый интерес, ведь в нашей деревне жило много украинцев, имевших родственников в Волынской области. После всего этого устраивались танцы под гармошку. Меня и других мальчишек из соседних хат на это время посылали следить за обстановкой на улице.

В послевоенное время не один раз посещала мысль о том, каковы могли быть последствия, дойди информация о подобных мероприятиях до немецких властей. В лучшем случае погнали бы на работу в Германию. В

худшем... Хорошо помню, какое впечатление произвело на нас известие о расстреле в соседней деревне Гершоны жителей, помогавших раненым советским военнослужащим еще в самом начале войны. Да и в Германии судьба у всех отправленных туда складывалась по-разному. Если у нашего соседа Григория Демчука жена вернулась после войны домой, то другая знакомая, Семенова Вера, где-то в Германии погибла. Староста, когда ему от немцев поступало указание составить список жителей для принудительных работ, вносил туда в первую очередь фамилии тех, кто не числился, согласно документам, трудоустроенным. Наша старшая сестра Лида, которая уже тогда была совершеннолетней, чтобы избежать этого, устроилась на работу в швейно-вязальную мастерскую».

Мысленно возвращаясь в прошлое, Алексей Сильвестрович продолжает свои воспоминания: «Во время оккупации местные власти обязали родителей отправлять своих детей во вновь открывавшуюся школу. Точнее, школа располагалась в кирпичном здании бывшей еврейской школы на Волынке. Сегодня на ее месте стоит местное отделение связи. В школе было всего две классные комнаты, где занимались учащиеся всех четырех лет обучения. Уроки начинались с обязательной молитвы и велись на украинском языке. Во время сельскохозяйственных работ нас часто снимали с уроков. Вместо школьной парты приходилось трудиться на поле, в районе Сои, принадлежавшем помещику по фамилии Калман. Хорошо помню, как приезжал управляющий на бричке и подгонял работавших кнутом. В один из таких приездов он был особенно злым, кричал на нас, ударил нескольких ребят. Остальные дети испугались и бросились бежать к Волынке. Не знаю, почему, но после этого случая нас на работу не гоняли».

Показывая отношение оккупантов к местному населению, А.С. Зданевич вспоминает следующие факты: «Когда немцы стали отступать, Брест и его окрестности заполнили различные воинские части и команды. У нас, в Аркадии, появились мадьяры, которые вели себя очень бесцеремонно. Их язык был нам совсем непонятен, что усиливало неприязнь. Один из солдат хотел изнасиловать нашу родственницу, Анну Зданевич. Ее мать пыталась защитить дочь и при этом погибла. Командование венгров, чтобы успокоить жителей, примерно наказало насильника. Его повесили вниз головой, привязав за ноги. Только когда он уже стал синеть, его сняли. Где-то в начале лета 1944 г. у нас поселился, видимо, важный немецкий офицер. Ему постоянно прислуживал денщик. К нам он относился с нескрываемым пренебрежением. По его требованию мы были вынуждены уйти из дома и жить в клуне, благо, на дворе было уже тепло. Кроме этого, он запретил нам пользоваться туалетом, который использовал только для своих нужд. Перед этим нас заставили осколками стекла выскоблить пол и стены отхожего места. Над тем местом, где спал

этот офицер, натянули специальную сетку от всяких насекомых. И вот однажды, приехав со службы, он увидел на сетке клопа. С возгласами: «Партизан! Партизан!» он выскочил из дома. Денщику он приказал собрать вещи, а дом поджечь. Не дожидаясь, когда огонь разгуляется вовсю, они уехали на поджидавшей их машине. Мы и прибежавшие на помощь соседи быстро потушили начинавшийся пожар. Спасли дом и все имущество, обгорел только диван, на котором спал немец.

Среди немецких солдат были и такие, кто сочувствовал нам. Запомнились слова одного из них: «Потерпите еще немножко, скоро ваши придут». То, что оккупация заканчивается, чувствовалось во всем. Немцы собирали и упаковывали разную рухлядь, все время спешили. Мимо деревни по дороге в сторону Бреста резко вырос поток проезжавшего транспорта. Подобное было только в начале войны. То, что фронт приближался, было видно по напоминавшим грозные сполохам в темное время, а вскоре стали слышны и громовые раскаты артиллерийской канонады.

Мы с другими жителями деревни покинули ее и ушли в казематы 5-го форта, где провели несколько тревожных дней и ночей. Немцы, до этого использовавшие старый форт как склад, вывезли оттуда все имущество, и он стоял пустой и без обычной здесь охраны. Нам, детям, мама приготовила каждому по холщовому мешочку с провизией: хлеб, кусочек сала, несколько луковиц и вареных картофелин, соль в маленьких бумажных кулечках. Пригодился опыт беженства в первую войну с немцами, когда заставляли уходить на восток вместе с отступавшей русской армией.

В одну из ночей в форт ворвалась группа немецких автоматчиков. Яркие, слепящие лучи их фонариков пробежали по лицам. Не обнаружив мужчин, кроме беспомощных стариков, испуганных женщин и детей, они вскоре ушли. Все, кто находился тогда в каземате, облегченно вздохнули. Ведь все могло случиться тогда в сырой темноте бетонного бастиона, учитывая общее нервное напряжение, озлобленность отступающего врага. Во всяком случае этот эпизод все мы запомнили как последнее ощущение страха в период оккупации. Утром у стен 5-го форта появились наши солдаты, занимавшиеся обследованием мест возможного нахождения не успевших отойти за Буг немцев. Узнав от нас, что в районе соседних деревень Гершоны и Митьки есть несколько дотов, они направились туда.

С чувством радости и облегчения шли мы от форта к деревне. На полпути нас встретил вышедший навстречу отец, который все это время оставался дома. Ему уже не надо было скрываться – оккупация закончилась. Своеобразным событием, как бы связавшим мирное довоенное время с первыми днями после освобождения, стал визит знакомого Алексея Сильвестровича, который к началу войны служил старшиной, сверхсрочником, в Южном городке. Через несколько дней

после освобождения он неожиданно появился на пороге нашего дома. Оказывается, его воинская часть ждала отправки дальше, в Польшу, и он, выбрав время, решил навестить нас. Очень обрадовался, что мы все живы, и очень удивился, когда отец достал и вернул ему одеяло, которое тот оставил у нас на хранение еще до войны. Жизнь как бы вернулась назад, чтобы продолжить отсчет прерванного войной мирного времени».

Есть что-то общее в судьбе брестских и лядских евреев. И те, и другие жили на самых окраинах Беларуси. Одни на западе, на границе с Польшей, другие на востоке, на западном рубеже России. И там, и здесь естественной границей были реки Западный Буг и Мерея, приток Днепра. Интересно, что после Андрусовского договора 1667 г. Мерея стала государственной границей между Речью Посполитой и Россией. До 1772 г. Ляды были важнейшим таможенным пунктом на западных рубежах империи. Этим в значительной мере можно объяснить процветание местечка как в экономическом плане, так и в количестве известных людей, живших здесь. До 1917 г. место гуляния молодежи называли Вах. Название осталось с того времени, когда на этом месте находилась пограничная стража (вахта). Жители Ляд еще долго в разговорах называли восточный берег реки российским, а западный – польским.

Брест был старинным центром иудаизма общеевропейского значения, а местечко Ляды было известно как родина хасидизма – одного из течений иудаизма. Основателем его являлся житель Ляд – рабби Шнеер-Залман Шнеерсон (1747–1812 гг.). Основные идеи своего учения он изложил в книге «Тания». Во время Отечественной войны 1812 года он выпускал воззвания к евреям, в которых призывал их оказывать сопротивление захватчикам и помогать российской армии. В одном из них говорилось: «Если Бонапарт победит, то сердца евреев отпадут и отделятся от небесного Отца». Интересно, что православная церковь в центре Ляд была построена в 1912 году, к 100-летию изгнания Наполеона, за счет средств, собранных еврейской общиной. Родом из Ляд были такие творческие личности, как писатель Залман-Ицхак Аронсон (Онейхи), Александр Рабинович (1854–1945), создатель 3-томной «Истории еврейского народа», автор повестей «Улица сапожников и Лихово», «Дойв-Бер-Левин» и другие [3].

По воспоминаниям очевидца В.М. Лесникова (Длы Аркадия Борисовича), немцы вошли в Ляды 14 июля 1941 г. без боя. Через два дня, отступая, со стороны районного центра Дубровна к Лядам подошли части Красной Армии. Завязалась артиллерийская перестрелка, что вызвало пожар в селении. Еще до прихода немцев большинство его жителей ушло в сторону Смоленска, поэтому бороться с огнем было некому. Пламя бушевало более двух суток, уничтожив почти все здания местечка. Ляднянских евреев немцы догнали у Смоленска и вернули назад. Первую

акцию против них провели в конце сентября каратели, прибывшие из г. Красного, районного центра Смоленской области.

Всех евреев согнали на северо-западную окраину Ляд, где провели показательную казнь группы еврейской молодежи. Их обвинили в нанесении вреда немецкой армии. После на старом еврейском кладбище на глазах у всех выпороли всех юношей и девушек, которых после этого бросили в амбар. Всем объявили, что если к утру община не соберет определенного количества золота и серебра, то узников казнят. Для убедительности выбрали из толпы интеллигентных по внешнему виду 29 мужчин и тут же их расстреляли. Потрясенные произошедшим люди отдавали все, что у них сохранилось, даже вырывали изо рта золотые коронки. Но это было только начало трагедии.

В феврале 1942 г. в здании десятилетней школы и окружающем ее парке было создано Малое гетто, а в марте того же года – Большое гетто, куда согнали евреев из ближайших деревень. Уже в следующем месяце оба гетто были уничтожены. Это произошло 2 апреля на правом берегу реки Меря, притоке Днепра, где каратели, используя противотанковый ров, расстреляли около двух тысяч человек. Эсэсовцами командовал Генрих Буль. Участниками этого преступления были также бургомистр волости Остапенко и начальник полиции Куликовский, руководившие местными и украинскими полицейскими и так называемыми народниками из рабочего поселка Осинторф, позже вступившими в РОА. Участие в убийствах принимал и местный житель Иван Пузырев.

Уже на другой день после освобождения Ляд представители Красной Армии при участии гражданских властей вскрыли захоронение жертв массовой расправы. 31 октября газета «Красноармейская правда» в статье военного корреспондента Б.Ю. Усалиева рассказала об этом преступлении оккупантов. Сотни советских солдат и офицеров, проходивших в сторону фронта мимо места казни жителей Ляд, могли своими глазами увидеть его жуткие следы.

Последующие бои за освобождение Дубровинского района Витебской области приняли ожесточенный характер. Созданная вермахтом оборонительная линия «Пантера», состоявшая из пяти оборонительных рубежей, стала тяжелейшим испытанием для советской армии. Даже испытанные в предыдущих боях ветераны Сталинградского сражения и битвы на Курской дуге говорили, что таких боев, как здесь, с 14 по 20 ноября 1943 г. они не припомнят. Свидетельством этого является также то, что на этот участок фронта командование бросило 27 штрафных рот, по 200 бойцов в каждой. Потери в личном составе были страшными. 7 ноября в наступление пошло 1 600 человек, а вернулось из боя 45 активных штыков [4].

Фронт остановился в пяти километрах от деревни Золотовичи. Там в это время проживала Купреева Валентина Епифановна, по отцу Евстафьева, 1926 г. рождения, ныне жительница города Бреста. Работала главным бухгалтером в стройтресте № 8. С такой же должности ушла на пенсию из МК-142 треста Запбамстроймеханизация. Награждена медалью «За строительство БАМа». Вот, что сохранила ее память о том тяжелом времени ее молодости, проведенном в период немецкой оккупации: «С приближением в начале войны германских войск к нашему району началась эвакуация. Брат Василий с другими колхозниками погнали скот в Тулу. Я с родителями, братом Мишей, сестрой Раей, дедом Артемом и бабушкой Марией Семеновыми оказались в деревне Заречье Кардымовского района Смоленской области. Жили на подселении, в крестьянской семье. Питание приходилось добывать самим. Спасали ручные мельницы, которые захватили с собой. Пекли хлеб, возили его на станцию Духовская, где продавали или обменивали на другие продукты. Когда немцы пришли и туда, наша семья вернулась назад, в Золотовичи. Там уже была новая власть и другие порядки, хотя колхоз работал, как и раньше, в основном выращивал лен и немного ржи. По-прежнему существовал сельсовет и правление, его секретарь. Во всяком случае мы употребляли эти привычные названия. Вместе с тем требования ужесточились, а оплата труда стала чисто символической. Причем постоянно угрожали отправкой в рабочие батальоны рыть окопы на фронте или вообще заточением в концлагерь. Как и раньше, помогали ручные мельницы. Прятали зерно, которое потом мололи, в нескольких ямках во дворе дома и выпекали хлеб. Обычно семь буханок, по одной на каждый день недели, но иногда выпечка значительно увеличивалась. Это случалось, когда из-под деревень Козли и Летивля, где были большие леса, приходили партизаны. Кроме продовольствия, они, особенно в первую зиму оккупации, нуждались в теплых вещах. Больше всего их интересовали валенки. Помню, что к этому времени уже вернулся брат Вася без ноги. Рассказывал, что, когда они перегоняли скот, получил ранение при авианалете. Он сам предложил партизанам свои валенки. Сказал, что они теперь нужнее тем, кто на двух ногах воюет с захватчиками. Отец еще ругал его, говорил, что эти валенки были самыми новыми, в лес можно было отдать и похуже.

Об отношении немцев к евреям мы знали и от партизан, среди которых были и евреи, скрывавшиеся от издевательств оккупантов, и из разговоров с односельчанами. Но когда поползли слухи о том, что в Лядах немцы убили всех евреев, нас это очень напугало. Взрослые говорили, что так могут поступить теперь и с нами, ведь фашистам, кроме нас, выместать злобу будет не на ком. Соседние с нашей деревней Ляды я знала хорошо. Не один раз вместе с отцом ездила туда еще совсем маленькой на ярмарки.

После окончания начальной школы в деревне Кисели, что в одном километре от Золотовичей, стала учиться в Ляднянской десятилетке. В теплое время мы с братом Васей ходили туда пешком за пять километров от дома. Зимой жили в Лядах на квартире в еврейской семье. Там нам отвели угол за занавеской. Хозяина звали Кохман Израэль, работал он сапожником. Это были бедные и очень скромные люди. Когда приезжал папа, чтобы подкормить нас с Васей домашней едой, то всегда угощал и единственную дочь хозяев, Сару, худенькую чернявую девочку лет двенадцати. Говорили, будто ей удалось бежать из гетто и спрятаться где-то на хуторе. Насколько я помню, в окрестностях нашей деревни их было три. Один из них располагался примерно в полукилометре от нас. Принадлежал он Иосифу Горбачу, а его дочь Маша была моей подружкой. Если Сара пряталась у них, я бы узнала об этом рано или поздно. Хочется верить, что она оказалась среди тех нескольких еврейских детей, сумевших ускользнуть из лап палачей гетто в Лядах.

Хорошо запомнилась учительница музыки и пения, которую звали Роза Соломоновна, фамилию забыла. На вид была она лет тридцати, очень красивая, носила короткую стрижку. Очень хорошо играла на пианино и пела. Благодаря ей любовь к этому музыкальному инструменту у меня сохранилась на всю жизнь. Хотя самой так и не удалось научиться игре на нем, но две мои внучки, Наташа и Таня, по моему настоянию окончили музыкальную школу по классу фортепиано. Из школьных учителей вспоминаются еще преподаватель физкультуры, высокий парень, звали Иваном. Запомнила потому, что он дружил с Розой. Директором, скорее всего, был Иван Степанович, преподававший русский язык, так как у него мы брали всякие справки.

Когда со стороны Днепра стал доноситься орудийный грохот, а в сумерках, как в грозу, полыхал восточный край небосвода, немцы стали выгонять нас из хат. Все происходило в какой-то нервной спешке, под непрерывные окрики. Мы еле успели собрать самое необходимое и погрузить на подводу. Нам и другим жителям Золотович приказали следовать по дороге в сторону Дубровно и Орши. Как перед глазами стоит картина, которую мы наблюдали с вершины холма, на который поднялась колонна деревенских телег. Было хорошо видно, как между постройками сновали солдаты с какими-то ящиками за спинами. В руках они держали что-то наподобие трубок, соединенных гибкими шлангами с этими ящиками. Периодически из трубок вырывались длинные языки пламени, которое поджигатели направляли на стены домов, а иногда прямо в распахнутые окна и двери. Не поленились даже побросать лопаты, грабли, лошадиный хомут и другой инвентарь, который мы выбросили из сарая,

надеясь спасти. На глазах наворачивались слезы, твердый комок душил горло. Думаю, подобное испытывали все односельчане, видевшие все это.

Немцы не контролировали наше передвижение. Днем мы, не торопя лошадей, следовали вперед, в немецкий тыл. Ночью поворачивали назад, туда, где все отчетливей слышались звуки приближающегося фронта и где было опасно. Но зато там были родные Золотовичи, там ждало освобождение от ужасов оккупации. Однажды утром, когда деревенский обоз после небольшого привала и обсуждения дальнейших действий собирался в путь, его нагнали немцы на двух повозках. Ничего не объясняя, они отобрали больше десяти молодых ребят, в том числе и меня, посадили в свои повозки и куда-то повезли. К вечеру мы подъехали к неким длинным земляным валам, за которыми был забор из колючей проволоки. Были еще дощатые постройки, откуда через щели был виден свет.

Кроме нас за забором находилась еще группа юношей и девушек такого же возраста, как и мы. Они тоже не знали, зачем их сюда пригнали. Предполагали, что будут отправлять в Германию, но признаков того, что рядом железная дорога, не было. От такой неопределенности становилось тревожно на душе. Прибывшие раньше нас говорили, что немцы сейчас ужинают в тех бараках, где я видела свет. Я стала подговаривать знакомую односельчанку бежать, пока не поздно. Сопровождавшие нас немцы никаких списков не составляли, и я надеялась, что наше исчезновение останется незамеченным.

Единственной преградой на волю были ряды колючей проволоки, которую уже с трудом можно было различить в наступающих сумерках. Дрожа от волнения, через щели между рядами колючки, кое-как раздвигая ее голыми руками, мы смогли вылезть наружу. При этом я довольно глубоко порвала щеку, но в тот момент не чувствовала боли и не ощущала заливавшей шею и правое плечо крови. Хотелось только одного – скорей уйти от места нашего заключения. Добравшись до какого-то поля, мы зарылись в стоге сена и забылись тяжелым от пережитого сном. На следующий день мы добрались до своих, которые по-прежнему стояли обозом недалеко от деревни.

Позже, когда закончились бои и немецким войскам удалось удержать фронт буквально в нескольких километрах от Золотович, нам разрешили вернуться домой. Склон к речке Мерея был усеян телами погибших в тех боях. Вода в ней стала красной от крови, и мы некоторое время не могли ей пользоваться. До самого окончания войны мы жили в землянке, вырытой на месте, где когда-то был дом, точнее, в его подвале, который сохранился и на несколько лет стал местом нашего проживания. Пищу готовили наверху в нашей старой печи, которая одиноко торчала на пепелище. Запомнила, как весной отгребали снег от входа в наше

подземное жилище, чтобы его не затопило талой водой. Немцы на территории деревни появлялись периодически. В один из таких визитов забрали с собой мать и брата моей одноклассницы, Люды Шайковой. Говорили, что их отправили в Германию. Летом нас освободили. Таких боев, как в прошлом году, уже не было, во всяком случае в памяти это не отложилось. В деревне некоторое время стояла какая-то воинская часть, наверное, была она летной, так как у сержанта, который несколько раз заходил к нам, были голубые погоны. Новый дом смогли построить только после возвращения с войны отца. Он был мобилизован в армию вместе с другими мужчинами нашей деревни сразу после освобождения. Отчетливо помню день, когда к нам дошло известие о победе над Германией. Об этом я узнала в Дубровно, куда возила бухгалтерский отчет о работе нашего колхоза, где я работала счетоводом. Тогда все были очень рады, и бумаги у меня приняли без обычной канители. Но трагическое эхо войны догнало нашу семью уже в мирное время. Обезлюдившие Ляды заселили жителями ближайших деревень. В их числе были семьи двоюродных сестер нашей мамы, Ганны и Марии. Трое детей тети Марии, играя в поле за Лядами, нашли мину, стали из детского любопытства с ней возиться – и подорвались на ней, никто не выжил».

К рассказанному В.Е. Купреевой добавим, что из всех евреев бывшего местечка Ляды в живых после уничтожения гетто в 1942 г. осталось всего несколько человек. Их имена называет один из спасшихся, Вячеслав (Цаля) Тамаркин: «Фрида Залмановна Великовская (по мужу Коган) репатрировалась в Израиль. Дора Борисовна Малкина (по мужу Котляр) умерла в 1996 г. в Москве. Илья Самойлович Фрадкин умер в 1980 г. в г. Фрязино (Московская область). Сестры Нина и Женя Зильберборд бежали из гетто, партизанили, жили в Дубровно, умерли в 1990-х гг. Ара-Длы проживает в Санкт-Петербурге» [3].

Последним евреем в Лядах стал Лев Соломонович Эренбург (умер в середине 1990-х). Он, фронтовик, ленинградец, приехал туда после войны, работал завучем школы. По его инициативе в начале 1960-х годов там был создан краеведческий музей, где был раздел, посвященный истории и судьбе местной еврейской общины. Во многом благодаря именно ему за счет средств родственников погибших в 1966 году был открыт памятник жертвам холокоста в Лядах. Стоит он недалеко от памятного знака о событиях 1812 года, у моста через реку Мерея, на правом смоленском берегу.

1. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Брэста : у 2 кн. – Кн. 2. – Мінск : БЕЛТА, 2001. – 687 с.

2. Тырмос, В. Сталин. Тайный сценарий начала войны [Электронный ресурс] / В. Тырмос, Я. Верховский. – Режим доступа : <http://rkka1941.blogspot.com/> – Дата доступа : 08.04.2013.

3. Тамаркин, В. Глас убиенных молчать не дает [Электронный ресурс] / В. Тамаркин. – Режим доступа : mishpoha.org/library/0304.shtml / – Дата доступа : 08.04.2013.

4. Беспанский, С.И. Начало освобождения Беларуси: осень 1943 – весна 1944 [Электронный ресурс] / С.И. Беспанский – Режим доступа : memorial.iatp.by/rus/war_history-01.htm/ – Дата доступа : 08.04.2013.

УДК 94(477)“1941/1944”

С.В. ТКАЧЕВ, О.А. КЛИМЕНКО

Украина, Тернополь

УКРАИНЦЫ В ПОЛИЦИИ. НЕМЕЦКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ НА КРЕМЕНЕЧЧИНЕ 1941–1944 гг.

История одного из явлений-феноменов Второй мировой войны – украинского военного и гражданского коллаборационизма, связанных с ним преступлений против собственного народа относится к непопулярным темам. Почти весь спектр его проявлений имел место и на Кременеччине – одном из южных районов Волыни. Украинский коллаборационизм до сего времени системно не исследовался. А такое исследование полезно для изучения проблематики украинского национально-освободительного движения межнациональных отношений на Волыни в период войны.

Примат идеологической целесообразности в советской историографии Второй мировой войны, искусственная закрытость отдельных тем для научного дискурса привели к односторонности и узкой сегментации исследований. Историки сосредоточили основное внимание на темах о сущности нацизма, разрушениях, зверствах и злодеяниях оккупантов на украинской земле, советском движении сопротивления захватчикам. Именно эти сюжеты разоблачительно-публицистического или конъюнктурно-пропагандистского характера в виде иллюстраций и фрагментов, иногда красиво художественно оформленных, довольно широко представлены советской исторической наукой [1]. Что касается непосредственно Кременеччины, то в концентрированном виде эта тема представлена в «Історії міст і сіл УРСР. Тернопільська область» [2].

Во времена СССР информацией о реальной картине коллаборационизма в Украине владели разве что советские органы государственной безопасности, о чем может свидетельствовать ведомственная закрытая публикация в 1946 г. Управлением Государственного архива НКВД УССР «Списка-справочника» на 12 322 служащих немецких репрессивно-карательных органов, который использовался для организации оперативно-розыскной деятельности [3].

К сожалению, многоаспектная тематика положения, в котором оказалось население Юго-Западной Волыни во время оккупации, добровольность или вынужденность коллаборации определенной части населения Кременеччины, её детерминированность с условиями жизни в то время, предыдущим бытием при советской власти остается крайне неудовлетворительно разработанной и поныне. Большинство современных авторов, изучающих период немецкой оккупации и деятельность ОУН-УПА, избегают фактов, когда речь идет о контактах националистов с нацистами. Такие факты конъюнктурно не укладываются в схему «героического» описания их истории [4]. Общество, определенные политические силы, настороженно относятся к этой весьма щепетильной и болезненной теме. Многих пугает сама возможность озвучивания фамилий коллаборантов, как и фактов участия «вполне невинных» украинцев в «окончательном разрешении еврейского вопроса», что является реальной помехой на пути к полноценному научному поиску в данном направлении исторической науки и сосуществования Украины с современным миром.

Отдельные аспекты военного коллаборационизма в масштабах всей Украины, в том числе с «кременецкими фрагментами», в русле формирования украинских шуцбатальонов, УЛС и дивизии СС – «Галичина», их участия в отдельных операциях, на богатом фактологическом материале рассмотрены в работах Т. Гунчака [5], И. Дерейко [6], С. Дробязко [7], И. Патриляка [8], А. Боляновского [9], А. Литвина [10] и К. Бондаренко [11].

Академическому рассмотрению коллаборационизма в контексте исторических обстоятельств и его осмыслению как сложного общественно-политического явления с особенными причинами возникновения, истоками, специфическими проявлениями в разных регионах Украины, с политической, экономической, военной, религиозной, морально-психологической, бытовой и другими составляющими посвящены работы М. Семиряги [12] и В. Шайкан [13].

Биографические штрихи некоторых волынских военных и гражданских коллаборантов с уклоном в сторону их просветительной деятельности в сфере украинского возрождения можно найти в краеведческих очерках Г. Чернихивского. В разделе «За Україну, за її волю» книги «Портреты пером» автор односторонне подает биографии братьев Недзведских. Персональное участие Николая Недзведского в деятельности немецко-украинской полиции Кременца, каковая никак не может характеризовать Чернихивского как «борца за волю», он почему-то опускает [14]. Эта выхолощенная биография перекочевала и в «Тернопільський енциклопедичний словник» [15].

Для установления биографий отдельных деятелей украинской гражданской администрации, руководящего состава украинской полиции и шуцбатальонов на Кременеччине (М. Омелюсик, П. Дяченко, И. Шурига,

М. Стецишин и др.) в исследуемый период ценною является книга Я. Тинченко [16].

Из-за отсутствия достаточного количества исторических исследований основное внимание нами уделялось работе с архивными источниками, оккупационной прессой и мемуаристикой. В процессе работы с источниками интересные и перспективные данные о социально-политической базе коллаборационизма выявлены в материалах Ведомственного государственного архива СБУ, в частности фонда № 6, где хранятся материалы уголовных дел на арестованных органами госбезопасности СССР полицейских, шуцманов и других коллаборантов. Обработаны также фонды Р-195, Р-196, Р-202, Р-203, Р-215, Р-276 Госархива Тернопольской области и фонд Р-2 Госархива Волынской области [17], где собраны в основном директивы и отчеты представителей оккупационной администрации разных уровней власти, а также ценная информация из жизни значительной части населения Кременеччины.

Определенный потенциал для исследования имеет оккупационный печатный орган «Кременецкий вісник», существенно дополняющий материалы архивных фондов. Этот источник отличает периодичность, оперативность и непосредственная взаимосвязь с текущими событиями. В нем печатались официальные документы оккупационной администрации, разные объявления, передовые директивные статьи по отдельным социально-экономическим и политическим проблемам. Это дает возможность исследователю отобрать наиболее значимые факты из истории Кременеччины в 1941–1944 гг. Конечно, встречаются здесь различные «аналитические» социально-политические и геополитические обозрения, к которым необходимо относиться критически, поскольку они являются порождением геббельсовской пропаганды.

Особо следует упомянуть воспоминания непосредственных участников тех событий, а именно мемуары К. Гирняка [18], В. Городиского [19], О. Лысяка [20], М. Скорупского [21], В. Станиславива-Макуха [22], М. Данилюка [23], написанные по «горячим следам» и позволяющие лучше понять историческую атмосферу того времени. Однако из-за отсутствия архивных подтверждений порожденную «холодной войной» определенную тенденциозность этих работ, употребление авторами устоявшихся клише и обвинений традиционных оппонентов-бандеровцев эти мемуары не дают нам возможности в полном объеме объективно и полно исследовать историю «кремenceцких» вооруженных формирований в составе вермахта. Кроме того, авторы, упоминая своих побратимов, всегда помнили о деятельности в СССР репрессивных органов, которые из-за небрежно оброненного слова могли выйти на живых участников борьбы и членов их семей. Учитывая это обстоятельство, в большинстве имена боевиков

мельниковского подполья на Кременеччине, солдат Волынского легиона фигурируют в виде псевдонимов и инициалов, типа «Жарина», «Мазниця», «Володимир Троян», «Андрій Ле», «Ілько Те», «І. С.» и т.д.

Исключения составляют написанные в период независимой Украины произведения эпистолярного жанра с украиноцентричным подходом Ф. Цымбалука [24], П. Шлихты [25], А. Семенюка [26] и М. Каркоця [27]. Несмотря на их большую откровенность, взвешенность, написаны они в «опасной отдаленности» от исторических событий, когда из памяти стираются важные детали, когда в силу возрастных изменений происходит искажение фактов. Кроме того, названные авторы, как и многие другие представители украинской диаспоры, сосредоточились на поисках ответа, прежде всего, на правовой вопрос – оправдано ли их сотрудничество с нацизмом борьбой за независимость Украины, справедливо ли их оценят потомки?

Особое место среди произведений эпистолярного жанра занимает дневник периода оккупации с современными дополнениями и комментариями Р. Кравченко-Бережного [28]. Здесь события освещены сквозь призму субъективного восприятия автором реалий оккупационной жизни. В противовес диаспорной мемуаристике автор трагизм эпохи, в частности жизнь оккупированного Кременца, подает с диаметрально противоположных позиций – как бы постороннего наблюдателя, который не сотрудничал с оккупантами и не был участником какого-либо оппозиционного к оккупантам движения. Из-за своего «бело-офицерского» происхождения он сочувствовал «великому русскому народу», тогда и поныне продолжает негативно относиться к «жовтоблакитникам». С другой стороны, судьбу «белого» Р. Кравченко-Бережного с «националистическими» мемуаристами объединяет общая бескомпромиссная позиция к ним советской власти как к «врагам народа». Следует заметить, что дневник Р. Кравченко был использован советской стороной на Нюрнбергском процессе при обвинении нацистов в преступлениях против евреев.

Отдельные факты преступлений оккупационного режима описаны в тенденциозно-обличительных воспоминаниях бывшего начальника Лановецкого РО УМГБ подполковника В.В. Рындюка [29].

В нашем исследовании особое внимание уделено структуре карательно-полицейского аппарата, который в системе оккупационного гражданского управления должен был внедрять в жизнь определенные в Берлине приоритеты немецкой политики. Оккупационный режим на Кременеччине максимально персонифицирован. Это дает нам возможность убедиться, что коллаборационизм не был просто маргинальным явлением, недостойным поведением отдельных личностей, а распространялся на довольно большие социальные группы населения.

Как видно из составленных авторами далеко не полных списков, численность военных и гражданских коллаборантов на Кременеччине

оказалась довольно значительной. По нашим подсчетам, речь может идти о примерно 5 тысячах человек. Архивные материалы СБУ позволяют констатировать, что на Кременеччине в 1944–1956 гг. по обвинению в измене и коллаборации с оккупантами советскими органами безопасности было арестовано около 370 человек, а почти 180 находились в розыске. Поэтому важно рассмотреть социологический и идеологический аспекты данной проблемы, т.е. выяснить причины и условия, толкнувшие людей к сотрудничеству с оккупантами, ведь раньше в советской историографии доминировали упрощенные оценки данного явления. Советские авторы нередко «зачисляли» в партизаны и подпольщики почти что все гражданское население и считали, что в органы оккупационной гражданской администрации и особенно полиции по доброй воле шли исключительно «отбросы». Подобные оценки существуют и сегодня, с той лишь разницей, что почти все кременчане, даже служившие в немецкой оккупационной администрации и вооруженных формированиях, поддерживали ОУН-УПА.

Однако реальная картина оказалась несколько иной. Если под коллаборационизмом понимать стремление выжить на оккупированной территории, то в той или иной мере он характерен для всех социальных групп. Что касается службы непосредственно в органах местной администрации, включая полицию, вахманшафт, то, как свидетельствуют документы, в первые месяцы оккупации Кременеччины добровольцев оказалось больше необходимого.

Идеологическая основа коллаборационизма – многоаспектная, порожденная многими факторами. Проблему причин весьма массовой коллаборации части населения региона нельзя исследовать, не учитывая условий жизни, деятельности, политических настроений местной интеллигенции, рабочих и крестьянства накануне войны. Если детально проанализировать ситуацию стремительной советизации и политических репрессий 1939–1941 гг., то становится понятным, почему украинское общество раскололось в военное время. На Кременеччине репрессивными органами СССР проводился жесткий и бескомпромиссный курс на уничтожение интеллигенции как носителя национального самосознания. Самым распространенным методом стало обвинение в антисоветской деятельности, участии в разного рода контрреволюционных и бандитско-повстанческих организациях, коих на Кременеччине за 1940–1941 гг. было выявлено около 17. Только в 1940 г. в Шумском районе чекисты арестовали более 30 офицеров и подофицеров армии УНР. Большинство из них расстреляли в Кременецкой тюрьме в 1941 г. Наиболее резонансными делами стали аресты руководителей Кременецкого поветового провода ОУН Ю. Козубского, В. Минчука [30], известных общественных деятелей,

сторонников правительства УНР в эмиграции С. Хвесюка, М. Красицкого, О. Дубицкого, Ю. Кульчицкого и других [31].

Таким образом, в предвоенное время морально-политическое состояние советского общества было деформировано, что проявилось в насильственном насаждении коммунистического единогласия, создании атмосферы тотального подозрения и страха. В психике конкретного человека формировалось ощущение собственной второстепенности, когда он уже не желал думать о чем-то возвышенном.

Что касается мотивов, по которым местные жители шли служить в органы оккупационной администрации, в полицию или другие карательные органы, то они преимущественно связаны с упомянутыми нами высокими темпами советизации на западноукраинских землях в предвоенное время, сопровождавшихся массовыми политическими репрессиями. Большая группа кременчан ненавидела советскую власть и служила оккупантам в отместку за пережитые «кривды» сталинского режима (раскулачивание, депортации, тюремное заключение и т.п.).

Знаковой в этом вопросе стала позиция двух направлений ОУН – самой влиятельной политической силы на западноукраинских землях. При этом «самостийное» движение совершило стратегический просчет и фатальную ошибку, поскольку лидеры ОУН не учли, что гитлеровская Германия была не только врагом СССР, но и врагом человечества. Среди сторонников ОУН определенный период существовали иллюзорные надежды на «освободительную миссию» гитлеровцев и провозглашение независимости Украины при помощи Рейха. Таким образом, основную часть украинского национально-освободительного движения в лице ОУН(б), хотя бы до Акта 30 июня, следует характеризовать как военное и политическое сотрудничество с нацистской Германией, хотя отдельные «вспышки» коллаборации продолжались фактически до весны 1943 г. Что касается мельниковцев (ОУН(м)), то их пассивная, колеблющаяся и неуверенная позиция в отношении к оккупационному режиму, частичная конфронтация, а в дальнейшем вновь военно-политическое сотрудничество с гитлеровцами, продолжавшееся до конца Второй мировой войны, вселяли недоверие к ним широких народных масс.

Определенная часть коллаборантов испытывала панический страх перед репрессивными органами СССР и неминуемыми лагерями и штрафными батальонами из-за пребывания в плену. Для них предательство Родины и коллаборационизм были откровенно осознанным актом.

Часть украинского общества Кременеччины нейтрально относилась к любому режиму, привыкнув к политическим и государственным пертурбациям начала XX века, и одинаково служила всем, приспособившись и преследуя свои меркантильные интересы. Для них

служба в оккупационной администрации и военных формированиях стала способом самоутверждения, дала возможность повысить свой социальный статус. Не последнюю роль здесь сыграло и стремление к обогащению и сведению личных счетов, нередко на фоне национальных предрассудков, побуждавших людей к службе в полиции, включая и соучастие в уничтожении евреев, и разграбление их имущества.

Можно согласиться с мнением украинского историка М. Коваля, что в появлении коллаборационизма в Украине прежде всего виноваты кровавые эксперименты над западноукраинским населением советской исполнительной власти, которая «кривдой и своеволием, беззаконием, оттолкнула от себя тысячи людей» [32].

Таким образом, советская власть за короткое время своего существования сумела «воспитать» тысячи людей, которые за пачку рейхсмарок и сытую жизнь готовы были пойти на все, даже продать родную мать.

Немецкий исследователь Маркус Айкель вполне справедливо выделил еще один мотив – социально-бытовой. Служащие вспомогательной украинской полиции и шуцманшафта не попадали под депортацию в Рейх, поэтому вместе с другими материальными льготами это могло быть для молодых украинцев «весомой причиной», дабы вступать в их ряды [33]. Определенную роль сыграла растерянность и идеологическая дезориентация населения, особенно в первый год войны.

В ходе анализа архивных уголовных дел на бывших коллаборантов обнаружено, что среди немецких пособников были довоенные активисты советского режима, члены ВКП(б) и работники НКВД. Причиной их вступления на службу к гитлеровцам нередко было желание избежать репрессий со стороны оккупантов.

Феномен коллаборационизма частично можно объяснить и особенностями оккупационной политики гитлеровцев в регионе. Рейхскомиссар Украины Э. Кох, ранее считавший украинцев неполноценными, в годы тотальной войны был вынужден признать необходимость сотрудничества с украинским населением. Осенью 1942 г. он даже провел в Ровно совещание по вопросам отношения с украинцами, где вынужден был признать, что для Рейха важным является сохранение сотрудничества с ними, ибо без него невозможно исполнять обязательные поставки продуктов для Германии. Он объяснил руководителям гражданской администрации и хозяйств, что «сдержанное поведение... с людьми имеет решающее значение» [34].

Ещё одним фактором, влияющим на коллаборантские настроения среди населения округа, стало украинско-польское противостояние, которое использовалось гитлеровцами в своих целях. Преимущество

давалось оккупантами той нации, на которую в определенный момент делалась ставка. Украинская полиция «Січ» в первую очередь стала одним из проявлений украинских устремлений к независимости. Её руководители постоянно стремились уклониться от настойчиво предлагаемых оккупантами функций охраны порядка и превращения в народную милицию как основу украинских военных сил. Немецкая администрация воспринимала это и подобные формирования лишь как временные «команды народной милиции», поскольку считала, что полезным инструментом она может стать лишь в виде вспомогательной полиции, подчиненной немецким командирам. В конце августа 1941 г. курс нацистской политики в отношении Украины как всего лишь оккупированной территории стал доминировать, что проявилось также в ликвидации украинской полиции.

Новое построение карательного-полицейского аппарата в рамках гражданского управления должно было внедрять в жизнь определенные в Берлине приоритеты немецкой политики. Поэтому части украинской вспомогательной полиции, охранные батальоны стали привлекаться к исполнению оккупационных функций: арестов, облав, расстрелов и других карательных акций против гражданского населения как на собственной территории, так и за её границами. Хотя в большинстве случаев они играли второстепенную роль, вместе с тем стали составной частью аппарата геноцида, созданного нацистским режимом, необходимым условием обеспечения его жизнедеятельности.

Анализ документов свидетельствует, что нацистский режим вначале не планировал широкого военно-политического сотрудничества с украинцами и вообще был настроен категорически против вооружения покоренных народов. Однако крах стратегии блицкрига и отсутствие мобилизационных резервов Рейха вынудили низшее руководство вермахта спешно пополнять свои ряды представителями местного населения, в том числе украинскими солдатами и вспомогательным персоналом. Таким образом, создание местного полицейского аппарата в РКУ – вынужденный шаг нацистов. В результате комплектование частей «шума» проходило за счет случайных людей под прямым давлением. Их бойцы, вступая в немецкую армию и полицию, решали только собственные тактические вопросы – выживания, материального благосостояния, борьбы с большевизмом. Они не имели никаких далеко идущих политических целей или иных оснований для более тесного увязывания собственного будущего с национал-социализмом. Поэтому украинские формирования так и не стали надежным орудием проведения оккупационной политики и опорой нацизма в Украине.

Нами на основании кратких биографий, анкет, взятых из уголовных дел советских репрессивных органов, отдельных личных дел на полицейских и

шущманов (чудом сохранившихся), составлен социальный портрет военного коллаборанта на Кременеччине.

В основном (около 60 %) полиция порядка, подразделения вахманшафта и шущманшафта состояли из молодых людей призывной категории от 18 до 25 лет, главным образом местных украинцев и поляков, реже русских и белорусов. Более 80 % полицейских оккупанты набрали из крестьян с начальным образованием. Лиц с неполным средним и средним образованием в полиции и шущбатальонах оказалось чрезвычайно мало, лишь около 20 %. Почти треть из них имели какую-то военную подготовку – служили ранее в Войске Польском, Красной Армии или в советской милиции. Пострадавшие от советской власти (репрессированные персонально или кто-то из семьи, а также осужденные за уголовные преступления) составляли около 30 %. Члены ОУН обоих направлений и сторонники правительства УНР составляли 30–35 %, все они были врагами советской власти. Все это свидетельствует, что общая масса добровольцев на Кременеччине отнюдь не была сторонниками нацизма. Её основу, до трети количества, составляли люди, настроенные антибольшевистски или пострадавшие от советской власти. Особых симпатий и верности оккупационному режиму они не проявляли, а в условиях притеснений со стороны последних легко переходили на сторону третьей силы (УПА, французские «маки») или даже РККА. Остальные 45–50 % состояли из тех, кто попал в ряды добровольцев под давлением внешних обстоятельств, т.е. завербованные в среде молодежи, предназначенной к отправке в Германию, или из военнопленных.

Только незначительную часть добровольцев (около 5 %) составляли активисты прежнего режима, работники и тайные агенты НКВД. Это было следствием того, что со вступлением в оккупационные формирования украинцы не совершали политический выбор, а решали прежде всего свои материальные и бытовые проблемы.

В качестве дисциплинарных нарушений со стороны полиции порядка были зафиксированы акты насилия и беспричинные убийства мирного населения, совершенные, главным образом, во время переселения евреев в гетто и позже, во время их массового уничтожения. О бесчинствах кременецкой полиции открыто говорил известный общественный деятель Борис Козубский [35].

Часто местные полицаи заискивающе делали значительно больше того, что от них требовала немецкая власть: убивали евреев-беглецов из гетто, специально приписывали к категории «партизан» тех, кто просто не понравился полицейскому. Аресты подозрительных лиц проводили с невиданной жестокостью с применением пыток, конфискацию имущества превращали в тотальный грабеж с поджогом хозяйства.

Следует признать, что значительная часть из них пошла в украинско-немецкую полицию не для того, чтобы охранять порядок, защищать украинское население, а вовсе наоборот. И это не было только советской пропагандой. В документах немецких полицейских властей в Украине, в том числе и на Кременеччине, выявлены многочисленные факты драк, пьяных выходов, злоупотреблений оружием и других подобных эксцессов. «Вот поэтому, – суммирует немецкий историк Б. Кьяри, – образ пьяного, примитивного горлопана-полицая, который тиранил и грабил население, вполне проявляя свои преступные наклонности и садизм, появился не на пустом месте» [36]. Лишь 5 полицейских, упорно выступавших против украинского движения Сопротивления, были уничтожены оуновцами, а около 20 получили устные предупреждения.

115 бывших полицейских и членов охранных батальонов весной 1943 г. составили костяк боевых отделов ОУН(б), ОУН(м), ФУР. Однако следует отметить, что повстанческое командование фактически не провело надлежащей фильтрации и люстрации этих добровольцев, чем в итоге оказало неоценимую услугу советской пропаганде, поскольку она получила реальные основания для компрометации украинского движения Сопротивления. Далекое не все бывшие полицейские, перешедшие на сторону украинского освободительного движения, преданно реализовывали идею независимости Украины. Привыкшие к сытой и безбедной жизни, они никоим образом не желали удовлетворяться спартанскими условиями лагеря повстанцев. Пробыв от 3 до 5 месяцев в рядах УПА, около 50 бывших полицейских и шуцманов по разным поводам (чаще по состоянию здоровья) сумели получить отпуск и вернуться домой или же устроиться инструкторами в учебные сотни. Более 70 бывших полицейских в декабре 1943 г. вступили в Украинский легион самообороны и тем самым вернулись на службу Рейху.

На сторону советских партизан перешла лишь незначительная часть сотрудников полиции Кременеччины (5–6 чел.), что обусловлено следующими обстоятельствами: а) слабость партизанского движения в регионе; б) почти до конца 1942 г. каждый полицейский, перешедший к советским партизанам, был казнен. Лишь с 1943 г. с санкции Москвы их стали зачислять в отряды. Однако после окончания войны многим из них советская власть так и не простила коллаборацию.

97 бывших полицейских и шуцманов мобилизовали в Красную Армию, а более 20 служили в американской армии и Французском иностранном легионе. При этом об их прошлой деятельности в большинстве случаев было известно органам НКВД – НКГБ, но вопрос немедленных их репрессий отошел на второй план из-за крайней необходимости пополнения потерь личного состава Красной Армии. Многих из них

отметили боевыми наградами, что в дальнейшем не повлияло на решения советских карательных органов и советского правосудия.

На Кременеччине в границах гетто существовал и вынужденный еврейский коллаборационизм в виде еврейской полиции порядка, с ошибочной и иллюзорной мотивацией ее участников, что лояльность к оккупационному режиму, пособничество могут гарантировать собственную безопасность.

На примере Украинского легиона самообороны видно, что руководители ОУН(м) в годы Второй мировой войны всячески старались создать собственные военные формирования с целью контроля украинской территории. Однако общая военная слабость мельниковцев в сравнении с их противниками и просчеты полковника А. Мельника в организации повстанческого движения, отсутствие единства и вражда в среде украинского националистического Сопротивления привели к поглощению всех военных формирований мельниковцев (усилиями и репрессиями СБ бандеровцев) и переходу мельниковцев к сотрудничеству с немцами.

Весьма меткую характеристику деятельности Украинского легиона самообороны в годы Второй мировой войны на страницах своих воспоминаний дал Е. Побигущий-Рен: «Как видим, судьба этого волинского Легиона была весьма химерной. Сначала Легион воевал против немцев, потом с ними контактировал, потом снова хотел вернуться в Украину с помощью югославских четников» [37].

1. Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу 1941–1945 рр. – Т. 2. – Киев : Політвидав України, 1968. – 518 с.; Омельчук, Ю. Недолюдки (злочини українських буржуазних націоналістів на Ровенщині у війну) / Ю. Омельчук. – Львів : Книжково-журнальне вид-во, 1963. – 152 с.; Дмитрук, К. Безбатченки. Документально-публіцистичний нарис / К. Дмитрук. – Київ : Дніпро, 1980. – 318 с.; Шафета, П.Г. Чорний легіон. Художньо-документальні нариси / П.Г. Шафета. – Київ : Політвидав України, 1988. – 190 с.

2. Історія міст і сіл Української РСР. Тернопільська область. – Київ : Головна ред. УРЕ АН УРСР, 1973. – 370 с.

3. Справочник-список офицерского и рядового состава гестапо, отрядов СС, шуцполиции, орднунгсполиции, украинской охранной полиции, жандармерии, полевых и местных комендатур, а также карательных и полицейских батальонов, существовавших на Украине в период немецко-фашистской оккупации (1941–1944 гг.). – Киев, 1946. – Т. 1.

4. Сергійчук, В.І. ОУН – УПА в роки війни / В.І. Сергійчук. – Київ : Дніпро, 1996. – 494 с.; Сергійчук, В.І. Наша кров – на своїй землі / В.І. Сергійчук. – Київ : Українська видавнича спілка, 1996. – 44 с.; Русначенко, А.М. Народ збурений / А.М. Русначенко. – Київ : Пульсари, 2002. – 519 с.

5. Гунчак, Т. У мундирах ворога / Т. Гунчак. – Київ : Час України, 1993. – 208 с.

6. Дерейко, І. До питання про українські батальйони на території Білорусії (1941–1944 рр.) / І. Дерейко // Сторінки воєнної історії України. – Київ, 2003. – Вип. 7. –

Ч. 1. – С. 244–251; Дерейко, І. Діяльність 115/62 українського батальйону шуцманшафту на теренах Білорусі і Франції 1942–1944 рр. / І. Дерейко // Наукові записки НаУКМА: Історичні науки. – 2003. – Т. 21. – С. 28–33; Дерейко, І. Українські допоміжні формування Збройних сил Німеччини у Києві в 1941–1943 рр.: структура, чисельність, діяльність / І. Дерейко // З архівів ВУЧК – ГПУ – НКВД – КГБ. – 2004. – № 1–2. – С. 340–353; Дерейко, І. Матеріальне захоплення як метод залучення українців до німецьких збройних сил (1941–1943 рр.) / І. Дерейко // Історія України: маловідомі імена, події, факти : зб. ст. – Київ : Інститут історії України НАН України, 2004. – Вип. 26. – С. 183–203; Дерейко, І. Структура окупаційних органів Рейхскомісаріату «Україна» / І. Дерейко // Сторінки воєнної історії України. – Київ, 2004. – Вип. 8. – Ч. 1. – С. 259–268; Дерейко, І. Українські збройні формування нацистського окупаційного режиму в боях на Україні, 1943–1944 рр. / І. Дерейко // Сторінки воєнної історії України : зб. наук. ст. – Київ : Інститут історії України НАН України, 2005. – Вип. 9. – С. 191–204; Дерейко, І. Українські допоміжні воєнізовані формування німецької армії і поліції в генеральній окрузі Київ у 1941–1943 рр. / І. Дерейко // Архіви окупації 1941–1944. [Н. Маковська – упоряд.] – Київ : Києво-Могилянська академія, 2006. – С. 796–804; Дерейко, І. Антисемітизм як основа політичної підготовки місцевої поліції в Райхскомісаріаті Україна / І. Дерейко // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАНУ. – 2006. – Вип. 31. – С. 76–86; Дерейко, І. Місцеві допоміжні структури та військові формування поліції безпеки та СД на теренах Райхскомісаріату «Україна»: 1941–1944 / І. Дерейко // Сторінки воєнної історії України : зб. наук. ст. – Київ : Інститут історії України НАН України, 2009. – Вип. 12. – С. 177–184; Дерейко, І. Організаційне та матеріальне забезпечення поліційних структур і підрозділів у Райхскомісаріаті Україна / І. Дерейко // Український історичний журнал. – 2009. – № 6. – С. 87–106; Родня. Полиция и партизаны, 1941–1944. На примере Украины / авт.-сост.: А. Гогун, И. Дерейко, А. Кентий. – Київ : Укр. изд. союз, 2011. – 576 с.

7. Дробязко, С.И. Под знаменами врага: Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941–1945 / С.И. Дробязко. – М. : Эксмо, 2004. – 606 с.; Дробязко, С. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС / С. Дробязко, А. Каращук. – М. : АСТ, 2000. – 60 с.

8. Патриляк, І. Легіони українських націоналістів (1941–1952 рр.), історія виникнення та діяльності / І. Патриляк. – Київ : Знання, 1999. – 43 с.

9. Боляновський, А. Українські військові формування в збройних силах Німеччини (1939–1945) / А. Боляновський. – Львів : Вид-во Львівського нац. університету ім. І. Франка, 2003. – 686 с.; Bolanowski, A. Ukraińcy i Polacy w niemieckich formacjach policyjnych na Wołuniu i w Galicji Wschodniej w latach 1942–1944 / A. Bolanowski // Polska – Ukraina: trudne pytania. – Warszawa, 2009. – Т. 11. – S. 70.

10. Літвін, А.М. Акупація Беларусі (1941–1944): питання співпраці і калабарації / А.М. Літвін. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2000. – 286 с.

11. Бондаренко, К. Діяльність українських загонів самооборони на Волині, Буковині та у Галичині в роки Другої світової війни / К. Бондаренко // Україна – Польща. Важкі питання. – Варшава, 1998. – Т. 3. – С. 15–31.

12. Семиряга, М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М.И. Семиряга. – М. : РОССПЭН, 2000. – 862 с.

13. Шайкан, В.О. Колабораціонізм на території рейхскомісаріату «Україна» і військової зони в роки Другої світової війни / В.О. Шайкан. – Кривий Ріг : Мінерал, 2005. – 466 с.

14. Чернихівський, Г. Портрети пером. Статті, есе, рецензії / Г. Чернихівський. – Кременець – Тернопіль, 2001. – 306 с.

15. Тернопільський енциклопедичний словник. – Тернопіль : Збруч, 2004–2009. – Т. I–IV.

16. Тинченко, Я. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки 1917–1921 / Я. Тинченко. – Київ : Темпора, 2008. – 536 с.

17. Державний архів Тернопільської області. – Фонд Р-195, Лановецька районна управа, м. Ланівці Кременецького округу. – Оп. 1. – 61 справа; Фонд Р-196, Кременецький окружний комісаріат, м. Кременець Кременецького округу. – Оп. 1. – 23 справи; Фонд Р-202, Кременецький окружний суд, м. Кременець Кременецького округу. – Оп. 1. – 376 справ; Фонд Р-203, Катербурзький мировий суд Кременецького округу. – Оп. 1. – 160 справ; Фонд Р-215, Кременецький мировий суд, м. Кременець Кременецького округу. – Оп. 1. – 21 справа; Фонд Р-276, Начальник Вишнівецького району Кременецького округу. – Оп. 1. – 1 справа; Державний архів Волинської області. – Фонд Р-2. – Оп. 1. – Спр. 27. Проект організації «милиції», 1941 – 12 с.; Фонд Р-2. – Оп. 2. – Спр. 4. Постанова Окружної управи об організації Народної міліції і жандармерії. Інструкція СП і рядових поліцейських. 22 лютого 1941 – 30 вересня 1941. – 35 с.; Фонд Р-2. – Оп. 2. – Спр. 3. Звіт про структуру і діяльність відділу Української обласної управи і організації служби порядку. – 7 с.; Фонд Р-2. – Оп. 2. – Спр. 26. Розпорядження німецької поліції, Брестської поліції порядку, поліції СС. Переписка з жандармерією і української поліцією про особистий склад поліції. 8.01.1942–18.12.1942 гг. – 93 с.; Фонд Р-2. – Оп. 2. – Спр. 121. Розпорядження про формування поліції на окупованій території України. 28.08.1941–5.01.1944. – 74 с.

18. Гірняк, К. Українська дивізія «Галичина» / К. Гірняк // Українське слово (Париж). – 7 липня 1974; Гірняк, К. Український легіон самооборони: причинки до історії / К. Гірняк. – Торонто, 1977; Гірняк, К. Фронт української революції (причинок до історії збройної боротьби на Волині) / К. Гірняк, О. Чуйко ; передмова і висновки М. Волинський. – Торонто : Волинь, 1979. – 45 с.

19. Городиський, В. Два дні в партизанці / В. Городиський // Самостійна Україна. – Чикаго ; Нью-Йорк, 1962. – № 7 (161). – Липень.

20. Лисяк, О. Волинський батальйон / О. Лисяк // Вісті. – № 3 (5). – С. 2.

21. Скорупський, М. Туди де бій за волю / М. Скорупський. – Київ ; Лондон ; Париж ; Торонто ; Нью-Йорк, 1992. – 352 с.

22. Станіславів, В. Ліс приймає повстанців / В. Станіславів, Ю. Макух. – Міннеаполіс, Міннесота, США, 1997. – 236 с.

23. Данилюк, М. Повстанський записник / М. Данилюк. – Київ : Вид. ім. О. Теліги, 1993. – 192 с.

24. Цимбалюк, Ф. В боях і рейдах Українського легіону Самооборони / Ф. Цимбалюк // Вісті комбатанта. – Ч. 2 (199). – Торонто – Нью-Йорк, 1996. – С. 73–81; Цимбалюк, Ф. Початки повстанського руху Крем'янецького повіту на Волині в роках 1942–1943 / Ф. Цимбалюк // Вісті комбатанта. – 1995. – Ч. 1. – С. 72–78.

25. Шліхта, П. В рядах УПА на Кременеччині / П. Шліхта [Рукопис].

26. Семенюк, А. На тему українсько-польських відносин. Критичні зауваження / А. Семенюк. – Міннеаполіс, 1996. – 167 с.

27. Каркоць-Вовк, М. Від Вороніжа до Українського легіону самооборони / М. Каркоць-Вовк. – Рівне : Союз ветеранів визвольних змагань УНР, 2002. – 248 с.

28. Кравченко-Бережной, Р. Между белым и красным: стоп-кадры моего XX века / Р. Кравченко-Бережной. – СПб. : Гамас, 2008. – 448 с.
29. Спогади колишнього начальника Лановецького РВ УМДБ підполковника В.В. Риндюка [Рукопис]. – 1989. – 108 с.
30. Галузевий Державний архів СБ України, м. Тернопіль (далеє ГДА СБ України). – Спр. 28954.
31. ГДА СБ України, м. Тернопіль. – Спр. 13484.
32. Коваль, М.В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939–1945 рр.) / М.В. Коваль. – Київ : Альтернатива, 1999. – Т. 12. – 335 с.
33. Айкель, М. «Через брак людей...» Німецька політика набору робочої сили та примусові депортації робітників із окупованих областей України 1941–1944 рр. / М. Айкель // УІЖ. – 2005. – № 6. – С. 152.
34. Косик, В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні / В. Косик. – Париж ; Нью-Йорк ; Львів : НТШ, 1993. – С. 574–575.
35. ГДА СБ України, м. Тернопіль. – Спр. 8624-П. – Арк. 35.
36. Chiari, V. Alltag hinter der Front. Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weisrusland, 1941–1944 (Schriften des Bundesarchivs. Bd. 53) / V. Chiari. – Dusseldorf, 1998. – Т. XIII. – 380 с.
37. Побігуший-Рен, Є. Мозаїка моїх споминів / Є. Побігуший-Рен. – Івано-Франківськ : Лілея-НВ, 2002. – 188 с.

УДК 94(47+57)“1941/9145”

Р.Р. ХИСАМУТДИНОВА

Россия, Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет

СУДЬБА СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ В НЕМЕЦКОМ ПЛЕНУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

История России – это история войн, история напряженной борьбы с многочисленными чужеземными захватчиками за сохранение своей территориальной целостности и независимости. Война без пленных не бывает. В годы Великой Отечественной войны плен стал жесточайшим физическим, психологическим и нравственным испытанием для миллионов советских военнопленных, большинству стоил жизни.

С началом боевых действий на советско-германском фронте огромные массы бойцов и командиров Красной Армии по различным причинам попали в окружение. После ожесточенных боев многие из них погибли, незначительные группы вышли к своим, часть стали партизанами, но немало из них ввиду ранений, болезни, отсутствия боеприпасов, горючего и провианта были захвачены противником в плен. Добровольно сдавались немногие. По поводу общей численности советских военнопленных до сих пор идут споры. Немецкий историк Й. Хоффман утверждает, что их насчитывалось 5,24 млн

человек. Американский историк А. Даллин и немецкий историк К. Штрайт называют цифру в 5,7 млн. В своем исследовании немецкий историк К. Штрайт, ссылаясь на многочисленные документы штаба групп армий, приводит данные о числе советских военнопленных, захваченных немецкими войсками в 1941–1942 гг. в различных районах боевых действий: Белосток – Минск – 323 тыс., Умань – 103 тыс., Смоленск – Рославль – 348 тыс., Гомель – 50 тыс., оз. Ильмень – 18 тыс., Великие Луки – 30 тыс., Эстония – 11 тыс., Демянск – 35 тыс., Киев – 665 тыс., Луга – Ленинград – 20 тыс., Мелитополь – Бердянск – 100 тыс., Вязьма – Брянск – 662 тыс., Керчь – 100 тыс. Всего к 16 ноября 1941 г. их число достигло 2,5 млн человек [1, с. 147–148]. За шесть с половиной месяцев войны – с 22 июня по 10 января 1942 г., – согласно сводке донесений немецких штабов, их количество составило 3,9 млн, среди них 15,2 тыс. офицеров, или 0,4 %. На Нюрнбергском судебном процессе над главными нацистскими военными преступниками советская сторона представила документ из аппарата А. Розенберга, в котором называлась эта цифра – 3,9 млн советских военнопленных, из них к началу 1942 г. осталось в наличии в лагерях 1,1 млн. В основном советские воины попадали в плен в 1941–1942 гг., но случалось и позднее: по данным Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий в 1943 г. – 487 тыс., в 1944 г. – 203 тыс., 1945 г. – 40,6 тыс. В последние годы немецкие историки твердо придерживаются цифры в 5,7 млн человек. Основанием для них являются документы штабов немецких войск. С ними можно было бы согласиться, считает историк Н.П. Дембицкий, но известны факты, когда немецкое командование относилось к военнопленным гражданских лиц мужского пола (призывного возраста). Он считает, что в действительности последняя цифра завышена по крайней мере на 450 тысяч [2, с. 234]. В публикациях российских историков приводятся другие данные. М.А. Гареев и В.В. Гуркин утверждают, что в немецком плену было около 4 млн человек.

Война Германии против СССР была войной на уничтожение. Об этом свидетельствует смертность советских военнопленных в немецких лагерях. Если в Первую мировую войну смертность среди русских военнопленных в Германии составляла 5,4 %, то смертность среди советских военнопленных в гитлеровских лагерях, по немецким данным, составила уже 57,8 % (3,3 млн погибших). В то же время из 232 тыс. английских и американских солдат, оказавшихся в плену у немцев, умерло только 8 348 (или 3,5 %).

В отличие от Германии в СССР с иностранными военнопленными обращались по-иному. Принимаемые советским военно-политическим руководством решения в основном совпадали с требованиями международного гуманитарного права. Ни один приказ, директива или устное распоряжение не призывали бойцов и командиров Красной Армии беспощадно относиться к немецким военнопленным. В то же время

ожесточенность боевых действий нередко вызывала ответную реакцию советских воинов. Однако командованием пресекались попытки расправы над военнопленными.

Советские военнопленные были разбросаны не только по всей Германии, но и по странам Центральной, Восточной, Западной и Северной Европы. В 1941–1942 гг. на оккупированной территории СССР немцами создавались лагеря для советских военнопленных. На всем протяжении фронта от Балтики до Черного моря позднее обнаруживались трупы убитых советских военнопленных. Огромные лагеря для уничтожения военнопленных были созданы и на территории Прибалтики. В «Шталаге-340» в Даугавпилсе (Латвия) ежедневно погибали 400–800 человек. Всего на территории Латвии было истреблено 327 тыс. военнопленных. В печально известном «Шталаге-350» в Риге и в его отделениях фашисты замучили и расстреляли более 130 тыс. советских военнопленных. Тысячи пленных погибли в Саласпилсе, в Панцерских казармах. Во всех лагерях на территории Литвы гитлеровцы уничтожили 165 тыс. человек [3, с. 67–68].

Десятки, если не сотни тысяч пленных умирали во время транспортировки от фронта до лагеря. Большинство пленных в 1941 г. должны были проделать этот путь пешком. Переходы длились до 4 недель. Ежесуточный переход составлял иногда до 40 км, причем в колоннах находились раненые, больные, истощенные. Часто эти переходы назывались «маршами смерти», т.к. тысячи обессиленных пленных расстреливались сразу. Об этом свидетельствуют отрывки из письма рейхсминистра восточных территорий А. Розенберга 28 февраля 1942 г. начальнику штаба ОКВ генерал-фельдмаршалу В. Кейтелю, приведенные главным обвинителем от США Р.Х. Джексоном на Нюрнбергском процессе 21 ноября 1945 г.: «Судьба советских военнопленных, находящихся в Германии, является трагедией величайших размеров... Значительная часть из них умерла от голода или от климатических условий. Тысячи погибли от сыпного тифа. Коменданты лагерей запретили гражданскому населению давать продовольствие заключенным и предпочитали, чтобы они умирали голодной смертью. Во многих случаях, когда военнопленные не могли продолжать пешие переходы вследствие голода и истощения, их расстреливали на глазах приведенного в ужас гражданского населения, а трупы оставляли непогребенными. Во многих лагерях совершенно не было крова для военнопленных. Они лежали под открытым небом во время дождей и снегопада. Им не давали даже инструмента для того, чтобы вырыть ямы или землянки» [4, с. 131].

Для транспортировки пленных по железной дороге разрешалось использовать только открытые товарные вагоны или вагоны для перевозки скота. Их, как скот, загоняли в вагон по 80–100 человек (при вместимости

40–50). Вагоны не оборудовались нарами, печами, бачками с питьевой водой, умывальниками и отхожими местами. В пути следования, как правило, кормили очень редко, чаще люди оставались голодными от 3 до 5 суток. В прибывших на станции назначения эшелонах находились десятки и сотни умерших, а на ст. Мост (Латвия) в одном эшелоне, которым следовало 1 500 советских военнопленных, было обнаружено, что в его вагонах не осталось ни одного живого человека [2, с. 242]. В группе армий «Центр» использование закрытых, но не отапливаемых товарных вагонов было разрешено только 22 ноября 1941 г., когда стояли уже сильные морозы. Поводом для изменения правил транспортировки послужил случай, когда во время перевозки из 5 тыс. пленных 1 тыс. замерзла. В начале декабря 1941 г. во время транспортировки умирало от 25 до 70 % военнопленных.

Преодолев сотни, а иногда и тысячи километров, оставшиеся в живых поступали в стационарные лагеря для военнопленных, где их ждали новые испытания. Жизнь здесь во многом зависела от действий охраны.

Многочисленные архивные документы и свидетельские показания говорят о том, что сотни тысяч советских военнопленных были подвергнуты самому страшному испытанию – голоду. Немецкий полковник Маршалл, инспектировавший «дулаги» (пересыльные лагеря) группы армий «Центр», в своих донесениях признавал, что питание пленных ненормально – 150 г хлеба и 50 г сухого пшена в сутки на одного человека. Этот рацион имел максимально от 200 до 700 калорий, что составляло меньше половины жизненно необходимого уровня. Аналогичное положение было и в лагерях других групп армий. Голод, разразившийся в конце 1941 – начале 1942 г. в немецких лагерях для военнопленных, заставлял людей есть траву, сухие листья, кору деревьев, падаль, прибегать к унижениям, предательству и даже к каннибализму. 14 декабря 1941 г. рейхсминистр оккупированных восточных территорий А. Розенберг докладывал Гитлеру, что в лагерях на Украине «в результате истощения ежедневно умирает до 2 500 пленных» [1, с. 259].

Лишение военнопленных одежды, особенно теплой, производилось в порядке систематического и поощряемого германским командованием мародерства. В зимних условиях оно для военнопленных было равносильно смерти от замерзания. Все это делалось по приказам германского командования. Еще до вероломного нападения на СССР германское командование предусматривало использование такого порядка снабжения своих частей. В делах 234-го пехотного полка 56-й дивизии найден циркуляр за № 121/4 от 6 июня 1941 г. «О принципах снабжения в восточном пространстве», в котором сказано: «На снабжение одеждой не рассчитывать. Поэтому особенно важно снимать с военнопленных годную обувь и немедленно использовать всю пригодную одежду, белье, носки и т.д.»

[4, с. 425]. Как свидетельствует генерал-лейтенант германской армии в отставке фон Остеррайх Курт, бывший начальник отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа, допрошенный на предварительном следствии 28 декабря 1945 г.: «Русские военнопленные содержались в лагерях в тяжелых условиях, питались плохо, терпели моральные унижения и умирали от холода и заболеваний. Так, в Шталагах Данцигского военного округа только вследствие истощения и болезней умерло свыше 4 тысяч человек, а в подчиненных мне Шталагах на Украине – 8–9 тысяч русских военнопленных, трупы которых зарывались в ямах в районах расположения лагерей. Особенно велика была смертность военнопленных, взятых на работу из лагеря в районе г. Острогжск. Из этих военнопленных вследствие содержания их в окопах и ямах (октябрь 1942 г.), истощения и развития тяжелых желудочных и инфекционных заболеваний ежедневно умирали десятки и сотни людей» [4, с. 432].

Организованного медицинского обслуживания раненых бойцов и командиров Красной Армии, захваченных немецкими войсками в плен, как такового не было. Помощь получал, как правило, тот, кто мог быть в дальнейшем использован в Германии. Например, тяжелораненому плененному командующему 19-й армией генерал-лейтенанту М.Ф. Лукину, в надежде на сотрудничество с немецкими властями, ампутировали правую ногу выше колена.

Со временем немецкими властями создавались лагеря-лазареты. Привлекаемые немцами советские медики всячески помогали мученикам. Но в большинстве лазаретов отсутствовали медикаменты, перевязочные средства, необходимый инструмент. По свидетельствованиям того же фон Остеррайха Курта, «при посещении Харьковского лазарета для русских военнопленных я видел, что тяжелобольные были размещены в помещениях, где не было отопления и все окна выбиты, а больные не имели одежды и обуви. В результате в этом госпитале ежедневно умирало от истощения и эпидемических заболеваний 200–300 человек» [4, с. 432]. Военврач 3-го ранга А.П. Розенберг из медсанбата 177-й стрелковой дивизии свидетельствовал, что советские врачи делали ампутацию конечностей раненым военнопленным стамеской, молотком и ножовкой. После таких операций у многих начиналось заражение крови, и они умирали. По воспоминаниям узника Дахау С.А. Тазетдинова, «Немцы никакой медицинской помощи нам не оказывали. До сих пор в моих ушах стоят стоны раненых, их мольба о воде, просьбы перевязать раны, сменить загноившиеся повязки. Многие тяжелобольные бредили. В предсмертных судорогах стонали истекающие кровью бойцы с оторванными руками и ногами. В страданиях и муках умирали они на грязном полу» [5]. В Смоленске существовал госпиталь для военнопленных. Советские врачи, работавшие в

этом госпитале, сообщили: «До июля 1942 г. больные лежали на полу без перевязок, одежда и подстилка у них были покрыты не только грязью, но и гноем. Помещение не отапливалось, в коридорах пол покрывался ледяной коркой» [4, с. 437]. К числу зверств в отношении советских военнопленных нужно отнести проведение клеймения их особыми опознавательными знаками, которые были установлены специальным распоряжением германского верховного командования от 20 июля 1942 г.

Гаагская конвенция 1907 г. о военнопленных предписывает не только обращаться с пленными гуманно, но и уважать их патриотические чувства, не использовать их силы в борьбе против своего же Отечества. Гитлеровцы попрали и этот элементарный принцип международного права. Избиениями и угрозами расстрела они заставляли пленных работать в качестве ездовых на повозках, на машинах и на транспорте, перевозящем боеприпасы и другие военные грузы на фронт, в качестве подносчиков боеприпасов на огневые позиции и т.д. В Ленинградской области, в районе г. Ельни Смоленской области, в Гомельской области Белорусской ССР, в Полтавской области и в других были зарегистрированы случаи, когда германское командование во время атак гнало под угрозой расстрела пленных красноармейцев впереди своих наступающих колонн [4, с. 270].

Известно, что с первых месяцев войны немецкое военное руководство практиковало использование советских военнопленных не только в качестве рабочей силы, но и в составе воинских формирований вермахта, СС и полиции. По мнению зарубежных исследователей, таковых было 1–1,7 млн. граждан СССР, по подсчетам отечественных – от 0,2 до 1,5 млн человек [6, с. 49; 7; 2, с. 247].

Использовали советских военнопленных в целях очистки минных полей и других опасных для жизни работ. Так, в районе деревень Большая и Малая Влоя десятки пленных, построенные в сомкнутые ряды, в течение четырех суток гонялись гитлеровцами по заминированному полю. Ежедневно на минах взрывалось несколько пленных. Этот способ убийства военнопленных предусмотрен приказами германского командования. В приказе по 203 пехотному полку за № 109 сказано: «Главкомандующий армией генерал-фельдмаршал Рундштедт приказал, чтобы вне боевых действий, в целях сохранения германской крови, поиски мин и очистку минных полей производить русским пленным. Это относится также и к германским минам [4, с. 424].

В материалах Нюрнбергского процесса, воспоминаниях бывших военнопленных приводятся многочисленные факты, когда раненых воинов убивали, сжигали, подвергали пыткам, вырезали на теле звезды, отравляли газом, топили в море, забрасывали гранатами помещения, где находились несчастные, производили разного рода опыты. «Как выжил, не знаю.

В бараке девятьсот человек – нары в три этажа. Каждый из узников в полной власти капо, эсэсовцев, коменданта. Могут избить, изувечить, убить... 200 граммов хлеба, кружка баланды и три картофелины – вся еда на день... Работа – изнурительно тяжелая или одуряюще бессмысленная... Более тысячи скелетов, обтянутых кожей, в четыре утра выстраивали на ветряном плацу. Каждый стремился протиснуться в середину этого скопища – там теплее и один поддерживает другого, легче стоять. Кто-то упал. Ну, значит отмучился...» – вспоминает о своем пребывании в фашистском концлагере Заксенхаузен летчик Михаил Девятаев [11, с. 4].

Оказавшись в плену, люди попадали в необычные для повседневной жизни условия (голод, издевательства, массовые казни, горы трупов, печи крематория). И взгляды, и поведение их могли меняться. Поэтому адекватной оценки поведения пленных быть не может. Оно зависело от психики человека, окружающих обстоятельств, а также правовых основ, определявших положение пленных.

Тяжелые условия лагерной жизни, строгая изоляция от внешнего мира, активная пропагандистская работа среди военнопленных существенно влияли на подавление духа и достоинства людей, вызывая чувство безысходности. Многие в результате элементарного шантажа голодом, увиденного и пережитого, поддавшись вражеской пропаганде, человеческим эмоциям, различным посулам и угрозам, ломались и становились на путь сотрудничества с врагом, тем самым сохраняя себе жизнь, но при этом переходили в разряд изменников Родины. К их числу можно отнести генералов Красной Армии А.А. Власова, Ф.К. Трухина, В.Ф. Малышкина, Д.Е. Закутного, И.А. Благовещенского, бригадного комиссара Г.Н. Жиленкова, М.Б. Салихова, Б.С. Рихтера, после пленения активно сотрудничавших с нацистами, создававших антисоветские воинские формирования. Генералом Власовым в 1944 г. был создан «Комитет для освобождения народов России», а его Русская освободительная армия к апрелю 1945 г. насчитывала около 50 тыс. человек. В годы войны германским командованием по национальному признаку формировались из числа военнопленных части (батальоны), которые использовались им в качестве вспомогательной силы для обслуживания тыла действующей армии. Таким приемом гитлеровцы стремились ввести межнациональную рознь между народами Советского Союза. По немецким данным, всего было создано более 180 таких формирований, в том числе русских – 75, из донских, кубанских и терских казаков – 21, туркестанских и татарских (из Татарии и Крыма) – 42, грузинских – 11, из народов Северного Кавказа – 12, азербайджанских – 13, армянских – 8, а также части и соединения из литовцев, латышей и эстонцев [8, с. 22].

По данным Н.П. Дембицкого, в плен попало 83 генерала, шести генералам удалось бежать; за подготовку побегов и советскую агитацию среди

военнопленных в лагерях были казнены 15 человек, в их числе генерал-лейтенант Д.М. Карбышев (имя которого вошло в историю нашей страны как символ преданности Родине и нестигаемости человеческого духа), генерал-майоры И.С. Никитин, Г.И. Тхор, Герой Советского Союза И.М. Шепетов; 10 умерли от голода, холода, болезней, побоев и тяжелого физического труда. За мужество и героизм, проявленные на фронтах и в плену, были удостоены звания Героя Советского Союза генералы Д.М. Карбышев (1946 г.), Г.И. Тхор (1990 г.) и Героя РФ – М.Ф. Лукин (1999 г.) [2, с. 253]. Все посмертно. Поражает верность воинскому долгу и преданность Родине и генерала С.А. Никитина, бывшего командира 6-го кавалерийского корпуса, руководителя подпольной организации в международном офицерском лагере «Офлаг XIII-Д» (близ Хаммельбурга). Когда в лагерь прибыли эмиссары Власова, чтобы пополнить ряды РОА за счет военнопленных, Никитин, воспользовавшись тем, что немцы явно рассчитывали на успех, доверили ему выступить перед тысячами военнопленных, согнанных на митинг, обращаясь к военнопленным, произнес слова, хотя знал, на что идет: «Я советский генерал, коммунист, гражданин Советского Союза, своей Родине не изменю ни при каких обстоятельствах. Твердо уверен, что моему примеру последуют все». Генерал С.А. Никитин был расстрелян [2, с. 252; 9, с. 136].

После окончания войны из плена на родину вернулось 57 советских генералов. Все они прошли спецпроверку в органах НКВД, затем часть из них была освобождена и направлена в войска или на преподавательскую работу, большинство получили правительственные награды и продолжали службу в армии. Некоторые генералы длительный срок находились под следствием, после этого ряд из них в 1950 г. были казнены (в их числе командующий 12-й армией генерал-майор П.Г. Понеделин, командир 15-го стрелкового корпуса 5-й армии генерал-майор П.Ф. Привалов и др.).

Значительное число военнопленных приспособлялось к лагерной жизни и занимало выжидательную позицию.

Вместе с тем в лагере находились и те, кто имел крепкие нервы и огромную силу воли. Именно вокруг них группировались единомышленники. Они совершали побег, саботировали производство и совершали диверсии, издавали газеты (в Бухенвальде – «Правда пленных», в Освенциме – «Эхо Освенцима», в Эйсе – «Патриот в кандалах»), оказывали помощь нуждающимся, верили в Победу и возможность выжить. В их числе генералы Х.Н. Алавердов, А.С. Зотов, Д.М. Карбышев, П.Г. Макаров, И.С. Никитин и многие другие.

Нельзя не отметить деятельность подпольной организации в международном офицерском лагере «Офлаг XIII-Д» (близ Хаммельбурга). Общее руководство подпольной работой осуществлял комитет. В нем в различное время активно действовали советские военнопленные генералы

И.С. Никитин, Х.Н. Алавердов, Д.М. Карбышев, С.А. Ткаченко, Г.И. Тхор, Н.Ф. Михайлов, И.И. Мельников. Находясь в плену, советские генералы и офицеры призывали пленных оставаться верными Родине.

Мысли о свободе не оставляли заключенных нацистских концлагерей ни на минуту. По разным данным, из 4 тыс. концлагерей и тюрем, расположенных на территории Германии, её союзников и оккупированных стран Европы, за годы войны бежало до 500 тыс. заключенных. Очень часто побег из лагерного ада давал пленнику шанс на продолжение жизни. Но если пойманный англичанин или американец подвергался только дисциплинарному наказанию, то советских военнопленных после поимки либо расстреливали, либо отправляли в лагеря уничтожения. Так, за попытку побега были расстреляны Герои Советского Союза командиры дивизий генерал-майор И.М. Шепетов и полковник И.Д. Зиновьев. И таких примеров сотни и тысячи.

Самый крупный побег за всю Вторую мировую войну совершили советские военнопленные, которые были собраны в лагере Сухожебры (Польша). В августе 1941 г. тысячи военнопленных по сигналу бросились на заграждения из колючей проволоки, прорвали их и вырвались на свободу. Большинство из них было скошено пулеметными очередями, однако немало людей смогло уйти. Совершались побеги и из Освенцима. Только за май – июнь 1944 г., по официальным данным комендатуры, бежали 25 советских военнопленных и 2 поляка. По немецким данным, из Дахау за июль 1943 г. бежало более 40 советских военнопленных.

В августе 1943 г. из Майданека бежали 13 советских военнопленных-доходяг, занятых на жатве. Они умудрились косами зарезать четверых вооруженных эсэсовцев.

Более 700 истощенных заключенных, находившихся в 20-м изолированном блоке смертников концлагеря Маутхаузен, решились на побег в феврале 1945 г. Проволочные заграждения они завалили арестантскими матрасами, а часовых на сторожевых вышках отогнали от пулеметов булыжниками. Из всех бежавших в живых осталось 19 человек.

Каждый использовал малейший шанс, чтобы вырваться из плена. Капитан Кузнецов ухитрился выйти из Майданека среди бела дня на виду у охраны. Он вместе с другим заключенным попросился принести уголь для отопления офицерских бункеров. Конвоировал их эсэсовец с автоматом. По дороге в бункер Кузнецов придушил конвоира, переделся в немецкую форму, наставил автомат на товарища и «под конвоем» вывел его за территорию.

Восстание в Бухенвальде 11 апреля 1945 г. отмечается как Международный день освобождения узников из немецких концлагерей. Правда, Бухенвальд никто не освобождал. Его заключенные освободились

сами. В плен было взято 220 немцев, еще больше уничтожено в бою. Американские войска подошли к лагерю 13 апреля.

Менее известно восстание в августе 1944 г. в лагере для советских военнопленных близ румынского города Слобозия, в ходе которого заключенные не только освободились сами, но и разоружили немецкий гарнизон города. Бывшие военнопленные заняли Слобозию (румынские солдаты перешли на их сторону) и целую неделю до подхода Красной Армии удерживали город [10].

Широкую известность получил побег из плена старшего лейтенанта М.П. Девятаева и 9 человек. 8 февраля 1945 г. он сумел угнать новейший немецкий самолет «Хейнкель-111» из секретной базы (ракетный центр называли «заповедником Геринга»), которая находилась на острове Узедом в Балтийском море. В своем интервью Герой Советского Союза М. Девятаев сказал: «Из любого, даже самого трудного положения в жизни есть выход. Главное – не отчаиваться, не потерять в себе человека» [11, с. 1, 4].

Таким образом, героизм и честность, малодушие и предательство иногда были совсем рядом, в одном лагере, на одних нарах, а порой и в одном человеке.

В партизанских отрядах, подпольно-диверсионных группах в Польше, Чехословакии, Франции, Италии и других странах Европы сражалась, по неполным данным, свыше 40 тыс. граждан СССР, бежавших из фашистских концлагерей. В одной только Франции действовало около 40 партизанских отрядов и почти столько же небольших групп, которые насчитывали почти 4 тыс. советских людей. Некоторые из них стали национальными героями, награждены высшими воинскими наградами этих стран: во Франции – В. Порик, в Италии – Ф. Полетаев, в Югославии – А. Дьяченко и Мехти Гусейн-Заде, в Болгарии – И. Вальчук. В своем труде итальянец М. Галлени отмечал: «Итальянское сопротивление, несомненно, гордится тем, что в его рядах были эти воины, отдавшие борьбе все, не требуя взамен ничего» [2, с. 254].

С конца 1944 и до середины 1950-х годов освобожденные из плена советские граждане были возвращены на Родину. По сведениям Управления уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации, на октябрь 1945 г. было учтено оставшихся в живых 2 016 480 освобожденных советских военнопленных. Имеются сведения, что к середине 1947 г. на Родину вернулось 1836 тыс., остальные остались за рубежом. По-разному сложилась их судьба. Одни были арестованы и осуждены, другие направлены на 6-летнее спецпоселение, третьи зачислены в рабочие батальоны НКО. Около 300 тыс. военнопленных (данные на 1 августа 1946 г.) было отпущено домой [2, с. 258].

Парадокс состоял в том, что советское руководство относилось более гуманно к военнопленным противника, нежели к собственным гражданам, вернувшимся из вражеского плена.

1. Штрайт, К. Они нам не товарищи: Вермахт и советские военнопленные, 1941–1945 гг. / К. Штрайт ; пер. с нем. – М., 1991.
2. Дембицкий, Н.П. Судьба пленных / Н.П. Дембицкий // Война и общество, 1941–1945 : в 2 кн. – М. : Наука, 2004. – Кн. 2.
3. Хисамутдинова, Р.Р. Советский Союз накануне и в период Великой Отечественной войны / Р.Р. Хисамутдинова. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2009.
4. Нюрнбергский процесс. – М., 1952. – Т.1.
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://9dno.ru/?page_id=32. – Дата доступа : 21.06.2012.
6. Гареев, М.А. О цифрах старых и новых / М.А. Гареев // ВИЖ. – 1991. – № 4.
7. Раманичев, Н.М. Кто не с нами, тот ... / Н.М. Раманичев // Российские вести. – 1995. – 11 апр.
8. Семиряга, М.И. Судьбы советских военнопленных / М.И. Семиряга // Вопросы истории. – 1995. – № 4.
9. Хисамутдинова, Р.Р. Великая Отечественная война и послевоенное десятилетие / Р.Р. Хисамутдинова. – Оренбург, 2011.
10. Аргументы и факты. – 2005. – № 9.
11. Побег // Комсом. правда. – 1995. – 23 февр.

УДК 94(47+57)

И.В. РЕБРОВА

Россия, Краснодар, Кубанский государственный технологический университет

«ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС» НА КУБАНИ В ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: АНАЛИЗ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ, СМЫСЛОВЫХ И ВРЕМЕННЫХ ШТАМПОВ

Недавно я принимала участие в конференции, организованной коллегами из России и Германии. Доклады, посвященные анализу восприятия тех или иных событий представителями различных поколений, делали историки, философы, искусствоведы – гуманитарии, работающие в разных методологических традициях. Среди выступавших были и те, кто когда-то эмигрировал из России и теперь работает в Германии. Пообщавшись с такими людьми, коллега-философ в приватной беседе поделилась своими впечатлениями. Она отметила, что язык эмигрантов остался законсервированным. Действительно, язык – это постоянно меняющаяся категория нашего бытия, дающая представление не только об

уровне нашего развития, но и об окружающей действительности, времени производства наших речей, или текстов.

Это важное наблюдение становится актуальным в том числе при анализе источниковой базы истории Холокоста. Бесспорно, источники дают исследователю информацию не только о происходивших событиях в тот или иной исторический период времени, но также и о времени их создания. На основе анализа языка (как письменного, так и устного) мы можем изучать эпоху, в которой возможно было появление того или иного исторического источника (не важно, официального или личного происхождения). Также мы можем изучать условия производства того или иного текста с целью воссоздания исторической эпохи, в которой возможно было появление конкретного источника. В данном случае в своих научных поисках мы движемся от частного к общему, от конкретного текста, являющегося частью дискурсивной практики общества, к механизмам функционирования этого общества.

В настоящее время историки и общественные деятели все чаще обращаются к изучению Холокоста в России. Не ставя задачи восстановления исторических событий на территории Краснодарского края в годы войны, попытаемся проанализировать документы о Холокосте в регионе, появившиеся в годы войны. Речь идет о комплексе документов (заявлений граждан, акты ущерба и итоговые отчеты) Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками на территории Краснодарского края. В этих документах наряду с другими преступлениями нацистского режима содержатся сведения о массовых убийствах еврейских семей, детей-сирот. Уничтожали как местных жителей-евреев, так и тех, кто эвакуировался на Кубань из Ленинградской области, Крыма и других регионов Советского Союза.

Методология дискурс-анализа, направленная на изучение того, как создаются социально произведенные идеи и объекты, составляющие социальный мир, и как они поддерживаются и актуализируются во временном аспекте, будет одной из основных при решении поставленной задачи. По мнению европейских критических дискурс-аналитиков, этот метод направлен на изучение способов производства социальной реальности, в то время как другие качественные методологии работают на понимание и интерпретацию ее как данности [1]. Таким образом, критический дискурс-анализ изучает, как язык конструирует феномены, а не как он отражает или раскрывает их.

Норман Фэрклоу, Тойн А. Ван Дейка и другие исследователи в своих работах выделяют следующие аспекты в изучении дискурса: анализ текстов в рамках дискурсов, локализация их в историческом и социальном

контексте, изучение конкретных акторов, отношений и практик, характеризующих предмет исследования [2]. В подобных исследованиях происходит работа не с языком, а с условиями производства текста.

Наиболее ранним источником фиксации убийств евреев на территории бывшего СССР являются материалы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками. 29 апреля 1943 года была создана комиссия ЧГК по Краснодарскому краю под председательством первого секретаря крайкома ВКП(б) П.И. Селезнева [3, л. 4]. Комиссия работала во всех районах края с целью установления и подсчета ущерба, нанесенного нацистскими захватчиками на временно-оккупированной территории Кубани. В этих отчетах представлены данные по материально-техническому, экономическому ущербу, а также зафиксирована информация о людских потерях. Несмотря на то, что в отчетах приводится общее количество убитых советских людей (по краю эта цифра составила 61 540 человек [3, л. 4]), протоколы опросов свидетелей и заявления очевидцев – первые официальные документы, где отдельно упоминается еврейское население как особая категория населения, наиболее пострадавшая от оккупационных властей.

В условиях формирования «многонационального советского народа» [4] в документах военного времени наблюдается выделение евреев как особой этнической категории населения СССР. Реализация «окончательного решения еврейского вопроса» на оккупированных территориях нацистской Германией в реалиях военного времени ставила под сомнение идею формирования единого советского народа. Язык материалов комиссии демонтирует идеологические установки предвоенного советского государства и их реалии в послеоккупационный период. В одном из актов комиссии читаем:

«Согласно приказа немецкого командования о явке на регистрацию всего еврейского населения города Краснодара за период с августа 1942 года по февраль 1943 года органами Гестапо было изъято под предлогом регистрации все оставшееся неэвакуированное население еврейской национальности Кагановичского района г. Краснодара, некоторые граждане сознательно не явились на регистрацию, зная заранее исход своей судьбы; в таком случае немецко-фашистские изверги вызывали граждан повестками или забирали из дома, устраивали охоту за евреями, вылавливали их по улицам и творили жестокую расправу над мирным населением города» [5, л. 6].

Исходя из текста (который в некотором смысле является шаблонным, написанным согласно заранее разработанным инструкциям по составлению актов о причинённом ущербе в регионах страны), становится

очевидным переплетением основной идеологической установки на формирование советской нации с реалиями военного времени и выделении евреев в особую категорию советских граждан. В одном ряду стоят такие этнонимы, как «мирное население», «граждане» и «еврейское население», что показывает утопичность идеи советского правительства о формировании надэтнической общности советских граждан.

Нация – это идеологический конструкт, играющий важную роль в определении позиций субъектов в рамках государства. По словам Б. Андерсона, нацией является «универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени» [6, с. 3]. В сводных отчетах комиссии, характеризующихся более шаблонным языком, можно прочесть более общие суждения, в которых национальный вопрос заменялся констатацией цифр и конкретных деяний оккупационного режима, направленного против сконструированной категории «советских граждан»: «Оккупировав станицу Старо-Темрюкскую, с 3 сентября 1942 года немецко-фашистские бандиты принялись за наведение “нового порядка” фашистской цивилизации и культуры, выразившейся в систематических расстрелах, издевательствах, пытках, насилиях, грабежах и расхищениях имущества граждан, учреждений, зверским отношением к Советским военнопленным, физическим уничтожением, насильным угоном в немецкое рабство, на каторжный труд в Германию» [7, л. 396]. В понятие «советские граждане» в данном случае были включены представители различных наций – жители СССР.

Свидетели Холокоста на территории бывшего СССР в своих показаниях сознательно подчеркивают еврейское происхождение жертв нацизма. Евреи в текстах как бы противопоставляются остальному населению оккупированных территорий, которое состоит из «советских граждан». Евреи тоже представители «советских» граждан, однако в источниках военного времени они выделяются в особую категорию. Это связано с более тяжелыми испытаниями, выпавшими на долю евреев, и массовыми убийствами евреев оккупированными властями. Лишь в некоторых документах отдельно прописывается русская нация, представители которой также преследовались нацистами. «После оккупации города Краснодара немецкое Гестапо стало производить массовые аресты мирных жителей города, как еврейского населения, а также и русских, которых подвергали жестоким пыткам, умерщвляли в машинах-душегубках и расстреливали ни в чем не повинных людей» [8, л. 165].

Материалы Чрезвычайной государственной комиссии интересны и в отношении формирования образа врага в советской идеологии. Доминирующей чертой массового сознания советского общества было активное неприятие политики и практики оккупантов, их идеологии и морали

[9, с. 166]. Психологическая природа противостояния как формы выражения мыслей и поступков людей вытекала из сущности самой войны. По словам Е. Зубковой, только на войне психологическая конструкция «мы – они» существует в чистом виде обоюдного неприятия. Императив «Убей его!» был главным принципом «науки ненависти», которую на войне прошло большинство участников военных действий. «Они» воспринимались как враждебное сообщество, ничего общего не имеющее с тем, что объединялось понятием «мы» [10, с. 6]. Данное мифологическое восприятие образа врага зафиксировано в материалах ЧГК, где присутствуют эмоционально-негативные описания врага – «изверги», «фрицы», «фашисты», «мародеры», «враги человечества», «бандиты» и т.д. [11]. Фашистские оккупационные власти в актах комиссии называются «людоедами», которые, например, «ежедневно на машине “Черный ворон” вывозили из Гестапо десятки арестованных советских граждан за хутор Красная Поляна Ново-Кубанского района к противотанковому рву, расположенному в километре западнее от профилированной дороги Армавир – Крапонкино, и там после чудовищных пыток расстреливались» [12, л. 2]. Интересно, что речь в данном акте идет о расстреле заключенных русской, еврейской и иных национальностей. И если при описании конкретных поступков оккупационных властей в текстах заявлений мирных актов и сводных актов подчеркивается национальность (прежде всего евреев) жертв режима, то при упоминании и перечислении виновных в содеянном жертвы предстают единым лагерем «советских мирных граждан». Язык материалов комиссии, формировавшийся в русле советской идеологии довоенного времени, наглядно показывает и доказывает тезис о сплоченности народа в борьбе с врагом, которого в исторических реалиях не было.

«Еврейский вопрос» являлся важной темой, нашедшей свое отражение уже в документах послеоккупационного периода отдельных регионов Советского Союза, в том числе Краснодарского края. Однако всестороннего освещения эта тема в период войны не получила ввиду формирования концепции советского государства о «единой советской нации». С другой стороны, постоянное указание еврейского происхождения жертв нацистского режима демонстрирует несостоятельность этой идеологической установки в СССР.

1. Реброва, И.В. Возможности критического дискурс-анализа как метода интерпретации устных историй о Великой Отечественной войне / И.В. Реброва // Былые годы. – 2012. – № 3. – С. 90–97.

2. Fairclough, N. The Dialectics of Discourse [Electronic resource] / N. Fairclough. – Mode of access : <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/2001a.doc>. – Date of access : 15.06.2012.

3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Фонд Р-7021. – Оп. 16. – Д. 586.

4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.km.ru/front-projects/belovezhskoe-soglashenie/sovetskaya-natsiya-mif-ili-realnost>. – Дата доступа : 12.05.2012.
5. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). – Фонд Р-807. – Оп. 1. – Д. 1. – Т. 1.
6. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. – М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
7. ГАКК. – Фонд Р-807. – Оп. 1. – Д. 1. – Т. 3.
8. ГАКК. – Фонд Р-807. – Оп. 1. – Д. 1. – Т. 1.
9. Малышева, Е.М. Социоэтнические компоненты массового общественного сознания в годы Великой Отечественной войны: патриотизм, интернационализм и коллаборационизм / Е.М. Малышева // Информационно-аналитический сборник / Адыг. респ. ин-т гуманитар. исслед. Отдел истории. – Майкоп, 2001. – Вып. 4.
10. Зубкова, Е. Общественная атмосфера после войны (1945–1946 гг.) / Е. Зубкова // Свобод. мысль. – 1992. – № 6. – С. 12–19.
11. ГАРФ. – Фонд Р-7021. – Оп. 16. – Д. 1-16.
12. ГАРФ. – Фонд Р-7021. – Оп. 16. – Д. 2. – Акт 41 389.

УДК 94(474.3+47+57)

В.А. ШАЛДОВА

Латвия, Даугавпилсский университет (Общество «Шамир»)

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ХОЛОКОСТЕ У РУССКИХ И ЛАТЫШЕЙ, ЖИВУЩИХ В ЛАТВИИ

Историческая и социальная память – важнейший компонент процессов формирования государства и нации. Существует значительный корпус литературы о значимости исторического нарратива для построения идентичности и достижения социального согласия [5; 9; 14; 22; 24]. Существует множество исследований, утверждающих, что коллективная память о рабстве сформировала сегодняшние межрасовые отношения в США [13; 27]. Другие ученые находят следы памяти о Холокосте в современной мировой политике [17; 25]. Недавние исследования на Ближнем Востоке показали, что разные взгляды на историю региона могут вызвать политическое насилие и помешать разрешению конфликтов [7; 26]. Воспроизведение коллективных воспоминаний очень важно и в то же время очень чувствительно к несогласию в обществе. Общее понимание прошлого дает членам общества ощущение осмысленности настоящего и предсказуемости будущего. Устойчивость социальной памяти, в свою очередь, зависит от процесса передачи информации от одного поколения к другому. Драматические события могут прервать передачу исторических нарративов и мифов от родителей к детям.

В настоящее время Латвийское государство пытается построить, в соответствии с европейскими тенденциями, общее пространство исторической памяти для всех жителей страны, интегрируя, таким образом, все части населения.

Накануне войны евреи Латвии составляли важную и довольно значимую часть населения (около 93 500 человек по переписи 1935 года) [8, с. 12]. Евреи жили во всех регионах Латвии, были интегрированы в социальную, экономическую и политическую жизнь страны. Поэтому тем или иным образом Холокост затронул практически каждого жителя Латвии: самих евреев, их нееврейских соседей или коллег, коллаборационистов, спасателей, тех, кто оказывал евреям разовую помощь, тех, кто воспользовался ситуацией и завладел еврейским имуществом, и Холокост стал значимой культурной травмой для населения Латвии.

Как предполагает американский психолог Дж.С. Александер, «социальная травма возникает, когда члены группы чувствуют, что подвергаются чудовищному воздействию, оставляющему несмываемый знак на групповом сознании и на групповой памяти, а также меняющему в будущем их групповую идентичность основательно и бесповоротно» [4, с. 3]. Его коллега Н. Смелсер добавляет, что для того, чтобы событие рассматривалось как культурная травма, память о нем должна быть представлена как всепоглощающая, травмирующая и пугающая как в культуре, так и в индивидуальной идентичности членов группы [4, с. 29].

Роль памяти не только в реконструкции прошлых событий, память также выполняет важную роль в формировании коллективной идентичности и легитимизации действий группы. Еще более важно то, что коллективная память может включать события, которые – по географическим или временным причинам – не присутствуют в опыте группы, а попали туда в результате культурной трансмиссии. Но даже в случае событий, перенесенных непосредственно индивидом, их реконструкция может быть нарушена из-за групповых норм или коллективных нарративов. Это особенно верно для травматических или крайне эмоционально насыщенных событий [4; 15; 23].

Американские исследователи М. Хирш и В. Смит утверждают, что «культурная память – это всегда опровержение требования власти. Что помнит культура и что она выбирает забыть, непосредственно связано с проблемами власти и гегемонии» [10, с. 19].

Как утверждает английский психолог П. Коннертон в своей классической работе о социальной памяти, коллективные воспоминания зависят от того, что он называл «акт передачи» – длительный набор процессов, благодаря которым индивиды и группы конструируют свои идентичности и чувство принадлежности к группе, воспроизводя общие,

хотя зачастую и противоречивые, нормы, условия и задачи. Несмотря на то, что индивидуальные нарративы являются важным источником информации, они не принадлежат индивиду, а являются социальными конструктами [6, с. 30–35]. Как настаивает французский классик социологии и социальной психологии Морис Хальбвакс, «люди обычно приобретают свои воспоминания в обществе. Там же, в обществе, они воспроизводят, узнают и локализуют свои воспоминания» [12, с. 56].

Социальная память – это последовательность сложных, постоянно изменяющихся процессов, динамический комплекс прошлого и будущего, запоминания и забывания как в результате изменений внутри групп и этносов, так и изменения возраста. Она фрагментарна и меняется как благодаря воздействиям внешней среды, так и при передаче от поколения к поколению. Все действия памяти – это акты творчества, представления и интерпретации.

С момента публикации фундаментальной работы о социальной памяти М. Хальбвакса [11] социальные психологи считают, что воспоминания индивидов формируются и определяются социальными представлениями о прошлом, разделенными внутри их группы [16; 20].

Социальные представления – это формы мышления и деятельности, основанные на «народной логике» [2, с. 46]. Они формируются, укрепляются и изменяются в эксплицитных и имплицитных процессах, несут указательную и конструктивную функции. Некоторые черты их стабильны, а другие – изменчивы.

Категория социального представления обозначает специфическую форму познания, а именно знания здравого смысла, содержание, функции и воспроизводство которых социально обусловлено. В более широком плане социальные представления – это свойства обыденного практического мышления, направленные на освоение и осмысление социального, материального и идеального окружения. Как таковые, они обладают особыми характеристиками в области содержания, ментальных операций и логики [19, с. 32]. Социальная детерминированность содержания и самого процесса представления предопределены контекстом и условиями их возникновения, каналами циркуляции, наконец, функциями, которым они служат во взаимодействии с миром и другими людьми... Они представляют собой способ интерпретации и осмысления повседневной реальности, определенную форму социального познания, предполагающую когнитивную активность индивидов и групп, позволяющую им фиксировать свою позицию по отношению к затрагивающим их ситуациям, событиям, объектам и сообщениям [21, с. 36].

По мнению С. Московичи, социальные представления описываются моделью, содержащей три измерения: информация, поле представлений и установка [2, с. 78]. Информация понимается как сумма знаний об объекте

представления. Определенный уровень информирования – необходимое условие формирования социального представления. Поле характеризует представление с качественной стороны. Оно существует там, где представлено «иерархизированное единство элементов», более или менее выраженное богатство содержания, наличествуют образные и смысловые свойства представления. Содержание поля является характерным для определенных социальных групп. Установка выражает общее отношение субъекта к объекту представления. В отличие от предыдущих двух измерений, установка может существовать при недостаточной информированности и нечеткости поля представлений. На этом основании С. Московичи делает вывод о генетической первичности установки [2].

Кроме активности, представления характеризуются еще и ориентировочной, направляющей деятельностью. Именно посредством представлений факты окружающего мира подвергаются трансформации, оценке, чтобы стать знанием, используемым в повседневной жизни. Московичи писал: «Представление – не просто промежуточная инстанция, а процесс, который делает понятие и восприятие в каком-то смысле взаимозаменяемыми, поскольку они взаимно порождают друг друга» [2, с. 40].

Работа представления по сглаживанию непривычного, введение его в систему значений идет двумя путями: дифференциации и интеграции, а именно либо разложением нового на перцептивные элементы, либо соединением его цепью связей с привычными образами и понятиями. Компоненты социальных представлений структурированы в относительно стабильное ядро и гибкие периферийные элементы [18].

В ходе данного исследования были опрошены 96 представителей русской части и 129 представителей латышской части населения Латвии, что приблизительно сопоставимо с процентом этих групп по стране. Респонденты проживали в Риге и в двух других регионах: Латгалия (восточная часть) и Курземе (западная часть). Возраст и пол респондентов в опросе не учитывался.

Респондентам предлагался бланк опроса, на котором они должны были написать все ассоциации к слову «Холокост». Их ответы были распределены в соответствии со следующими категориями: Холокост (определение), география (с подкатегориями «Латвия», «Германия», «другое»), методы Холокоста, символы Холокоста, другие жертвы (не-евреи), спасатели, отношение к Холокосту, сопротивление.

Вопросы исследования мы ставили следующим образом: будут ли отличаться социальные представления о Холокосте у русских и латышей Латвии по содержанию и эмоциональной направленности? Является ли Латвия значительным элементом этих представлений? Включают ли представления о Холокосте информацию о различных типах сопротивления,

в том числе и спасателях евреев? Каким образом в представлениях о Холокосте присутствует острая для Латвии тема коллаборационизма, и различается ли этот компонент в представлениях латышей и русских?

Удалось выявить три компонента представлений о Холокосте: когнитивный, эмоциональный и поведенческий – и описать их, руководствуясь этой моделью.

Когнитивный компонент

В обеих группах наиболее распространенной категорией оказалось «определение Холокоста», 174 слова у русских и 238 – у латышей, то есть 44 % и 40 % от общего числа ответов соответственно.

Следующими по распространенности следуют категории «символы Холокоста» – 10 % в латышской группе и 15 % в русской, и «методы» – 14,6 % и 12,6 % от общего числа ответов соответственно. В качестве символов Холокоста респонденты обеих групп называют: могилы, трупы, Гитлер, кладбища, кровь, фотографии, жертвы, неубранные кладбища, поезд, Анна Франк, Хрустальная ночь, газенваген, скелет, проволока, звезда Давида, рвы, лай собак, звук сирен, прожекторы, проволока. В категории «методы Холокоста» фигурируют газовые камеры, концлагеря, гетто, массовое убийство, унижение людей, медицинские эксперименты, посыпание трупов солью, сжигание синагог. Эти понятия, на наш взгляд, и являются ядром социальных представлений о Холокосте в Латвии.

Отдельного внимания заслуживает место Латвии в представлениях респондентов о Холокосте. Следует отметить, что понятия, имеющие отношение к Латвии, составляют 2,8 % от общего числа ассоциаций в группе латышей и 3,3 % – в группе русских респондентов, что, безусловно, является крайне малым процентом.

В латышской группе 10 % респондентов упоминают топонимы, имеющие отношение к области проживания: сарай в Злэках, где сожгли евреев (в действительности же в 1944 г. там были сожжены крестьяне, помогавшие партизанам), кладбище в Лудзе (город на востоке Латвии), расстрел в Погулянке (район г. Даугавпилса, где проводились массовые расстрелы), кладбище в Прейли (город на востоке Латвии). Упоминаются также Рижское гетто, командир отряда коллаборационистов-убийц Виктор Арайс (2 раза), Румбула и Бикирниекс (места массовых расстрелов в Риге), концлагерь Саласпилс, памятник у Латгальского рынка на месте сожженной Хоральной синагоги, шуцманы, трижды упоминается слово «Латвия», один раз «латыши» как спасатели. Несмотря на то, что мы не проводили сегментацию выборки по возрасту, эти ответы (за исключением сарая в Злэках) встречаются в опросниках молодого поколения (19–24 года).

Дважды упоминается лагерь «Саласпилс». Там содержались западноевропейские евреи, но как ключевой топоним, связанный с

Холокостом, он массово не используется. Но на территории бывшего лагеря находится большой мемориал, в советское время – очень ухоженный, грамотно сделанный с точки зрения воздействия на посетителей, вокруг которого периодически разворачиваются общественные дискуссии.

Категория «Латвия» в русской группе встречается в 7 опросниках, или у 7,3 % респондентов. Дважды упоминаются имена спасшихся: Элла Медалье и Фрида Михельсон (в одном и том же опроснике), 1 раз – команда коллаборационистов Арайса, по 1 разу места уничтожения Румбула, Бикирниеки, Погулянка, Рижское гетто, Московский форштадт, где находилось гетто в Риге, лагерь Саласпилс, малые города Латвии.

Нелатвийские топонимы составляют 4,1 % от всех ответов в русской группе и 5 % у латышей. Категория «Германия» в латышской группе встречается в 16 опросниках, то есть у 13 % респондентов. Упоминается 1 раз «влияние фашистской Германии» и 1 раз «постыдное пятно в истории Германии». В русской группе она упоминается у 12 % респондентов. Один раз упоминается мемориал в Берлине, 10 раз – понятие «немцы» и «Германия».

В одном из опросников одновременно используются единица из категории «Латвия», единица из категории «Спасатели» и единица из категории «Германия» – «Холокост» – массовое убийство евреев, когда на территории Латвии находились военные силы Германии. Как евреи бросали свои дома и убегали от военных сил. Как латыши, зная о смертельной опасности, прятали евреев в своих домах».

Категория «Сопrotивление» не встречается в ответах ни одной из групп. Понятия из категории «спасатели» встречаются 2 раза у русских и 6 раз у латышей, что составляет 0,5 % и 0,8 % от общего числа ответов соответственно.

Спасатели в латышской группе упоминаются 6 раз у 3,8 % респондентов. Из них – 3 раза Жанис Липке как самый известный спасатель (1 раз в контексте «образцы человечности и героизма, как Жанис Липке, которые не боялись спасать жизни евреям»), 1 раз «латыши, зная о смертельной опасности, прятали евреев в своих домах», 1 раз «дед соседей, помогавший евреям», 1 раз «люди, которые помогали». В русской группе категория «спасатели» встречается трижды у 3 % опрошенных. Два раза упоминается Жанис Липке, один – «люди, спасавшие евреев».

Категория «коллаборационисты» не выделялась отдельно, но она упоминается 5 раз в других категориях: убийство Г. Цукурса (1 раз – латыш), имеющее скорее негативную окраску в национально настроенных кругах, расстрельная команда В. Арайса (2 раза – латыши, 1 раз – русский), шуцманы (1 раз – латышка).

Эмоциональный компонент

Второй по распространенности стала категория «отношение к Холокосту»: жестокость, ужас, несправедливость, слезы, крики, отчаяние, холодное, злое, сырость, негативные ассоциации, жестокость, злость, неуважение. Частота использования – 19 % от общего числа ответов в русской группе и 23 % в латышской. Таким образом, респонденты обеих групп демонстрировали ярко выраженное негативное отношение к Холокосту и сострадательное – к его жертвам.

Трижды в ответах латышской группы фигурируют высказывания, которые можно было бы назвать антисемитскими или ревизионистскими: «Гитлер, будучи сам частично евреем» (латышка, 19 лет, Елгава), «у евреев отобрали все золото и деньги, которых у них было много» (латыш, 21 год, Рига), а также текст о недопустимости уголовной ответственности за отрицание Холокоста (латыш, 21 год, Рига). Дважды в латышских опросниках встречается упоминание евреев как талантливых торговцев и умных людей, которых уничтожили. В ответах русских респондентов такого отношения не обнаружено.

Поведенческий компонент

Под поведенческим компонентом мы подразумеваем действия, связанные либо с мемориализацией Холокоста, либо с получением знаний о нем. Это может быть посещение памятных мест, участие в их уборке или ремонте, упоминание дней памяти жертв, прочитанных книг, просмотренных кинофильмов, посещенных музеев. Мы предполагаем, что такие действия могли бы компенсировать психологическую травму Холокоста.

Как показывают результаты исследования, ни русские, ни латышские респонденты не демонстрируют активного отношения к событиям недавней истории.

Крайне скудны упоминаемые источники информации: учебник (1 раз), спектакль «Дни портных в Силмачах» (пьеса латышского писателя Р. Блауманиса о довоенной жизни в провинции, где евреи показаны достаточно тенденциозно) (1 раз), фильм «Дитя человека» о жизни в Латгалии перед войной, фильмы «Пианист», «Жизнь прекрасна», «Список Шиндлера» (по 1 разу). Однажды упоминается история о том, как соседский дед спасал евреев. Ни разу не называется ни одна книга воспоминаний переживших Холокост, которые были изданы в Латвии за последние годы в достаточном количестве. Также не упоминаются в качестве источников семейный опыт, соседи, жизнь городков и т.д. Это тем более странно, что значительная часть респондентов – студенты, частью – студенты исторических факультетов. Отсутствуют также упоминания о посещенных памятных местах или музеях как в Латвии, так и за рубежом.

В первую очередь нужно отметить отсутствие значительных различий между результатами исследования в группе латышей и русских. В ядре социальных представлений о Холокосте у латышей и русских, проживающих в Латвии, самые общие ассоциации «жестокость, ужас, страх» из категории «отношение» и «война, смерть, уничтожение» из категории «общее определение». Мы также можем утверждать о негативной и сострадательной эмоциональной направленности представлений, принятой в любом цивилизованном обществе.

В то же время можно говорить о низкой осведомленности, об отсутствии развернутого понятия «Холокост» в исторической памяти. Крайне ограниченное количество географических названий, имен спасателей, выживших, источников информации говорит нам о низком уровне знаний респондентов, что, на наш взгляд, является препятствием для работы с психологической травмой и создания общего пространства памяти.

Представления о Холокосте практически не связаны с Латвией ни у латышей, ни у русских. Среди источников ни разу не указываются источники локальные, латвийские. Ни разу не упоминается тема Сопротивления, несмотря на то, что в качестве источника информации встречается фильм «Пианист», где центральная тема – восстание в Варшавском гетто. Минимально используется категория «спасатели», из реальных людей упоминается только Жанис Липке, самый известный спасатель евреев.

Для проработки исторической травмы и для создания общего пространства коллективной памяти необходимы положительные образы, которыми могли бы стать образы борцов с нацизмом как евреев в Сопротивлении, так и спасателей. Отсутствие их в социальных представлениях затрудняет эти два процесса.

Таким образом, можно утверждать, что жители Латвии не связывают понятие Холокост со своей страной, мало о нем знают и не совершают активных действий, направленных на сохранение памяти и получение информации о нем. Тем не менее, они выказывают сочувственное отношение к жертвам и отрицательное – к Холокосту.

1. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рвератах. – М. : РГГУ, 1996. – 255 с.

2. Московичи, С. Машина, творящая богов / С. Московичи ; пер. с фр. – М. : Центр психологии и психотерапии, 1998. – 560 с.

3. Уничтожение евреев в Латвии. 1941–1945 / под ред. М. Баркагана. – Рига : Шамир, 2009.

4. Alexander, J.C. Cultural trauma and collective identity / J.C. Alexander, R. Eyerman, B. Giesen, N.J. Smelser ; P. Sztompka (eds.) // University of California Press. – Berkeley, CA, 2004. – P. 1–30.

5. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism Verso / B. Anderson. – New York, 1991.

6. Connerton, P. *How Societies Remember* / P. Connerton. – Cambridge, 1989.
7. Davis, E. *Memories of State: Politics, History and Collective Identity in Modern Iraq* / E. Davis // University of California Press. – Berkeley, CA, 2005.
8. Dribins, L. *Ebreji Latvijā* / L. Dribins. – Rīga : Elpa-2, 2002.
9. *Becoming National: a Reader* / G. Eley ; R.G. Suny (eds.) // Oxford University Press. – New York, 1996.
10. Hirsch, M. *Feminism and cultural memory: an introduction* / M. Hirsch, V. Smith // *Journal of Women in Culture and Society*. – 2002. – № 1.
11. Halbwachs, M. *La Mémoire Collective* / M. Halbwachs / Presses Universitaires de France. – Paris, 1950.
12. Halbwachs, M. *On Collective Memory* / M. Halbwachs. – Chicago, 1992.
13. Hoetink, H. *Slavery and the Race Relations in the Americas: Comparative Notes on their Nature and Nexus* / H. Hoetink. – 1973.
14. Jedlicki, J. *Historical memory as a source of conflicts in Eastern Europe* / J. Jedlicki // *Communist and Post-Communist Studies*. – 1999. – № 32 (3). – P. 225–232.
15. LaCapra, D. *Writing Trauma, Writing History* / D. LaCapra // The John Hopkins University Press. – Baltimore, London, 2001.
16. Liu, J.H. *How the past weights on the present: social representations of history and their role in identity politics* / J.H. Liu, D.J. Hilton // *British Journal of Social Psychology*. – 2005. – № 44. – P. 537–556.
17. Maier, C.S. *The Unmasterable Past: History, Holocaust, and German National Identity* / C.S. Maier // Harvard University Press. – Cambridge, MA, 1988.
18. Markova, J. *Towards an Epistemology of Social representations* / J. Markova // *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 1997.
19. *Social Representations of Individual: a postcommunist perspective* / J. Markova [et al.] // *European Journal of Social Psychology*. – 1998. – 28-5.
20. Misztal, B.A. *Theories of Social Remembering* / B.A. Misztal // Open University Press. – Maidenhead, Philadelphia, 2003.
21. Moliner, P. *Attitudes and Social Representations: a Theoretical and Experimental Approach* / P. Moliner, E. Tafani // *European Journal of Social Psychology*, 1997.
22. Rorlich, A.-A. *History, collective memory, and identity: the Tatars of sovereign Tatarstan* / A.-A. Rorlich // *Communist and Post-Communist Studies*. – 1999. – № 32 (4). – P. 379–396.
23. Shortt, J.W. *Talking versus hearing about holocaust experiences* / J.W. Shortt, J. Pennebaker // *Basic and Applied Social Psychology*. – 1992. – № 13. – P. 165–179.
24. Spillman, L.P. *Nation and Commemoration: Creating National Identities in the United States and Australia* / L.P. Spillman // Cambridge University Press. – New York, 1997.
25. Schrafstetter, S. *Memory, the Cold War, and the Western European victims of Nazism, 1956–1964* / S. Schrafstetter. – *Holocaust and Genocide Studies*. – 2003. – № 17 (3). – P. 459–479.
26. *Identity and Foreign Policy in the Middle East* / S. Telhami, M. Barnett (Eds.) // Cornell University Press, Ithaca, NY, 2002.
27. Woessner, M. *Slavery reparations and race relations in America: assessing how the restitutions debate influences public support for Blacks, civil rights, and affirmative action* / M. Woessner, A. Kelly-Woessner. – 2006.

Раздел 3**НАЦИСТСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ В БЕЛАРУСИ И ЕВРОПЕ. ПРОБЛЕМА ГЕНОЦИДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

УДК 94(4) (=16) “1939/1945” + 327 (430:4) (091) “1939/1945”

М.С. ДОВГЯЛЛО

Беларусь, Минск, БГУ

**ПОЛИТИКА ГЕНОЦИДА СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Развязывая Вторую мировую войну, гитлеровская Германия поставила своей целью завоевание мирового господства, покорение чужих стран и народов. В качестве одного из орудий для достижения этого правящая верхушка Германии использовала геноцид. С самого начала гитлеровцы заявили, что они стремятся к уничтожению целых народов. «Надо любыми средствами, – говорил Гитлер, – добиваться того, чтобы мир был завоеван немцами. Если мы хотим создать нашу великую Германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы – русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов. Нет никаких причин не сделать этого». Гитлер и его клика заранее планировали уничтожение мирного населения оккупированных стран, заранее создавали фабрики смерти. В этих целях до начала войны был издан ряд памяток, заповедей и других документов для солдат и офицеров. Убийц нередко готовили на специальных курсах, где руководители и инструкторы внушали своим подчиненным, что славянские народы являются неполноценными и должны в подавляющем большинстве быть уничтожены.

Как упоминалось в документах Нюрнбергского процесса, практическую проверку эффективности своей идеологии гитлеровцы начали проводить еще до развязывания Второй мировой войны. После прихода к власти Гитлер сразу же дал указание создать в стране концентрационные лагеря, куда помещались арестованные коммунисты и другие лица, которые подозревались в нелояльности фашистскому режиму, а также евреи.

Расовая теория была действенным оружием в руках Гитлера. Главная ее цель заключалась в покорении других народов, в установлении системы рабства во всей Европе, при которой немцы играли бы роль хозяев и надсмотрщиков. Расовый фактор был также объявлен главной движущей силой общественного развития.

Свою восточную политику Гитлер сформулировал в книге «Майн Кампф» («Моя борьба») в 1925 г. еще задолго до прихода нацистов к власти [1, с. 36]. Планов в дальнейшем он не менял. Так, 6 октября 1939 г. фюрер подчеркнул на совещании с командным составом вермахта, что после поражения СССР в предстоящей войне будет осуществлено истребление славянского населения в таких размерах, что частичное уничтожение евреев необходимо рассматривать только как эксперимент для подобных кампаний в будущем. Вооруженные силы Третьего рейха заранее освобождались от всякой ответственности за будущие преступления на оккупированной территории. Гитлер неоднократно заявлял на совещаниях с руководителями Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) и военачальниками: «Мы обязаны истреблять население, это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придется развить технику истребления населения. Мы приветствуем регулирование населения... Одна из задач германского государственного управления во все времена будет заключаться в предотвращении развития славянских рас. Наши естественные инстинкты подсказывают, что их надо не только побеждать, но и уничтожать... Я освобождаю людей от сдерживающего начала ума... от химеры, носящей название совесть и мораль» [2, с. 446–448]. Гитлер требовал уничтожить 30 млн славян.

Политику массового уничтожения целых народов гитлеровцы проводили различными способами. В числе их были массовые расстрелы мирного населения на оккупированных территориях, уничтожение при помощи бомбардировок, заключение миллионов людей в концентрационные лагеря, режим которых был рассчитан на прямое истребление узников. Обычными атрибутами физического геноцида были «душегубки», крематории для сжигания людей и т.д. Как отмечалось на Нюрнбергском процессе советскими обвинителями и обвинителями союзных государств, для злодеяний против человечества «была создана определенная система, которая имела единство приемов умерщвления: одно и то же устройство газовых камер, массовая штамповка круглых банок с отравляющим веществом “циклоном А” или “циклоном В”, построенные по одним и тем же проектам печи крематориев, одинаковая планировка “лагерей уничтожения”, стандартная конструкция зловонных “машин смерти” – “газен-вагенов”. Все это указывало на единую злую волю, которая объединяла всех убийц и палачей» [2, с. 359].

Годы Второй мировой войны – сложнейший и противоречивый период в истории славянского населения стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Одни из них подверглись оккупации и геноциду, другие – словаки, хорваты – впервые за многие сотни лет обрели собственную государственность. Так, население Польши подвергалось репрессиям и

преследованиям. Особенно беспощадным было отношение гитлеровцев к евреям и цыганам. Поляков брали в заложники, отправляли на принудительные работы в Германию, заключали в концлагеря, крупнейшими из которых на территории Польши были Освенцим, Трешлинка и Майданек, расстреливали. По показателю людских потерь Польша занимала первое место среди всех оккупированных Германией европейских стран: 220 человек на 1 000 жителей [3, с. 47]. До 1941 г. Словакия была единственным вновь созданным государством в Европе, добилась ограниченного международного признания. В апреле 1941 г. было создано, с благословения оккупантов, так называемое Независимое государство Хорватия (НГХ) после исчезновения с политической карты Европы Югославии. На его территории находились немецкие и итальянские части, а деятельность созданного правительства полностью контролировалась уполномоченными представителями фашистских держав. По сути, созданное государство стало частью оккупационной системы, установленной на территории потерпевшей поражение Югославии.

Один из главарей НСДАП Борман следующим образом сформулировал политику по отношению к славянам: «Славяне должны на нас работать. Если они нам более не нужны, они могут умереть. Рост славянского населения является нежелательным» [4, с. 1005]. Отношение к Польше и к польскому народу было определено Гитлером следующим образом: «К Польше надлежит относиться как к колонии, к полякам же – как к невольникам, современному рабскому сословию великой мировой немецкой империи» [5, с. 11]. После захвата Польши в 1939 г. часть ее земель была присоединена к Германии. Оставшаяся территория стала называться Польским генерал-губернаторством. Во главе его Гитлер поставил Ганса Франка. Планы в отношении Польши были довольно сложны. Поляки должны были стать рабами великой Германской империи, ввозить в генерал-губернаторство сотни тысяч евреев, представителей интеллигенции и других нелояльных нацистам элементов. Евреи были обречены на быстрое уничтожение. Более того, поскольку гитлеровцы видели, что польская интеллигенция не поддается германизации и может служить источником сопротивления, они решили уничтожить и эту интеллигенцию. Так, в 1939–1940 гг. нацисты начали специальную операцию, направленную против польской интеллигенции. Она получила кодовое название «Акция АБ» [6, с. 326]. В сентябре 1939 г. гестапо арестовало нескольких профессоров Ягеллонского университета. Это было началом акции. В ноябре в лагерях оказалось большое число ученых из краковских высших учебных заведений. Было дано распоряжение не отправлять арестованных профессоров в Германию, а уничтожить на месте. В январе 1940 г. руководитель нацистской администрации в Польше Франк писал в своем дневнике, что «дешевые

рабочие должны вывозиться из генерал-губернаторства сотнями тысяч. Это предотвратит биологическое размножение польского народа». Германия проводила эту политику в Польше настолько успешно, что к концу войны треть населения была убита, а вся страна предана опустошению [7, с. 562].

В местах, где происходили диверсии или партизанские нападения, германским командованием широко применялись меры устрашения и коллективной ответственности: массовые заключения в концлагеря, взятие заложников, сжигание крестьянских домов, многочисленные казни, в том числе публичные. Оккупационные власти широко объявляли о том, что за каждого убитого немецкого военнослужащего подлежат казни 100 местных жителей.

В годы Второй мировой войны сербы оказались в числе главных противников Третьего рейха на Балканах. Глава хорватских усташей А. Павелич в июне 1941 г. во время встречи с Гитлером и присоединения НГХ к Тройственному пакту, заверил фюрера, что сербский вопрос будет решен радикально. Треть сербов, проживающих на территории НГХ, будет уничтожена, треть – обращена в католичество, а оставшаяся треть – выселена в Сербию. Утверждению диктатуры усташей сопутствовали концлагеря, карательные экспедиции, тотальное уничтожение цыган и евреев, а также хорватских антифашистов [2, с. 159]. Усташаи стали проводить в отношении сербов политику настоящего геноцида, принявшего массовый и невероятно жестокий характер. Рассматривая национальное государство как государство, в котором право на существование имеет лишь одна нация, идеологи усташства обосновали необходимость «очищения» его территории от этнических меньшинств. Эта политика осуществлялась в трех направлениях. Во-первых, была развязана пропагандистская кампания, изображавшая сербских жителей врагами хорватского народа, которым не место в НГХ. Во-вторых, власти стали ограничивать передвижение сербов, возможности их местожительства, их имущественные права. Была запрещена кириллица, принудительно переименована «сербско-православная вера» в «греко-восточную», усилилось давление с целью заставить людей перейти из православия в католичество. В-третьих, с конца апреля 1941 г. начались по нарастающей массовые убийства сербов в местах их компактного проживания [8, с. 396–397]. Распоряжением Министерства внутренних дел НГХ всем православным сербам строго предписывалось носить на руке средневековый знак гетто: голубую повязку с буквой «П», первой буквой в слове «православный». Евреи должны были носить звезду Давида вначале на рукаве, а несколько позднее – на спине. Около 2 млн 200 тыс. сербов и 80 тыс. евреев в НГХ были, таким образом, заклеены [9, с. 98]. Идеология усташского движения – этнический национализм, фактически стала

государственной идеологией этого государства, просуществовавшего до мая 1945 г., когда вся территория НГХ была освобождена войсками Тито.

На сегодняшний день хорватским исследователям крупнейшего (но не единственного) лагеря НГХ «Ясеновац» достоверно известны имена 45 923 сербов (20 569 мужчин, 12 765 женщин, 12 589 детей до 14 лет обоого пола), а также других жертв НГХ (16 045 цыган, 12 865 евреев, 4 197 хорватов, 1 113 мусульман), убитых в этом лагере. Согласно данным, приведенным на установленной в нынешнее время в лагере «Ясеновац» мемориальной стеле, в лагере погибли 700 000 человек, большая часть которых были сербами. Всего потери Югославии в годы Второй мировой войны оцениваются в 1 014 000–1 027 000 человек (демографические потери 1 925 000–2 022 000), около половины которых были сербами [10, с. 105–106].

На территории Германии и в оккупированных областях гитлеровцы создали большое количество лагерей смерти, таких как Освенцим, Майданек, Маутхаузен, Трешлинка, Дахау, Заксенхаузен, Равенсбрюк, Бухенвальд и др. Узники концлагерей были разбиты на множество категорий, каждая из которых была либо на ступеньку ниже в лагерном аду, либо на ступеньку выше и имела свой цвет, свой ярлык. В этих лагерях преднамеренно, при помощи голода, пыток и системы принудительного рабского труда были уничтожены десятки миллионов людей. В Освенцимском лагере были и газовые камеры, и крематории, и хирургические отделения, и лаборатории – все это было предназначено для уничтожения людей [6, с. 334]. По данным, приведенным обвинением на Нюрнбергском процессе, в этих концлагерях и их филиалах было в общей сложности расстреляно, умерщвлено побоями, ядовитыми газами, голодом, непосильным трудом и т.д. примерно 12 млн человек различных национальностей [11, с. 467]. Не менее жестоко гитлеровцы обращались с югославскими военнопленными и партизанами, попавшими к ним в плен. Пленных бойцов югославских вооруженных сил вешали и расстреливали. Та часть военнопленных, которая избежала немедленного уничтожения, направлялась в специальные лагеря и постепенно истреблялась путем голода и самой изнурительной работы. Такой лагерь был создан в 1942 г. в Ботене у Рогнана (Норвегия). Сюда было сослано около тысячи югославских военнопленных. Установлено, что всего в этом лагере различными способами уничтожено 880 югославских военнопленных. В тексте югославского правительственного доклада, предоставленного трибуналу, содержатся сведения о расстреле югославских пленных в лагерях Вайсфьорд, Корген, Озен, Оснабрюке (Норвегия). Немцы часто расстреливали их из прихоти, без всякой причины [12, с. 109–111]. Всюду, куда вступали немецко-фашистские войска, устанавливалась жестокая, бесчеловечная оккупационная власть, ставившая целью ограбление и обезлюживание огромных территорий. Это был не только террор, это был

геноцид – продукт теории о господстве «высших» рас над «низшими», теории, допускавшей уничтожение целых народов.

Советская сторона благожелательно отнеслась к предложению правительств Польши, Чехословакии и Югославии назначить по одному обвинителю от своих стран, которые бы выступили на Нюрнбергском процессе. Однако правительства США и Великобритании встретили это предложение в штыки. В результате они присутствовали на процессе лишь в роли наблюдателей [13, с. 313, 480–481]. Польша, Чехословакия и Югославия передали Советскому обвинителю большое число документов о преступлениях нацистов на их территории.

Одним из наиболее позорных преступлений гитлеровцев в Польше, Чехословакии и Югославии являлось повсеместное насаждение системы заложничества. Насаждая эту систему, гитлеровцы попирали все законы и обычаи войны. Так, еще до начала Второй мировой войны тысячи чешских патриотов, в особенности католических и протестантских священников, юристов, докторов, учителей и т.д., были арестованы. В 1940 г. Карл Франк заявил в речи к «вождям движения национального единства», что 2 тысячи чешских заложников, находящихся в концлагерях, будут расстреляны в том случае, если видные чешские деятели откажутся подписать заявление о лояльности. После покушения на исполнявшего обязанности «имперского протектора Богемии и Моравии» Гейдриха многие из этих заложников были казнены. Кроме этого, предусматривалось изгнание интеллигенции из страны. Остальное население предлагалось не изгонять или истреблять, а подвергнуть германизации, так как ощущался недостаток в немцах, которые могли бы занять их место. В Югославии массовые расстрелы заложников стали повседневной практикой военного командования и военной администрации. Приведем данные относительно Сербии: «3 октября 1941 г. в Белграде расстреляно 450 заложников; 17 октября – 200, 27 октября – 50, 3 ноября расстреляно 100 заложников» [7, с. 205–206].

В настоящее время возникло новое, масштабное зло – терроризм, быстро выросший в самостоятельную глобальную силу. С фашизмом его объединяет многое, в частности полное пренебрежение моралью, ценностью человеческой жизни и т.д. Неожиданные, непредсказуемые атаки, цинизм и жестокость, массовость жертв сеют страх и ужас в странах, которые, казалось, хорошо защищены от любой угрозы. Уже сегодня оно представляет серьезную угрозу развитию человечества. Напрашивается вопрос, сколько и каких усилий требуется предпринять, чтобы из опыта Нюрнбергского процесса были сделаны конкретные выводы, которые стали бы прологом к созданию миропорядка без войн и насилия, основанного на реальном невмешательстве во внутренние дела других государств и народов.

1. Дашичев, В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы / В.И. Дашичев. – Т. 1 : Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе. 1933–1941. – М. : Наука, 1973. – 767 с.
2. Звягинцев, А. Нюрнбергский набат. Репортаж из прошлого, обращение к будущему / А. Звягинцев. – М., 2006. – 1120 с.
3. История южных и западных славян : в 2 т. – Т. 2 : Новейшее время : учебник / под ред. Г.Ф. Матвеева и З.С. Ненашевой. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во МГУ, 2008. – 367 с.
4. Нюрнбергский процесс : сб. материалов. – 3-е изд. – М., 1955. – Т. 2. – 1156 с.
5. Пилиховский, Ч. Давности не подлежит / Ч. Пилиховский. – Варшава, 1980. – 196 с.
6. Геноцид и массовые репрессии: Истребление по национальным и религиозным мотивам. – Минск : Литература, 1996. – 576 с. (Энциклопедия преступлений и катастроф).
7. Звягинцев, А.Г. Главный процесс человечества. Нюрнберг: документы, исследования, воспоминания / А.Г. Звягинцев. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 654 с.
8. Югославия в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров. – М. : Инрик, 2011. – 887 с.
9. Петрович, Р. Геноцид по благословению Ватикана / Р. Петрович. – Н. Новгород : Рус. купец, 1992. – 112 с.
10. Тимофеев, А.Ю. Сербские союзники Гитлера / А.Ю. Тимофеев. – М. : Вече, 2010. – 269 с.
11. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 8 т. – М., 1987. – Т. 8. – 656 с.
12. Сидоренко, А.Г. Терроризм и антитеррористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики / А.Г. Сидоренко, Ю.В. Тихомиров. – М. : Кучково поле, 2011. – 640 с.
13. СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории : сб. документов / Международный фонд «Демократия» (Фонд А.Н. Яковлева) ; сост. и науч. ред. Н.С. Лебедев. – М. : МФД, 2012. – 619 с.

УДК [947.6-15+338.43.02(476-15=38)(091)]»1941/1944»

С.Л. КАЗЛОВА

Беларусь, Мінск, Інстытут гісторыі НАНБ

**РЭАЛІЗАЦЫЯ НАЦЫСЦКІХ КАЛАНІЗАЦЫЙНЫХ ПЛАНАЎ
У АДНОСІНАХ ДА СЕЛЬСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА
ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1941–1944 гг.)**

У пасляваенны перыяд у айчынай гістарыяграфіі з’явілася шмат навуковых прац, у якіх распрацоўваліся розныя аспекты гісторыі Беларусі ваеннага часу. Была апублікавана значная колькасць дакументальных крыніц, выдадзены энцыклапедыі, навуковыя манаграфіі, даведнікі. Аднак асноўная ўвага ўдзялялася разгляду ваеннай гісторыі – ваенным дзеянням на франтах, партызанскаму і падпольнаму руху. Што тычыцца гісторыі

самой вайны, гісторыі жыцця людзей падчас вайны на акупаванай тэрыторыі, гісторыі акупацыі, гэтыя праблемы закрануты слаба. Да гэтага часу недастаткова вывучанай з'яўляецца эканамічная палітыка нямецкіх акупантаў на тэрыторыі захопленай Беларусі і яе ўплыў на жыццё мясцовага беларускага насельніцтва.

Неабходна адзначыць, што айчынныя гісторыкі не ў дастатковай ступені разглядалі асаблівасці забеспячэння і ажыццяўлення эканамічнай палітыкі нямецкіх захопнікаў на Беларусі ў залежнасці ад зон акупацыі і этапаў вайны. Даследчыкамі вывучалася ў асноўным беларуская тэрыторыя, якая ўваходзіла ў склад Генеральнай акругі Беларусь. Пры гэтым аналіз нацысцкай палітыкі на той частцы тэрыторыі Беларусі, якая падчас вайны ўваходзіла ў склад генеральнага камісарыята “Валынь-Падолія” (рэйхскамісарыят “Украіна”) і акругі “Беласток” (Усходняя Прусія), амаль што не праводзіўся. А між тым на кожнай з гэтых тэрыторыяў эканамічная палітыка нямецкіх акупантаў мела свае асаблівасці і адрозненні, якія залежалі ад шматлікіх унутраных і знешніх фактараў, аналіз якіх дазволіць больш дакладна высветліць мэты, метады і вынікі эканамічнай палітыкі ў цэлым на акупаванай беларускай тэрыторыі.

У дадзеным артыкуле мы больш падрабязна спынімся на разглядзе такой сферы эканамічнай палітыкі нацыстаў, як палітыка каланізацыі. Асноўныя прынцыпы нацысцкай каланізацыйнай палітыкі, якія былі заснаваны на захопе новай “жыццёвай прасторы”, былі вызначаны задоўга да пачатку вайны з СССР. У агульных рысах яны былі прадстаўлены яшчэ ў 1926 годзе ў кнізе А. Гітлера “Майн кампф”: “Будучыню нацыі нельга забяспечыць без новых зямель. Зямля – гэта мэта нашай знешняй палітыкі... Мы, нацыяналістацыялісты... звяртаем свой погляд на землі на Усходзе. Мы... пераходзім да тэрытарыяльнай палітыкі будучыні... Мы можам у першую чаргу думаць толькі аб Расіі і падпарадкаваных ёй прыгранічных дзяржавах...” [1, с. 34]. У тым жа годзе адзін з апалагетаў нацызму Ганс Грым у сваёй кнізе “Народ без прасторы” пісаў, што немцам не хапае “жыццёвай прасторы”, і адкрыта казаў аб неабходнасці яе заваявання [2, с. 27].

На пасяджэнні кіраўнічага складу нацысцкай партыі ў 1932 годзе ў Мюнхене было заяўлена, што Германія павінна кіраваць тэрыторыяй да Урала, і гэта тэрыторыя павінна быць планамерна ачышчана ад мясцовага насельніцтва і заселена германскімі каланістамі, якія будуць валодаць буйнымі маёнткамі. Пры гэтым адзначалася, што мясцовае сялянства будзе пазбаўлена зямлі і выкарыстана ў якасці сельскагаспадарчых працоўных [2, с. 26].

У 1930-я гады само правядзенне эканамічнай палітыкі нацыстаў у дачыненні да нямецкага сялянства закладвала падмурак для будучых планаў каланізацыі савецкіх тэрыторый. Справа ў тым, што, згодна з законам “Аб спадчынных дварах”, які быў выдадзены ў верасні 1933 года,

сельскае насельніцтва Германіі было падзелена на дзве катэгорыі: “сялян” і “сельскіх гаспадароў”. Права называцца “сялянамі” атрымоўвалі толькі тыя асобы, якія з’яўляліся ўласнікамі зямлі памерам ад 7,5 га і вышэй, і іх старэйшыя сыны-спадчыннікі. Усім астатнім, згодна з законам, прапаноўвалася здабыць сабе “зямлю і маёнтак” на Усходзе [3, с. 21]. Калі ўлічваць, што прыкладна 3/4 нямецкага сялянства валодалі зямельнымі надзеламі памерам прыкладна 1,2 га, дык каланізацыя ўсходніх тэрыторый згодна з планами нацыстаў павінна была стаць масавай [4, с. 11].

У працэсе падрыхтоўкі нацысцкай Германіі да вайны пашыралася і распрацоўка асноў каланіяльнай палітыкі, якая знайшла свой адбітак у шэрагу афіцыйных дакументаў, заснаваных на расавай тэорыі і геапалітыцы. Нацысты разлічвалі, што пасля захопу тэрыторыі ўсходніх дзяржаў асноўная задача будзе ў тым, “каб у кароткі тэрмін ператварыць гэтыя вобласці ў сапраўдныя правінцыі Рэйха” [5, с. 63]. У пачатку лістапада 1937 г. А. Гітлер, раскрываючы сутнасць сваёй ваенна-каланіяльнай палітыкі, сцвярджаў: “Мова ідзе не аб захопе людзей, а аб захопе сельскагаспадарча-карыснай тэрыторыі”. Сельскагаспадарчы міністр Р.-В. Дарэ, папулярызуючы ідэі фашысцкага лідэра, гаварыў: “На ўсёй усходняй прасторы толькі немцы маюць права быць уласнікамі буйных маёнткаў. Краіна, населеная чужой расай, павінна стаць краінай рабоў і сельскагаспадарчых батракоў...” [6, с. 12–13].

У кастрычніку 1939 г. А. Гітлер прызначыў рэйхсфюрэра войск СС Г. Гімлера імперскім камісарам па кансалідацыі нямецкай расы. Гэты дэкрэт даваў апошняму неабмежаваную ўладу ў вызначэнні тэрыторый для каланізацыі. Адказваючы на пытанне, у чым сутнасць палітыкі каланізацыі, Г. Гімлер сцвярджаў: “Наша задача заключаецца ў тым... каб насяліць Усход людзьмі з сапраўды нямецкай, германскай крывёй”. У маі 1940 года ў сваёй запісцы “Некаторыя меркаванні аб стаўленні да мясцовага насельніцтва ўсходніх абласцей” ён пісаў, што важнейшай задачай “усходняй палітыкі” будзе ачышчэнне далучаных тэрыторый на Усходзе ад людзей “чужой расы” [2, с. 33].

Хутчэй за ўсё, менавіта гэты дакумент і быў пакладзены ў аснову так званага генеральнага плана “Ост”, які быў распрацаваны ў 1940 г. галоўным упраўленнем бяспекі фашысцкай Германіі, падпарадкаваным Г. Гімлеру [2, с. 34]. Гэта была шырокая праграма замацавання панавання германцаў ва Усходняй Еўропе, разлічаная на 30 гадоў. Згодна з дадзеным планам, этнічная мяжа Трэцяга Рэйха шляхам нямецкай каланізацыі павінна была адсунуцца на некалькі тысяч кіламетраў на ўсход [7, с. 15]. Вядома, што сам тэкст плана да гэтага часу не знойдзены. Гэты сакрэтны дакумент, аб існаванні якога ведала толькі абмежаванае кола асобаў, складаўся з дзвюх частак. Першая частка, ці так званы “Малы план”, прадугледжваў

ажыццяўленне шэрагу мераў, накіраваных на вынішчэнне ці высяленне народаў Усходняй Еўропы на перыяд вайны. Другая частка – “Вялікі план” – ахопліваў праграму заняволення і вынішчэння народаў Усходняй Еўропы, які гітлераўцы планавалі ажыццявіць на працягу 25–30 гадоў пасля перамогі над Савецкім Саюзам [2, с. 35].

Пасля разгрому фашысцкай Германіі быў знойдзены цікавы дакумент, які дазваляе скласці ўяўленне аб гэтым плане і ўвогуле аб палітыцы немцаў у адносінах да народаў Усходняй Еўропы, – “Заўвагі і прапановы па генеральнаму плану “Ост” рэйхсфюрера войск СС”. Гэты дакумент быў падпісаны 27 красавіка 1942 года Э. Ветцэлем – кіраўніком аддзела каланізацыі 1-га галоўнага палітычнага ўпраўлення ўсходняга міністэрства [8, с. 86]. З гэтага дакумента мы даведваемся, што, згодна з планам “Ост”, галоўным упраўленнем бяспекі планавалася перасяліць каля 31 млн чалавек нямецкага паходжання з захопленых савецкіх тэрыторый. У якасці ўсходняй мяжы каланізацыі ў яе паўночнай і сярэдняй частцы была вызначана лінія, якая праходзіла ад Ладажскага возера да Валдайскага ўзвышша і далей да Бранску. Паводле прапаноў усходняга міністэрства, колькасць людзей, якія падлягалі перасяленню, павінна была быць павялічана і скласці 46–51 мільён чалавек. На захопленых савецкіх тэрыторыях планавалі пакінуць усяго каля 14 мільёнаў мясцовых жыхароў. Засяленне ўсходніх тэрыторый немцамі павінна было праходзіць на працягу прыкладна 30 гадоў пасля заканчэння вайны [8, с. 89].

У дакуменце падкрэсліваецца, што карэнным пытаннем усяго плана каланізацыі ўсходу з’яўляецца пытанне “прабуджэння ў нямецкім народзе імкнення да перасялення на Усход”. Для выканання гэтай задачы лічылася неабходным узмацненне прапагандысцкай дзейнасці ўсходнім міністэрствам і іншымі органамі. Згодна з генеральным планам “Ост”, пасля заканчэння вайны колькасць нямецкіх перасяленцаў для неадкладнай каланізацыі ўсходніх тэрыторый павінна была скласці 4 550 тыс. чалавек. Гэта лічба не падавалася эканамістам усходняга міністэрства дастатковай, імі прапаноўвалася лічба ў 8 мільёнаў немцаў-перасяленцаў з улікам перасяленцаў з іншых краін, населеных германскімі народамі [8, с. 90–91].

Адносна палітыкі германізацыі было адзначана, што яе можна прымяніць толькі ў адносінах да тых народаў, якія лічацца расава паўнацэннымі. Наконт беларусаў у “Заўвагах” было заяўлена, што згодна з планам прадугледжваецца высяленне 75 % беларускага насельніцтва з займаемай ім тэрыторыі, а 25 % беларусаў па плану галоўнага ўпраўлення нямецкай бяспекі падлягала анямечванню [8, с. 92]. Цынічна адзначаецца, што “непажаданае” ў расавых адносінах беларускае насельніцтва будзе яшчэ на працягу шматлікіх год знаходзіцца на тэрыторыі Беларусі. Аўтары дакумента лічаць неабходным па магчымасці дакладна адбіраць беларусаў

нардычнага тыпу, прыгодных па расавым адрозненням і палітычным меркаванням для анямечвання, і адсылаць іх у імперыю з мэтай выкарыстання ў якасці працоўнай сілы. “Шчаслівая” будучыня беларусаў, на думку ўсходняга міністэрства, гэта іх выкарыстанне ў сельскай гаспадарцы ў якасці сельскагаспадарчых працоўных, а таксама ў прамысловасці ці як рамеснікаў [8, с. 93].

Наступным пытаннем стаяла праблема аб месцы для перасялення беларусаў, непрыгодных у расавых адносінах да анямечвання. Згодна з генеральным планам, распрацаваным галоўным упраўленнем нямецкай бяспекі, беларусы павінны былі быць пераселены ў Заходнюю Сібір, а ў “Заўвагах” прапаноўвалася перасяліць беларусаў на Урал ці ў раёны Паўночнага Каўказа [8, с. 94–95].

Неабходна адзначыць, што, згодна з “Малым планам” генеральнага плана “Ост”, падрыхтоўку да будучай каланізацыйнай палітыкі на акупаванай заходнебеларускай тэрыторыі нямецкія ўлады праводзілі на працягу ўсяго перыяду вайны.

Цяжкім грузам ляглі планы гітлераўскіх акупантаў на акругу “Беласток”, куды ўвайшла частка тэрыторыі заходніх абласцей Беларусі. На гэтай тэрыторыі непасрэдная падрыхтоўка да каланізацыі пачалася з першых месяцаў акупацыі. З гэтай мэтай былі зроблены першыя крокі да рэалізацыі тых задач у адносінах да вёскі, якія выконваў апарат імперскага камісара па справах кансалідацыі нямецкай расы [9, с. 274]. Перш за ўсё былі праведзены падлікі насельніцтва акругі, прааналізаваны яго нацыянальны склад, а што тычыцца сельскага насельніцтва, была таксама падлічана колькасць ворыўнай зямлі.

Оберпрэзідэнт Усходняй Прусіі Э. Кох прадугледжваў засяленне на гэтых тэрыторыях сялян з усходне-прускай правінцыі, якія не мелі ўласных гаспадарак. Акрамя таго, некаторыя маёнткі і сельскія гаспадаркі, кіруемыя палякамі альбо беларусамі, пасля заканчэння вайны павінны былі перайсці ва ўласнасць нямецкіх салдат. З мэтай каардынацыі гэтых спраў у Беластоку быў створаны філіял Галоўнага сельскагаспадарчага ўпраўлення, сядзіба якога знаходзілася ў Кёнігсбергу [9, с. 275].

На працягу 30 гадоў колькасць мясцовага насельніцтва акругі павінна была зменшыцца з 1 628 тыс. чалавек да 35 тыс., туды павінны былі пераехаць 1 103 тыс. нямецкіх пасяленцаў [10, с. 19]. Падрыхтоўка да масавых высяленняў сялян акругі пачалася ў другой палове 1942 г. А самую акцыю пачалі ў кастрычніку гэтага ж года, тычылася яна беззямельных і малазямельных сялян [9, с. 275]. Перад высяленнем сяляне атрымлівалі спецыяльнае распараджэнне, скіраванае да сямей, прызначаных да высялення. З аднаго боку ў ім гаварылася аб плаце, якую павінен быў атрымаць выселены сельскі гаспадар за застаўленую гаспадарчую жывёлу,

з другога – неадкладна прадугледжваліся карныя санкцыі за нежаданне перасялення [9, с. 276].

31 ліпеня 1942 года гродзенскі крайскамісар выдаў распараджэнне аб аграрнай палітыцы на тэрыторыі крайскамісарыята. Было аб’яўлена, што акруга “Беласток” пасля вайны будзе скаланізавана праз немцаў [11, л. 1]. Неадкладна трэба было аддаць лепшыя сялянскія землі пад нямецкія маёнткі. Фармальна гэта закранала толькі сялян, якія мелі да 6 га зямлі, практычна мелі месца выпадкі высялення сялян з 15-гектаравых гаспадарак [12, с. 115–116].

З крайскамісарыятаў “Гродна” і “Ваўкавыск” у перыяд з лістапада 1942 да красавіка 1943 года было выселена каля 20 000 сялян [13, с. 35]. Які быў лёс прымусова выселеных са сваёй зямлі людзей? Вялікі працэнт быў вывезены на працу ў Германію, частка сялян была паселена ў гарадах, на тэрыторыі былых яўрэйскіх кварталаў. Падчас высялення сяляне былі абрабаваныя, у іх ўзялі ўсё, што яны мелі. Часцей за ўсё яны маглі ўзяць з сабою толькі адзенне і невялікую колькасць прадуктаў [13, с. 36].

Пакуль не знойдзены архіўныя матэрыялы, якія б падтрымлівалі думку аб тым, што на тэрыторыі Гарадзеншчыны на месцы выселеных беларусаў і палякаў былі заселеныя нямецкія каланісты. Аднак, мяркуючы па тых метадах, якімі карысталіся падчас перасяленчых акцый, а менавіта паленне гаспадарчых памяшканняў, іх разбурэнне альбо продаж пакінутай маёмасці, падзел гаспадарчага інвентару, нямецкія каланісты падчас вайны ўсе ж такі там не былі заселеныя [14, л. 1–1зв.]. Застаўленыя гаспадарчая жывёла і землі былі адданыя дзяржаўным маёнткам, якімі кіравалі немцы.

Такім чынам, наступнай формай каланізацыі, пра якую мы будзем весці гаворку, з’яўляецца стварэнне і дзейнасць дзяржаўных маёнткаў як будучай уласнасці нямецкіх каланістаў.

Дзяржаўныя маёнткі ствараліся акупантамі двума шляхамі:

- шляхам аднаўлення былых прыватнаўласніцкіх маёнткаў;
- на базе былых немшатлікіх савецкіх саўгасаў.

Усяго на тэрыторыі былых заходніх абласцей Беларусі, па звестках гісторыка А.А. Фактаровіча, было арганізавана 1 509 маёнткаў: 429 – у Баранавіцкай, 121 – у Брэсцкай, 563 – у Вілейскай, 306 – у Гарадзенскай, 90 – у Пінскай абласцях [6, с. 57]. На тэрыторыі былой Брэсцкай вобласці пад маёнткі адыйшло каля 41 тыс. га зямлі, Гарадзенскай вобласці – 61 тыс. га, Пінскай – 66 тыс. га, Баранавіцкай вобласці – 83 тыс. га [6, с. 16]. Калі падзяліць гэтыя лічбы, атрымаецца, што ў сярэднім колькасць зямлі ў маёнтках у Брэсцкай вобласці складала 3 тыс. га на адзін маёнтка, у Баранавіцкай вобласці – 5,6 тыс. га, у Пінскай вобласці – 1,2 тыс. га, у Гродзенскай вобласці – 5,1 тыс. га.

У ліпені – жніўні 1941 года на тэрыторыю заходнебеларускіх зямель вяртаюцца былыя асаднікі і ўласнікі маёнткаў, напрыклад, уласнікі маёнткаў Чахліцы, Новы Куплін, Зеляневічы, Грышчыцы, Андронава, Літвінкі ў Брэсцкай вобласці [15, л. 8, 17, 21, 28]. Вярнуліся памешчыкі ў Антопальскі раён Брэсцкай вобласці, Драгічынскі раён Пінскай вобласці [16, л. 55], з’явіліся і гаспадарнічалі ў сваіх маёнтках памешчык Невяроўскі ў Бурдзевічах Мірскага раёну, Марашэўскі, Лапатоўскі, Барташэвічы ў Шчучынскім раёне і інш. [17, л. 9–10]. Аднак былыя польскія і беларускія гаспадары станавіліся ў такіх маёнтках не гаспадарамі, а толькі ўпраўляючымі ці куратарамі, што сведчыла аб каланізацыйным характары гэтага мерапрыемства [6, с. 59]. Уласнікамі маёнткаў была нямецкая дзяржава. Вось што казаў на гэты конт германскі міністр земляробства Р.-В. Дарэ: “Я пальцам не крану ні аднаго маёнтку, якім бы вялікім яно не было... На ўсёй усходняй прасторы толькі немцы маюць права быць уласнікамі сялянскіх маёнткаў. Краіна, населеная чужой расай, павінна стаць краінай рабоў” [7, л. 105–106].

У вельмі цяжкіх умовах апынуліся тыя сяляне, якія атрымалі зямлю пасля аграрнай рэформы ў 1939–1941 гг., бо, вяртаючы распарцэляваныя да вайны маёнткі іх былым уладальнікам, акупанты адбіралі ў сялян не толькі зямлю, але і працоўны інвентар. Як сцвярджалі відавочцы, “...забіраюць і вяртаюць памешчыкам не толькі кароў, але і коней, свіней і нават курэй” [18, л. 86]. “Сялянская зямля, якой валодалі сяляне, засталася ў іх. Памешчыцкая зямля, якая была раздадзена сялянам савецкай уладай, была адабрана ад сялян адразу. Уся жывёла, якая была раздадзена савецкай уладай сялянам, памешчыкамі была ад сялян адабрана. Былі выпадкі расстрэлу сялян” [17, л. 11].

Хто ж працаваў у дзяржаўных маёнтках? З матэрыялаў гістарыяграфіі і архіўных крыніц нам стала вядома, што гэта былі:

- сяляне бліжэйшых да маёнткаў вёсак;
- ваеннапалонныя;
- прывезеныя насільна працоўныя з іншых акупаваных раёнаў СССР [6, с. 63];
- найміты.

З матэрыялаў Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці нам стала вядома, што ў 1942 годзе ў дзяржаўных маёнтках генеральнай акругі “Валынь-Падолія” рэйхскамісарыята “Украіна” працаваў пастаянны штат наёмных работнікаў, які атрымоўваў за сваю працу грашовую плату. Існавала 7 груп работнікаў, якія выконвалі розныя функцыі: дэпутант (павінен быў адпрацаваць 80 дзён); дэпутантка (таксама); дваровыя (працуючыя на дваровых землях); служба (дапаможная праца); сезонныя працаўнікі; сезонныя працаўніцы; прафесійныя працаўнікі (напрыклад, трактарысты)

[19, л. 5]. Згодна з дакументамі, дэпутант павінен быў атрымоўваць бясплатна дом, 0,25 га зямлі, меў права трымаць свіней і дамашнюю птушку. Павінен быў атрымоўваць таксама 500 кг жыта і корм для свіней на цэлы год. Дэпутант – адміністрацыйны кіраўнік меў права трымаць карову і казу за кошт маёнтку. Вельмі шырокай была сістэма грашовых аплат. Час працы службоўцаў дзяржаўных маёнткаў у студзені, лютым, сакавіку доўжыўся каля 8 гадзін у суткі; у красавіку, маі, верасні і кастрычніку – 10 гадзін, а ў чэрвені, ліпені і жніўні – 11 гадзін у суткі. Гэта залежала ад часу пасеву і ўборкі ўраджаю [19, л. 6].

Што тычыцца астатніх трох катэгорый працаўнікоў дзяржаўных маёнткаў, дык, згодна з аповядам відавочцы, усе яны атрымоўвалі ў першапачатковы перыяд за сваю працу 6 кг пшаніцы ў месяц і больш нічога, грашовай аплаты не было [20, л. 70–71]. У Браслаўскім раёне да кожнага маёнтку быў прымацаваны шэраг бліжэйшых вёсак, і сяляне былі абавязаны ў першую чаргу апрацоўваць зямлю маёнтка сваім жа інвентаром і без усялякай аплаты. Згодна з паказаннямі сведкаў, “калі хто не выходзіць на гэтыя працы, дык прыезджаюць паліцэйскія і б’юць такіх пляцмі...” [21, л. 60–62].

Упраўляючыя маёнткаў маглі набываць сабе землі людзей, якія былі вынішчаны немцамі ці пайшлі ў партызаны. Напрыклад, кіраўніцтва маёнтка Зеляневічы Брэсцкай акругі далучыла да свайго маёнтка зямлю былой дапаможнай гаспадаркі “заготскот”. У той самай акрузе да маёнтка Шпіталі былі далучаны спаленыя землі вёскі Драмлёва [6, с. 6].

Праца дзяржаўных маёнткаў была звязана з шэрагам складанасцяў:

- 1) цяжкае становішча гаспадарчых пабудоў і працоўнага інвентару;
- 2) недахоп працоўнай сілы;
- 3) недахоп свойскай жывёлы;
- 4) недахоп сельскагаспадарчай тэхнікі.

У студзені 1942 года акруговы камісар Брэсцкай акругі ў сваёй справаздачы генеральнаму камісару “Валыні-Падолі” адзначаў, што на тэрыторыі акругі знаходзіцца каля 56 дзяржаўных маёнткаў, у якіх гаспадарчыя збудаванні, рухомы і нерухомы інвентар знаходзяцца ў кепскім стане [22, л. 27]. Ён падкрэсліваў, што прыйдзеца прыкласці нямала намаганняў, каб справіцца з вясеннімі работамі ў маёнтках. Гаспадарчая жывёла з гэтых маёнткаў часткова была разабрана мясцовымі жыхарамі і сабрана зноў [22, л. 28]. У дзяржаўных маёнтках назіраецца недахоп працоўнай сілы [22, л. 40–41].

У дзяржаўных маёнтках не хапала працоўнага інвентара і свойскай жывёлы. На ўсю Пінскую акругу (рэйхскамісарыят “Украіна”) у 1941 годзе было толькі 7 трактароў. У маёнтку Рэчыца Брэсцкага раёна, які меў 30 га

зямлі, увогуле не было свойскай жывёлы, у суседнім маёнтку Міцькі пры 117 га зямлі было толькі 5 кароў і столькі ж коней [6, с. 59–61].

Тым не менш, спробы ўзнаўлення і пашырэння дзяржаўных маёнткаў працягваліся. У справаздачы адзначалася, што, дзякуючы завозу высокаякаснага насення бульбы з Рэйха, у дзяржаўных маёнтках была значна павышана ўраджайнасць “асноўнага прадукту харчавання ў акрузе” [22, л. 149]. Аднак пры гэтым прадукцыйнае забеспячэнне мясцовага насельніцтва ў акрузе было недастатковае па прычыне вельмі высокіх сельскагаспадарчых паставак [22, л. 29–31].

Акрамя таго, у дзяржаўных маёнтках не хапала сельскагаспадарчай тэхнікі. Некаторыя трактары засталіся яшчэ з даваеннага часу, некаторыя завозіліся сюды з тэрыторыі Рэйха [23, л. 6–17, 22–23].

У акругах генеральнага камісарыяту “Валынь-Падолія” былі створаны рэвізійныя аддзелы, якія чатыры разы на год павінны былі правяраць працу дзяржаўных маёнткаў: вызначаць памеры ворыўных палёў, лугоў, лясоў, садоў, перапісваць увесь інвентар, праводзіць рэвізію дамашняй жывёлы і г.д. [24, л. 14].

Важнай задачай для нацысцкіх акупантаў стала неабходнасць забеспячэння маёнткаў сваім сельскагаспадарчым насеннем. Згодна з указаннямі, у межах асобных культур належала выбіраць лепшыя гатункі для беларускіх кліматычных і глебавых умоў. Кіраўнікам дзяржаўных маёнткаў для атрымання свайго сельскагаспадарчага насення неабходна было выдзяляць адпаведныя зямельныя ўчасткі, якія павінны былі правярацца раённымі аграномамі, аграномамі кантрольна-насенных станцый. Водпуск гэтага насення сялянам павінен быў ажыццяўляцца шляхам абмену – цэнтнер за цэнтнер зерня гэтай жа культуры плюс грашовая даплата за вытворчыя выдаткі ў выглядзе 33 %. З мэтай пераадолення недахопу ў сельскагаспадарчых памяшканнях было вырашана пачаць выкарыстанне дзяржаўнымі маёнткамі былых калгасных пабудоў [25, с. 11–13].

9 сакавіка 1942 года на тэрыторыі генеральнай акругі “Валынь-Падолія” выйшла распараджэнне рэйхскамісара Э. Коха, згодна з якім трэба было пашыраць працу дзяржаўных маёнткаў. У рэйхскамісарыяце “Украіна” паўстала “Таварыства па кіраванню дзяржаўнымі маёнткамі”, аддзел якога быў на тэрыторыі генеральнай акругі “Валынь-Падолія” [6, с. 68].

Шмат увагі надавалася развіццю жывёлагадоўлі ў дзяржаўных маёнтках. Як сведчаць архіўныя дакументы, у 1942 годзе ў дзяржаўных маёнтках генеральнай акругі “Валынь-Падолія” займаліся развядзеннем племянной жывёлы [5, с. 64]. Частку яе прывозілі з тэрыторыі фашысцкай Германіі. Цэны на яе былі значна вышэйшыя, чым на неплемянную. 24 красавіка 1942 года брэсцкія акруговы камісар адзначаў у месячнай

справаздачы генеральнаму камісару, што ў дзяржаўных маёнтках акругі назіраецца недахоп фуражу. Тым не менш для паляпшэння пародзістасці буйной рагатай жывёлы з Германіі прыбыла 10 племянных быкоў і 15 кабаноў [22, л. 40–41]. А са справаздач старшыні воласці Бяроза Брэсцкай акругі мы даведваемся, што ў дзяржаўным маёнтку Кабакі пачалі разводзіць так званую “чырвоную” пароду кароў. З вёсак збіралі кароў гэтай масці і выменьвалі іх на іншых [26, л. 5].

Увесну 1942 года на дзяржаўныя маёнткі пачаліся напады партызан [27, л. 95, 101–102]. У ліпені 1942 года акруговы камісар Брэсцкай акругі ў сваёй справаздачы генеральнаму камісару “Валынь-Падолія” адзначае, што “партызаны ў сваёй дзейнасці галоўны ўдар накіроўваюць на тое, каб паралізаваць усю сельскагаспадарчую вытворчасць” [28, л. 44]. Агульная колькасць зерня, ліквідаванага партызанамі, складала звыш 200 т. Са “шкадаваннем” адзначаецца, што “падчас паліцэйскіх акцый спальваюцца вёскі разам з зерневымі запасамі, страты зерня пры гэтым складаюць не менш 50–60 тон” [22, л. 68–69]. У справаздачы падкрэсліваецца, што ў ноч на 1 верасня 1942 года партызанамі былі спаленыя дзяржаўныя маёнткі Азяты Малыя і Азяты Вялікія Жабінкаўскага раёну з усімі зерневымі прыпасамі. Для аховы сабранага ўраджаю па дамоўленасці з раённымі сельскагаспадарчымі кіраўнікамі ў раённых цэнтрах на важныя дзяржаўныя маёнткі былі накіраваны паліцэйскія каманды колькасцю па 10 чалавек, у задачу якіх уваходзіла ўсімі сіламі прадухіліць спальванне маёнткаў і ліквідаванне зерневых прыпасаў [22, л. 58]. Дзяржаўныя маёнткі ў Маларыцкім і Дамачаўскім раёнах, а таксама частка дзяржмаёнткаў у Жабінкаўскім раёне, былі ліквідаваны партызанамі. У нямецкіх справаздачах гэтага часу цынічна падкрэсліваецца, што лютасць партызан супраць дзяржаўных маёнткаў, “дзякуючы акцыям” паліцыі, якая “ператварыла ў попел тры населеныя пункты” (Драмлёва, Забалацце, Боркі) і расстраляла насельніцтва, зменшылася [29, л. 149–150].

Падобная сітуацыя была і на тэрыторыі Генеральнай акругі Беларусь. 10 чэрвеня 1942 года камандуючы паліцыяй бяспекі і СД “Остланда” напісаў рэйхскамісару гаўляйтэру Г. Лозэ данясенне адносна дзённых паведамленняў аператыўных каманд. Згодна з ім, у заходніх абласцях Беларусі “ўсё больш узмацняецца партызанскі рух”. У раёнах, дзе яшчэ два месяцы назад было спакойна, “зараз пануюць партызаны” [30, л. 75]. Згодна са справаздачай акруговага камісара ў Баранавічах, у акрузе ў 1942/43 гаспадарчым годзе ў выніку партызанскай дзейнасці ў нямецкіх дзяржаўных маёнтках было ліквідавана: 3 517 т зерня, 1 018 т бульбы, 1 793 т сена, 2 950 т саломы [31, л. 17]. За ліпень – жнівень партызанамі было ліквідавана: 658 т жыта, 94 т пшаніцы, 132 т аўса, 128 т ячменю, зруйнавана 16 маёнткаў і 24 амбары, захоплена 120 свіней, 189 коней і 26 кароў [22, л. 311].

22 студзеня 1943 года на нарадзе гебітскамісараў “Остланда” ў Рызе начальнік аддзелу “харчавання і сельскай гаспадаркі” Генеральнай акругі Беларусь В. Фрайтаг дакладваў, што “Мінск указвае на сур’ёзнасць абставінаў. Толькі 20 % тэрыторыі Беларусі знаходзіцца пад нямецкім кантролем. З 965 маёнткаў толькі 312 знаходзіцца пад нямецкім кіраваннем, і то частку з іх вымушаны былі пакінуць. На гаспадарчых прадпрыемствах ліквідавана ці разрабавана 16 тыс. т зерня, 22 тыс. т сена і саломы, 6 тыс. галоў буйной рагатай жывёлы і шмат іншага...” [32, л. 34]. 7 верасня 1943 года ў справаздачы рэйхскамісару аб гаспадарчым становішчы ў генеральнай акрузе Беларусь было адзначана, што ўраджай у сялянскіх аднаасобных гаспадарках не быў ліквідаваны партызанамі, а тым самым немцы маглі правесці нарыхтоўкі амаль выключна з сялянскага сектару. А ўраджай у дзяржаўных маёнтках на такой самай плошчы быў ліквідаваны прыкладна на 95 % [33, л. 16].

Згодна з характарыстыкай акупацыйнай сельскагаспадарчай улады, ўлетку 1943 года партызанская дзейнасць у Брэсцкай акрузе “прыняла такія памеры, што далей ва ўсёй акрузе немагчыма была дзейнасць сельскагаспадарчых кіраўнікоў” [22, л. 110]. Увесь пасяўны клін, які “так неабходна было зараз засеяць”, не быў засеяны, і большая частка зямель заставалася пакінутай. У справаздачы акруговага сельскагаспадарчага кіраўніка адзначаецца, што “самы вялікі непакой і найбольшую небяспеку” для дзяржаўных маёнткаў прадстаўляе мабілізацыя пастаянных і сезонных работнікаў маёнткаў на працу ў Германію. Адзначаецца, што “практычна справа склалася так, што трэба весці размову не аб недахопе людзей у дзяржаўных маёнтках, а аб пакінутых людзьмі маёнтках” [22, л. 111].

Па прычыне ўзмацнення партызанскай дзейнасці акупацыйнымі ўладамі было разгледжана пытанне аб неабходнасці аховы ўсяго цыклу сельскагаспадарчай вытворчасці. Асобная ўвага надавалася ахове ўборкі ўраджаю ў дзяржаўных маёнтках [34, с. 1–2].

У канцы 1943 – пачатку 1944 года правядзенне акупацыйных аграрных мерапрыемстваў зрываецца па прычыне пашырэння партызанскай дзейнасці. У справаздачы акупацыйных сельскагаспадарчых улад аб гаспадарчым становішчы ў генеральнай акрузе Беларусь за гэты перыяд было адзначана, што з 965 маёнткаў, якія яшчэ ў маі 1942 года знаходзіліся пад кіраваннем земляробчага таварыства “Остланд”, толькі 312 кіруецца ці кантралюецца гэтым таварыствам [33, л. 18].

Такім чынам, важнейшай часткай нямецкай акупацыйнай палітыкі былі планы сельскагаспадарчай каланізацыі і анямечвання тэрыторыі Заходняй Беларусі, разлічаныя на доўгатэрміновы перыяд. Практычнае выкананне планаў па падрыхтоўцы тэрыторыі да каланізацыі пачалі ажыццяўляцца ўжо з першых дзён вайны. Сведчаннем гэтага з’яўляецца

стварэнне ўжо восенню 1941 года дзяржаўных маёнткаў. На тэрыторыі акругі “Беласток” падрыхтоўка тэрыторыі да непасрэднай каланізацыі германскімі перасяленцамі праводзілася шляхам высялення мясцовага сялянскага насельніцтва.

1. Загорулько, М.М. Крах плана «Ольденбург» (о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР) / М.М. Загорулько, А.Ф. Юденков. – 3-е изд. – М. : Экономика, 1980. – 375 с.

2. Романовский, В.Ф. Немецко-фашистская оккупационная политика и её крах в Белоруссии (1941–1944 гг.) : дис... д-ра ист. наук : 07.00.02 / В.Ф. Романовский. – Минск, 1974. – 515 л.

3. Элбакиан, А.И. Экономическое поражение фашистской Германии против СССР / А.И. Элбакиан. – М. : Госполитиздат, 1955. – 96 с.

4. Файнгар, И.М. Очерк развития германского монополистического капитала / И.М. Файнгар. – М. : Соцэкгиз, 1958. – 436 с.

5. Казлова, С.Л. Немецкая аграрная политика на территории Западной Беларуси (1941–1944 гг.) (на примере животноводства) / С.Л. Казлова // Вести Ин-та соврем. знаний. – 2004. – № 4. – С. 63–68.

6. Факторович, А.А. Крах аграрной политики немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии / А.А. Факторович. – Минск : Наука и техника, 1979. – 150 с.

7. Generalny plan Wschodni : Zbiór dokumentów / Główna komisja badania zbrodni hitlerowskich w Polsce ; pod red. Cz. Madajczyka. – Warszawa, 1990. – 442 s.

8. Генеральный план «Ост» // Воен.-ист. журн. – 1960. – № 1. – С. 83–98.

9. Gnatowski, M. Białostoczczyzna w latach wojny i okupacji hitlerowskiej: Zarys dziejów politycznych regionu / M. Gnatowski. – Białystok : Sekcja wydaw. Filii UW w Białymstoku, 1979. – 452 s.

10. Казлова, С.Л. Аграрная палітыка германскіх акупантаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1941–1944 гг. / С.Л. Казлова // Беларус. гіст. часоп. – 2005. – № 12. – С. 14–21.

11. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (далей ДАГВ). – Фонд 1. Гродзенскі крайскамісарыят. – Воп. 1. – Спр. 536.

12. Белоцкая, С.Л. Немецкая политика принудительного переселения людей в крайскомиссариате Гродно в годы Второй мировой войны / С.Л. Белоцкая // Генацыд у Другой сусветнай вайне – праблемы даследавання (у памяць ахвяр Трасцянца) : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 25–27 крас. 2002 г. / Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2003.

13. Karlikowski, J. Polityka okupacyjna III Rzeszy w Okręgu białostockim (1941–1944) / J. Karlikowski. – 66 s.

14. ДАГВ. – Фонд 116. Скідзельскі амтскамісарыят Гродзенскага крайскамісарыята Беластоцкай акругі. – Спр. 8.

15. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (далей – ДАБВ). – Фонд.195. Раённы шэф Брэсцкага раёна. – Воп. 1. – Спр. 98.

16. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Фонд 4. Дакументы ЦК КП(б)Б за гады Вялікай Айчыннай вайны 1941–1944 гг. – Воп. 33а. – Спр. 8.

17. НАРБ. – Фонд 4. – Воп. 33а. – Спр. 169.

18. НАРБ. – Фонд 4. – Воп. 33а. – Спр. 16.

19. ДАБВ. – Фонд 2120. Пінскі акруговы камісарыят. – Воп. 1. – Спр. 473.

20. НАРБ. – Фонд 4. Дакументы ЦК КП(б)Б за гады Вялікай Айчыннай вайны 1941–1944 гг. – Воп. 33а. – Спр. 171.
21. НАРБ. – Фонд 3500. Беларускі штаб партызанскага руху (БШПР). – Воп. 2. – Спр. 1287.
22. НАРБ. – Фонд 4683. Інстытут гісторыі партыі (ІГП) пры ЦК КПБ. – Воп. 3. – Спр. 971.
23. ДАБВ. – Фонд 2120. Пінскі акруговы камісарыят. – Воп. 1. – Спр. 493.
24. ДАБВ. – Фонд 2120. Пінскі акруговы камісарыят. – Воп. 1. – Спр. 535.
25. НАРБ. – Фонд 370. Генеральны камісарыят Беларусі. – Воп. 1. – Спр. 268.
26. ДАБВ. – Фонд 194. Раённы шэф Бярозаўскага раёна. – Воп. 1. – Спр. 36.
27. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак. – М. : Беларусь, 1993. – 236 с.
28. Федэральны архіў Германіі (далей – ВА). – R 6. Рэйхсміністэрства па занятых усходніх абласцях. – Спр. 443.
29. НАРБ. – Фонд 4683. Інстытут гісторыі партыі (ІГП) пры ЦК КПБ. – Воп. 3. – Спр. 1043.
30. НАРБ. – Фонд 4683. Інстытут гісторыі партыі (ІГП) пры ЦК КПБ. – Воп. 3. – Спр. 981.
31. ВА. – R 93. Генеральны камісар Беларусі ў Мінску. – Спр. 13.
32. НАРБ. – Фонд 4683. Інстытут гісторыі партыі (ІГП) пры ЦК КПБ. – Воп. 3. – Спр. 1004.
33. НАРБ. – Фонд 4683. Інстытут гісторыі партыі (ІГП) пры ЦК КПБ. – Воп. 3. – Спр. 973.
34. ВА. – R 93. Генеральны камісар Беларусі ў Мінску. – Спр. 7.

УДК 94(476)“1941/1945”:(512.145)

С.У. ГРЫБАВА

Беларусь, Брэст, БрДТУ

СТАЎЛЕННЕ ГІТЛЕРАЎЦАЎ ДА ТАТАРСКА-МУСУЛЬМАНСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА БЕЛАРУСІ Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

У дадзеным артыкуле разглядаецца нацыянальная і рэлігійная палітыка акупацыйных улад у дачыненні да татарска-мусульманскага насельніцтва Беларусі падчас Вялікай Айчыннай вайны.

Нацыянальная палітыка займала значнае месца ў акупацыйнай палітыцы германскіх улад. Адносіны гітлераўцаў да розных народаў былі дыферэнцыяванымі. Адною з задач фашызму з самага пачатку вайны з СССР было знішчэнне яго як шматнацыянальнай дзяржавы шляхам перацягвання на свой бок прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей краіны. Трэба адзначыць, што яшчэ ў 1931 г. Гітлер уяўляў Расію “гетэрагенным кангламератам народаў, якія адрозніваюцца мовай і своеасаблівымі

рысамі”, рознасць паміж якімі патрэбна было б выкарыстаць на карысць Германіі [1, с. 111].

Сведчаннем таго, якую ўвагу акупацыйныя ўлады надавалі нацыянальнаму пытанню ў СССР і яго выкарыстанню ў сваіх мэтах, можа служыць дырэктыва шэфа паліцыі і СД Р. Гейдрыха ад 10 кастрычніка 1941 г. аб абыходжанні з савецкімі ваеннапалоннымі. У ёй было адзначана, што пры выкарыстанні савецкіх ваеннапалонных неабходна ўлічваць іх нацыянальную прыналежнасць. У прыватнасці, “з украінцамі, беларусамі, азербайджанцамі, армянамі, прадстаўнікамі цюркскіх народаў абыходзіцца строга толькі ў тым выпадку, калі сярод іх знойдуцца фанатычныя бальшавікі”. Гэтым планавалася ўнесці раздор сярод ваеннапалонных [2, с. 387].

Увогуле, што датычыцца нацыянальнай палітыкі гітлераўцаў у адносінах да народаў акупаваных рэгіёнаў, то яна не была нязменнай і адназначнай і залежала ад шэрагу фактараў:

- эвалюцыі ў германскай знешняй і акупацыйнай палітыцы (1939–1945), якая напрамую была звязана са становішчам на франтах вайны;
- перадваенных планаў нямецкага ваенна-палітычнага кіраўніцтва адносна будучага становішча дадзенага народа ў сістэме “новага парадку”;
- супярэчнасцей паміж германскімі партыйнымі органамі, ваенным камандаваннем і апаратам СС;
- этнічнага складу насельніцтва ў рэгіёне [3, с. 5].

Калі весці размову аб стаўленні гітлераўцаў да польска-беларускіх татараў, то яно таксама не было ўвесь час аднолькавым. На першых этапах германскія ўлады не праяўлялі асаблівай зацікаўленасці ў супрацоўніцтве з імі. Больш таго, акупацыйныя ўлады закрылі рахунак Культурна-асветніцкага саюза татараў, у выніку чаго Станіслаў Крычынскі (адзін з вядомых татарскіх дзеячаў, гісторык) не змог выдаць падрыхтаваны да друку IV том “Татарскага штогодніка”, бо не стала сродкаў на аплату друкарні. Галоўны ж рэдактар татарскага часопіса Леон Крычынскі за адказ супрацоўнічаць з гітлераўцамі быў арыштаваны ў Гданьску 27 верасня 1939 г., а 11 лістапада яго накіравалі ў Пашыніцы каля Вейхерава, дзе ён быў пакараны смерцю [4, с. 142–144]. Вядома, што Станіслаў Крычынскі звяртаўся з просьбай да акупацыйнай адміністрацыі дазволіць выданне IV тому «Татарскага штогодніка», але гэтыя спробы не прынеслі станоўчых вынікаў. Больш таго, па некаторых дадзеных, усе падрыхтаваныя матэрыялы гэтага тому штогодніка былі знішчаны акупантамі [5, с. 89]. Дарэчы, у пачатку кастрычніка 1939 г. германскія ўлады заблакіравалі рахунак мусульманскай гміны ў Варшаве, дзе знаходзіліся сабраныя сродкі для будавання мячэці ў горадзе, якое планавалася пачаць у 1940 г., але вайна ўнесла свае карэктывы [6, с. 94–95].

Агульнавядома, што шмат якія народы ў нацыянал-сацыялістычнай тэорыі адносіліся да катэгорыі, дзеля абзначэння якой быў уведзены спецыяльны тэрмін – “унтэрмэнш”, што значыць «недачалавекі», “ніжэйшыя за людзей”. Гэты тэрмін актыўна сустракаўся ў нямецкай прэсе са жніўня 1941 г. Прычым такім народам прыпісваліся, як правіла, азіяцкія, часцей мангалоідныя рысы. Атрымліваецца, што славяне (рускія) сталі «недачалавекі», трапіўшы пад уздзеянне татараў і манголаў (што ў нацысцкай тэрміналогіі было абсалютнымі сінонімамі). Германская афіцыйная прапаганда запалохвала чытачоў і слухачоў «азіяцкай небяспекай», ад якой можа выратаваць увесь цывілізаваны свет толькі поўная перамога нацыянал-сацыялізму [1, с. 111–112]. Сапраўднай кульмінацыяй прапаганды ў нямецкім грамадстве ў гэтым кірунку была ілюстраваная брашура, выдадзеная адукацыйным аддзелам СС у 1942 г., накіраваная на распальванне нянавісці да ўсіх народаў на Усходзе, у першую чаргу да азіяцкіх [7, с. 36]. Акрамя таго, як лічаць некаторыя даследчыкі, беларускія нацыянал-калабарацыянісцкія сілы імкнуліся не дапусціць пранікнення ў органы акупацыйнай улады небеларускага нацыянальнага элемента і рабілі ўсё, каб найбольш эфектыўна выкарыстаць свае нацыянальныя сілы [8, с. 165].

Аднак нельга сказаць, што акупацыйныя ўлады зусім ігнаравалі мусульманскае насельніцтва Беларусі. Восенню 1941 г. падчас высвятлення германскімі ўладамі нацыянальнага складу падуладных тэрыторый генеральны камісар Беларусі аддаў распараджэнне абласным камісарам аб прадстаўленні звестак і аб татарска-мусульманскім насельніцтве Генеральнай акругі Беларусь (ГАБ). У Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь (НАРБ) захаваліся некаторыя колькасныя даныя з месцаў. Найбольш падрабязную інфармацыю аб мусульманскім насельніцтве ГАБ акупацыйныя ўлады атрымалі ў сакавіку 1942 г. Справа ў тым, што 21 лютага 1942 г. рэйхскамісарыят «Остланд» у Рызе накіраваў у генеральны камісарыят Беларусь у Мінск распараджэнне, згодна з якім было неабходна сабраць звесткі аб татарска-мусульманскім насельніцтве ў ГАБ і прадставіць іх да 31 сакавіка 1942 г. [9, л. 18]. Звесткі павінны былі ўтрымліваць наступную інфармацыю:

1. Колькасць (калі яны жывуць у невялікім раёне і нешматлікіх мясцовасцях кампактна і замкнута, назву мясцовасці і імёны мусульманскага насельніцтва).

2. Народнасць (напрыклад, татары, туркі).

3. Колькасць мячэцей.

4. Класіфікацыя і склад абшчыны (напрыклад, муфцій – імамы – праўленне, хто зацвярджае імама, хто муфція?).

5. Дзяржаўнае фінансаванне перад і ў час бальшавіцкай улады.

6. Сувязі з замежнымі магаметанскімі краінамі (напрыклад, Турцыяй, Егіптам, Індыяй), вялікім муфціем Іерусаліма.

7. Ці маюць мясцовыя абшчыны вышэйстаячыя духоўныя інстанцыі за мяжою?

8. Ці жадае татарская частка мусульманскага насельніцтва пасля вайны заставацца на тым жа месцы, што і цяпер, ці імкнецца перасяліцца ў Сярэдняю Азію? [10, с. 150].

Дадзенае распараджэнне 24 лютага 1942 г. было разаслана ва ўсе абласныя камісарыяты, якія да 21 сакавіка павінны былі прадставіць патрэбную інфармацыю. Паводле атрыманых паведамленняў была складзена справаздача, якая датуецца 27 сакавіком 1942 г. Згодна ёй можна прывесці наступныя статыстычныя даныя: на тэрыторыі ГАБ пражывалі 4149 татараў. Пры гэтым не былі падлічаны татары Лідскай, Вілейскай і Баранавіцкай акруг, бо даныя з месцаў былі атрыманы пазней патрэбнага тэрміну ці ўвогуле не былі дасланы. Аднак удакладняючы дадзеную лічбу шляхам архіўных пошукаў, Д.А. Крывашэй у працы “Нацыянальныя супольнасці Беларусі ў перыяд германскай акупацыі (чэрвень 1941 – ліпень 1944 гг.)” прыводзіць лічбу 5 789 татараў. Аднак трэба меркаваць, што і гэта лічба не зусім дакладная, бо намі знойдзена ў Дзяржаўным архіве Мінскай вобласці (ДАМВ) распараджэнне бургамістра Мінскага раёна (згодна з распараджэннем камісарыята Мінскай акругі) ад 30 сакавіка 1942 г., накіраванае ва ўсе валасныя ўправы Мінскага раёна з прапановай тэрмінова падаць звесткі “аб усіх жыхарах магаметанскага веравызнання” па вышэй адзначанай форме, праўда, з некаторымі скарачэннямі [11, л. 146; 12, л. 58].

Сабраныя звесткі былі накіраваны ў камісарыят Мінскай акругі 22 красавіка 1942 г. (дасылаліся паўторна 20 мая 1942 г., бо першы варыянт абласны камісарыят не атрымаў) [12, л. 63]. Відавочна, што гэтыя даныя ў канчатковы варыянт справаздачы генеральнага камісарыята ГАБ ад 27 сакавіка 1942 г. не ўвайшлі, бо былі дасланы значна пазней. Таму можна меркаваць, што атрыманыя колькасныя даныя, безумоўна, даюць адпаведнае ўяўленне аб размяшчэнні татарскага насельніцтва ў ГАБ, але не з’яўляюцца вычарпальнымі.

Паводле прадстаўленай інфармацыі можна адзначыць, што беларускія татары ў Мінскім раёне на 1 красавіка 1942 г. пражывалі ў наступных валасцях: Астражыцка-Гарадзецкай, а менавіта ў в. В. Бродок значыцца Фаціма Якубоўская [11, л. 119]; у Каладзішчанскай, у м. Рэп’е згадваюцца Асановічы: Аляксандр, Сафія, Васіль і Ганна [11, л. 124]; у Новадворскай воласці, у в. Новы Двор пражывалі Хасяневічы: Якаў, Галіна, Мустафа, Рузя, Адам, Марыя [11, л. 129]. Больш усяго татараў у Мінскім раёне (31 асоба) пражывала ў Мядзвежынскай воласці – яны былі сканцэнтраваны ў

в. Кальварыя. Тут значацца такія прозвішчы, як Ібрагім і Ева Багушэвіч, Міня і Алена Палтаржыцкія, Хота Гембіцкая, Асман, Хота, Соня і Ева Мухля, Фэля Фанеева, Н. Давыдава, Мустафа і Алена Палтаржыцкія, Хота, Мустафа, Ева, Ібрагім і Міня Мухі, Адам, Галя, Анатоль, Муня Канапацкія, Сафар, Ліма Якубоўскія, Сямен, Ева, Соня, Ібрагім і Ева Міськевічы [11, л. 127].

Увогуле, што датычыцца размяшчэння татарскага насельніцтва ў ГАБ, згодна складзенай табліцы генеральным камісарыятам Беларусі ад 27 сакавіка 1942 г., якая была падрыхтавана на падставе дасланых звестак абласнымі камісарыятамі, то можна прывесці наступныя колькасныя даныя (табліца 1):

Табліца 1 – Размяшчэнне татарскага насельніцтва ў ГАБ на 27 сакавіка 1942 г. [9, л. 29]

Тэрыторыя	Колькасць татараў
Мінск (горад)	1172
Мінск (вобласць)	1 048
Глыбокае	840
Навагрудак	583
Слонім	380
Слуцк	76
Барысаў	44
Ганцавічы	6
Усяго	4 149

Калі падрабязней спыніцца на размяшчэнні татараў-мусульман у адзначаных абласцях, то можна канстатаваць, што ў Слуцкай акрузе амаль усе прадстаўнікі татарскага этнасу пражывалі ў Капылі (71 чалавек) [9, л. 23]. Што датычыцца Глыбоцкай акругі, дзе канцэнтрацыя татарска-мусульманскага насельніцтва была самай вялікай у ГАБ пасля Мінскай вобласці, то тут 300 татараў размяшчаліся ў Глыбоцкім раёне, 98 з іх пражывалі ў г. Глыбокае, 70 – у Докшыцах, у Браслаўскім раёне налічваліся 299 чалавек, найбольш буйныя паселішчы татараў былі ў м. Відзы – 123 чалавекі і м. Ёды – 72 чалавека. У Пастаўскім раёне Глыбоцкай акругі было 172 мусульманіна, 42 з якіх жылі ў Дуніловічах, 38 – у Паставах [9, л. 20]. У Слонімскай вобласці асноўная маса татараў пражывала ў г. Слонім, дзе налічвалася 304 чалавекі мусульманскага веравызнання [9, л. 17]. У Навагрудскай акрузе ў сакавіку 1942 г. налічвалася 583 прадстаўнікі татарскага этнасу, з іх 451 чалавек пражываў у Навагрудку. Дарэчы, колькасць татараў-мусульман у дадзенай акрузе складала 0,29 % ад агульнай колькасці насельніцтва ў гэтай адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінцы [9, л. 26].

Калі весці размову аб татарска-мусульманскім насельніцтве ў астатніх акругах ГАБ, то на падставе архіўных крыніц можна прывесці наступныя

данія: мусульманскае насельніцтва ў Баранавіцкай акрузе складала 669 чалавек (сярод іх значыцца 1 прадстаўнік турэцкай нацыянальнасці, астатнія 668 – татарскай), што складае адну з самых шматлікіх груп татараў у ГАБ, таму ёсць сэнс прывесці больш падрабязныя данія аб размяшчэнні тут мусульманскага насельніцтва (табліца 2).

Табліца 2 – Колькасць татарска-мусульманскага насельніцтва ў Баранавіцкай акрузе на 31 сакавіка 1942 г. [9, л. 27]

Тэрыторыя	Колькасць татараў
Баранавічы	45
Новая Мыш	38
Гарадзішча	80
Ляхавічы	106
Клецк	194
Нясвіж	10
в. Іванава	82
в. Асмолава	6
Стоўбцы	18
Мір	90
Усяго	669

На падставе звестак аб колькасці прадстаўнікоў татарскага этнасу ў Лідскай акрузе, якія датуюцца 9 снежнем 1941 г., можна гаварыць аб 509 татарах, прычым усе яны пражывалі ў м. Іўе [9, л. 13]. На канец сакавіка 1943 г. іх было ўжо 531 чалавек [13, с. 279]. Што датычыцца мусульманскага насельніцтва ў Вілейскай акрузе, то іх тут налічвалася ў сакавіку 1942 г. 463 чалавекі. Пры гэтым прадстаўнікоў татарскай нацыянальнасці з іх вызначана толькі 227 чалавек [14, л. 8]. Сярод астатніх мусульман значацца башкіры, палякі і беларусы. Гэтыя данія выклікаюць пэўны недавер. Патрэбна таксама адзначыць, што з некаторых мясцовасцей у акругах ГАБ данія ў генеральны камісарыят не падаваліся з-за аддаленасці размяшчэння і немагчымасці атрымаць звесткі з гэтых месцаў. Увогуле даволі складана вызначыць дакладную колькасць татарскага насельніцтва ГАБ, так як гэта інфармацыя па розных раёнах падаецца не за аднолькавы перыяд. Трэба таксама адзначыць, што ўзровень статыстычнай працы ў генеральным камісарыяце Беларусь быў недастаткова высокім у параўнанні з іншымі камісарыятамі «Остланд» і рэйхскамісарыятам «Украіна» [13, с. 277–278]. Такім чынам, можна толькі прыблізна вызначыць колькасць татарскага насельніцтва ў ГАБ, якая па атрыманым дадзеным складала каля 6 тысяч чалавек. Можна таксама пазначыць, што амаль ўся татарская дыяспара акупаванай Беларусі ў выніку акупацыйнага адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу размяшчалася ў ГАБ.

У выніку атрыманай інфармацыі з абласцей па вышэй адзначанай форме можна даведацца, што “татары выказваюць настойлівае жаданне заставацца на месцах сваіх даўніх пасяленняў і ацэньваюць патрабаванне перасяліцца ў Сярэдняю Азію як жудаснае і дзёрзкае” [10, с. 153]. У дакуменце таксама звяртаецца ўвага на наступнае: “Таму што большая частка татараў размаўляе толькі па-руску, беларуску ці польску, і ўжо нават па моўных прычынах гэта не пажадана” [10, с. 153]. Паводле звестак, атрыманых з месцаў, можна таксама даведацца, што імам мусульманскай абшчыны павінен быў прадстаўляцца генеральнаму камісару і звяртацца па зацвярджэнне. У данясеннях абласных камісараў утрымліваецца характарыстыка татараў як “руплівых, працавітых і мэтанакіраваных людзей, якія пераважна не валодаюць ніякай прафесіяй, а займаюцца, напрыклад, дубленнем і вырабам скур у сваіх майстэрнях дома. Яны лаяльныя і добрасумленныя і не ствараюць ніякіх складанасцей” [10, с. 153].

Рэабілітацыя азіяцкіх народаў на ўзроўні Рэйха пачалася ў сярэдзіне 1942 г. Некаторыя даследчыкі лічаць, што гэта было звязана з правалам планаў “маланкавай вайны” і разгромам гітлераўцаў пад Масквой, у выніку чаго яны адчувалі недахоп у жывой сіле [15, с. 491–492]. У жніўні 1942 г. Міністэрства прапаганды Гебельса дало ўказанні прэсе не ўступаць у палеміку супраць татараў, туркестанцаў. Былі зроблены ўказанні і дзеючай арміі – вермахту, асабліва пры стварэнні ўсходніх легіёнаў. Легіянеры туркестанцы і татары былі названы “таварышамі і памочнікамі, да нацыянальных асаблівасцей якіх неабходна ставіцца з паразуменнем і тактам” [1, с. 119]. У канцы 1942–1943 г. свае меркаванні наконт ісламу і яго ролі ў фарміраванні ўсходніх легіёнаў выказалі некаторыя вышэйшыя кіраўнікі Германіі, у тым ліку і сам Гітлер. 12 снежня 1942 г., калі ў стаўцы абмяркоўвалася пытанне аб грузінскім батальёне, ён заявіў: “Об этих грузинах я ничего не знаю, кроме того, что они не принадлежат к тюркским народам. Но только мусульман я считаю благонадежными, всем остальным не доверяю. Создавать в настоящее время из чисто кавказских народов эти батальоны я считаю слишком рискованным, и напротив, я не вижу никакой опасности в создании чисто мусульманских соединений” [1, с. 309]. Складана сказаць, чаму менавіта цюркскія народы выклікалі ў Гітлера вялікі давер.

У ходзе ваенных падзей і змены палітычнай сітуацыі стаўленне германскіх улад змянілася і да ініцыятывы супрацоўніцтва з імі некаторых беларускіх татарскіх дзеячаў, што пацвярджае стварэнне прагерманскага Саюза татарскай моладзі ў маі 1944 г. Цікавы эпізод з часоў Вялікай Айчыннай вайны паведаміў нам татарын Д. Гембіцкі, жыхар м. Крушыняны – аднаго з буйных на той момант паселішчаў татараў на Беласточчыне (сучасная тэрыторыя Рэспублікі Польшча). З яго ўспамінаў функцыі старасты мястэчка спачатку выконваў паляк, але хутка немцамі ён

быў заменены на татарына, бо татарам акупацыйныя ўлады давяралі больш (размова адбылася 18.12.2008.). Дарэчы, старастай Узды таксама быў татарын Сапар Якубоўскі [16, л. 301]. Аднак трэба адзначыць, што карныя аперацыі фашыстаў маглі закрануць і татарскія абшчыны, калі б стала вядома аб іх сувязях з партызанамі ці аб актыўным камуністычным мінулым. Аб гэтым акупацыйныя ўлады папярэдзілі татараў. Падвяргаліся прадстаўнікі татарскіх абшчын Беларусі і вывазу на працу ў Германію. Як успамінае навагрудская татарка Марыя Якаўлеўна Палтаржыцкая (па мужу Маслоўская) (1923 г.н.), калі яны дазнаваліся, што акупанты набіраюць моладзь для працы ў Германію, то маці хавала яе ў шафе, зачыняла хату, а сама ішла працаваць у поле (з размовы з Марыяй Якаўлеўнай Палтаржыцкай (па мужу Маслоўскай), жыхаркай г. Навагрудка, 8.06.2009.) А вось іўеўскага татарына Якуба Мустафавіча Радлінскага (1925 г.н.) акупанты забралі, каб адвезці на прымусовую працу, аднак у час паездкі ён здолеў уцячы ў раёне г. Ліды і вярнуўся дадому. (З размовы з братам Якуба Бякірам Мустафавічам Радлінскім (1927 г.н.) 17.06.2009.) Сярод мірных жыхароў – ахвяр фашызму ў Смілавічах у кнізе “Памяць” Чэрвеньскага раёна значацца наступныя прадстаўнікі татарскага насельніцтва мястэчка: Ніна (1914 г.н.), Галіна Сюлеўна (1939 г.н.), Тамара Сюлеўна (1943 г.н.), Сюля Кубайлавіч (1909 г.н.), Ібрагім Кубавіч (1906 г.н.), Хасень Кубавіч (1914 г.н.), Канапацкія [17, с. 337].

Што датычыцца рэлігійнай германскай палітыкі на Усходзе, то можна адзначыць, што яна была накіравана на недапушчэнне вядучай ролі адзінай царквы, у першую чаргу Рускай Праваслаўнай, якая вядома сваёй аб’яднаўчай роляй у розныя гістарычныя перыяды, асабліва ў ваенныя часы. Германская палітыка была накіравана на падтрымку розных форм расколу і раз’яднання. Так, 11 красавіка 1942 г. Гітлер адзначыў: “Мы должны избегать, чтобы одна церковь удовлетворяла религиозные нужды больших районов, и каждая деревня должна быть превращена в независимую секту, которая почитала бы Бога по-своему. Если некоторые деревни в результате захотят практиковать черную магию, как это делают негры или индейцы, мы не должны ничего делать, чтобы воспрепятствовать им. Коротко говоря, наша политика на широких русских просторах должна заключаться в поощрении любой формы раскола и разъединения” [18, с. 42].

Характэрным у гэтым сэнсе з’яўляецца Цыркуляр рэйхсміністра А. Розенберга ад 13 мая 1942 г. рэйхскамісарам “Остланда” і “Украіны” аб германскай палітыцы ў дачыненні да рэлігійных грамадстваў на акупаванай тэрыторыі СССР. Загад, з аднаго боку, забяспечваў пэўную свабоду веравызнання, з другога – меў на мэце перашкаджаць палітычна арыентаваным рэлігійным аб’яднанням, перш за ўсё зрабіць немагчымым

уплыў на занятых тэрыторыях Рускай Праваслаўнай Царквы як носьбіта вялікарускай імперыялістычнай ідэі. У загадзе таксама адзначалася наступнае: “Создаваемым позднее службам особо указывать на то, что в сохранении различного рода религиозных организаций проявляется терпимость германского Рейха в отношении всех каким-либо образом верующих людей. Это особенно значимо, имея в виду мусульманское население” [19, с. 210]. Летам 1942 г. імперскі міністр акупаваных усходніх тэрыторый выказаў зацікаўленасць у тым, каб “рэлігійнай дзейнасці мусульман не чыніліся ніякія перашкоды, ёй хутчэй трэба разнастайна садзейнічаць агульнымі намаганнямі” [10, с. 154; 20, л. 2]. У сувязі з гэтым акупацыйныя ўлады ГАБ імкнуліся садзейнічаць правядзенню рэлігійных абрадаў мусульман і выдавалі неабходныя дазволы на такую дзейнасць.

У кастрычніку 1942 г. прызначаны муфціям “Остланда” Я. Шынкевіч звярнуўся да абласнога камісара Баранавіч і генеральнага камісара з просьбай арганізаваць мусульманскія рэлігійныя школы ў Клецку і Мінску: “Большавікі імкнуліся знішчыць самае дарагое для татараў – іх рэлігію, так што татарская моладзь не магла вывучаць Закон Божы. Па той прычыне, што мы, мясцовыя татары, забылі сваю родную мову, іслам – адзіная сувязь паміж намі. Важнейшая наша задача – увесці выкладанне Закона Божага для нашай моладзі і такім чынам знішчыць кінутае большавізмам шкоднае семя” [10, с. 155; 21, л. 31]. Выкладаць мусульманскую рэлігію ў Клецку прасілі дазволіць імаму мусульманскай мячэці горада Мацею Александровічу. Меркавалася, што колькасць вучняў у клецкай школе будзе ад 25 да 30 чалавек. Адносна Мінска муфціям заяўляў, што ў “муфціята адсутнічаюць сродкі на ўтрыманне выкладчыка, таму мы просім прызначыць для годжыя (выкладчыка. – С.Г.) мінскай мусульманскай рэлігійнай школы адпаведную зарплату, каб ён мог існаваць. Самі татары не ў стане ўтрымліваць настаўніка, бо яны пацярпелі ад большавікоў” [10, с. 155; 21, л. 31]. На заяву вельмі хутка быў атрыман адказ наступнага зместу: “Ні ў якім выпадку не трэба перашкаджаць увядзенню выкладання Закона Божага для татарскай моладзі. Гэтым абвясчаецца аб дазеле выкладаць Закон Божы” [10, с. 156; 21, л. 32]. Аднак сродкаў на падтрымку запланаваных заняткаў акупацыйнымі ўстановамі выдадзена не было.

Рэйхскамісар “Остланда” ў ліпені 1943 г. дазволіў мясцовым прыхільнікам ісламу мець адзін выхадны дзень (за выключэннем тых выпадкаў, калі гэтаму прырэчаць асобныя ваенна-эканамічныя абставіны) у такія мусульманскія святы, як Меўлід-Байрам (дзень нараджэння Прарока), Рамазан-Байрам (1 кастрычніка 1943 г.), Курбан-Байрам (8 снежня 1943 г.), Навагодняе свята (Узнясенне ці зыход Прарока, які прыпадаў на 28 снежня 1943 г.). Камісарам раёнаў, акруг і кіраўнікам прадпрыемстваў, на якіх мусульмане складалі большасць, дазвалялася пераносіць працоўныя дні на

царкоўныя святочныя і выхадныя дні паводле грыгарыянскага ці юліянскага календара для працоўных-мусульман. Адзначалася, што з-за несупадзення мусульманскага і еўрапейскага летазлічэння дадзеныя выхадныя дні вызначаны толькі на 1943 г. і павінны будуць кожны год вылічвацца нанова [10, с. 156; 22, л. 10].

Падчас германскай акупацыі ў распараджэнне мінскіх татарай быў перададзены будынак мінскай мячэці. Да вайны ён выкарыстоўваўся як гандлёвы склад, таму татарам давялося нямапапрацаваць, каб у ім можна было аднавіць мусульманскія набажэнствы. Мячэць наведвалі на працягу ўсяго акупацыйнага перыяду не толькі мінскія татары, але і з іншых населеных пунктаў [23, с. 30]. Функцыі імама ў ваенныя гады выконваў Я. Якубоўскі (1942–1945 гг.). Што датычыцца мусульман уздзенскай абшчыны, то мячэць тут адноўлена не была, аднак акупацыйныя ўлады не перашкаджалі татарам праводзіць намаз у хатах, што члены ўздзенскай татарскай абшчыны актыўна здзяйснялі (інфармацыя атрымана ў выніку размовы з членам уздзенскай татарскай абшчыны Магаметам Сулейманавічам Якубоўскім (1928 г.н.) 24.06.2009). Ёсць звесткі аб тым, што татары-мусульмане са Смілавіч выказвалі пажаданне пабудаваць у іх мячэць [10, с. 152].

Не спыняла сваю дзейнасць культавая пабудова іўеўскіх мусульман, якую, з успамінаў мясцовых жыхароў, нават час ад часу наведвалі і немцы. Выпадак выратаваў мячэць ад разбурэння ў 1944 г. Гэта адбылося 7 ліпеня, калі савецкія войскі, вызваляючы Іўе ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў, толькі з-за недалёту артылерыйскага снарада не закранулі мінарэт мячэці. Гэта адбывалася ў пятніцу, каля трынаццаці гадзін, падчас намазу, які імаму іўеўскіх татарай Мустафе Шабановічу ў гэты раз прыйшлося тэрмінова спыніць.

Аднак, на жаль, далёка не ўсім мячэцям пашанцавала пазбегнуць разбурэння ў выніку ваенных дзеянняў. У 1941 г. падчас баёў за горад згарэла мячэць у Міры [24, с. 57]. Была спалена мячэць у Клецку ў ліпені 1944 г. пры ліквідацыі немцамі гэта [24, с. 65], падчас баявых дзеянняў у 1944 г. згарэла Слоніўская мячэць з-за пажару ў горадзе [24, с. 67–68]. У 1944 г. партызаны спалілі мячэць у Мядзелі [24, с. 78], у гэты ж час згарэў малітоўны дом у Глыбокім [24, с. 79]. Аднак ёсць падставы меркаваць, што ў час акупацыі вышэй адзначаныя мячэці маглі дзейнічаць. Маюцца звесткі аб тым, што імамамі ў згаданых татарскіх абшчынах у ваенныя гады былі наступныя асобы: у Клецку – Мустафа Александровіч (з 1939 г. па 1953 г.), у Слоніме – Камбер Смольскі (з 1929 г. па 1945 г.), у Мядзелі – Аляксандр Адамовіч (з 1925 г. па 1945 г.). Працягвала сваю дзейнасць да канца 1940-х гг. мячэць у Даўбучках. Функцыі імама з 1933 г. па 1946 г. тут выконваў Л. Мухля [24, с. 44]. Здзяйснялі намаз у акупацыйны перыяд і

татары Навагрудскай абшчыны на чале з імамам Сялімам Сафарэвічам. Мячэць была зачынена 25 сакавіка 1948 г. (перададзена пад жылы дом). Паводле архіўных дадзеных на 1942 г., праводзіліся набажэнствы ў Відзах і Докшыцах [10, с. 152], [9, л. 20]. Дзейнічала ў вайну мячэць у Асмолава, дзе функцыі імама з 1934 г. па 1946 г. выконваў А. Байрашэўскі [25, с. 250]. Захаваліся святыні ў Крушынянах і Багоніках на Беласточчыне. Імамамі тут былі суадносна Іосіф Паплаўскі (1941–1945 гг.) і Мацей Махмет Алейкевіч (1940–1968 гг.). Дарэчы, у 1944 г. у мячэць у Крушынянах трапіла бомба, аднак яна не разарвалася. У святыні пэўны тэрмін размяшчаўся палявы шпіталь акупантаў, у гэты час тут былі знішчаны старажытныя дываны і пакрыцці падлогі [24, с. 83, 86]. Далёка не ўсе засталіся не кранутымі і старыя татарскія могілкі (мізары). Гітлераўцы з каменных надмагілляў рабілі мураваныя ўмацаванні. Яны і сёння захоўваюцца ў некаторых мясцовасцях (напрыклад, у раёне Ашмян).

Увогуле, калі весці размову аб стаўленні акупантаў да мусульманства, то няма ніякіх падстаў лічыць, што нацысцкая Германія ў які-небудзь перыяд праяўляла сапраўдную сімпатыю да ісламскай веры. Нельга не пагадзіцца з перакананнем Герхарда Хёпа, які, паставіўшы пытанне аб тым, ці існавала ўвогуле ў гады Другой сусветнай вайны “ісламская палітыка”, гаворыць наступнае: “Калі пад гэтым мець на ўвазе кампактную, дыферэнцаваную канцэпцыю і адпаведны інструментарый яе здзяйснення, а таксама пераканаўчыя сведчанні яе рэалізацыі, то такой увогуле не існавала. Калі ж пад гэтым азначэннем разумець выкарыстанне функцый ісламу дзеля сваёй палітыкі, у першую чаргу ў дасягненні ваенных мэт, то такая, безумоўна, мела месца” [1, с. 325–326].

Што ж датычыцца беларускіх мусульман, то германскія ўлады не разглядалі мясцовых татараў у якасці значнай сілы, якую можна было б выкарыстаць на сваю карысць, нахшталт, напрыклад, татараў Kryма. Па-першае, беларускія татары складалі значна меншую частку насельніцтва краіны ў параўнанні з Kryмам (татары Kryма складалі ў 1939 г. 19,4 % ад агульнай колькасці насельніцтва [2, с. 385], беларускіх татараў было каля 0,1 %). Па-другое, беларускія татары, у сваёй асноўнай масе, не імкнуліся да ажыццяўлення нацыянальнай ідэі ў шырокім сэнсе, бо не аддзялялі сябе ад той дзяржавы, грамадзянамі якой з’яўляліся да вайны. Магчыма, менавіта таму германскія ўлады не рабілі асаблівага стаўлення на мусульманскае насельніцтва Беларусі, у параўнанні з іншымі мусульманскімі народамі. Але нельга адмаўляць, што адпаведную цікавасць да прыхільнікаў ісламу на Беларусі акупацыйныя ўлады ўсё ж праяўлялі і дастаткова лаяльна да іх ставіліся.

Такім чынам, можна зрабіць выснову, што ў выніку германскага акупацыйнага адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу асноўная маса

татарска-мусульманскага насельніцтва Беларусі размяшчалася ў Генеральнай акрузе Беларусь. У палітыцы акупацыйных улад у дачыненні да татарскага насельніцтва можна выдзеліць наступныя этапы. Першы – 1941 – люты 1942 г., калі гітлераўцы не разглядалі мясцовых татараў як істотны элемент у сваёй нацыянальнай палітыцы і не надавалі ім асаблівай увагі. Другі – з пачатку 1942 г. па люты 1944 г., падчас якога пэўную цікавасць, асабліва пасля рэабілітацыі мусульманскіх народаў на ўзроўні Рэйха, да татараў-мусульман на Беларусі акупацыйныя ўлады ўсё ж праяўлялі і ставіліся да іх дастаткова лаяльна. Падчас трэцяга этапу, напрыканцы вайны, пачынаючы з лютага 1944 г., гітлераўцы нават праводзілі палітыку, якая была накіравана на супрацоўніцтва з мясцовымі мусульманскімі лідэрамі, каб выкарыстаць татарскае насельніцтва дадзенага рэгіёна ў сваіх ваенна-палітычных мэтах. Палітыка германскіх улад у дачыненні да мясцовых татараў была супярэчлівай і залежала ад адпаведных фактараў, у першую чаргу ад ваеннага становішча на франтах.

1. Гилязов, И.А. Коллаборационистское движение среди тюркско-мусульманских военнопленных и эмигрантов в годы Второй мировой войны : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / И.А. Гилязов. – Казань, 2000. – 400 л.

2. Семиряга, М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М.И. Семиряга. – М. : РОССПЭН, 2000. – 862 с.

3. Романько, О.В. Мусульманские легионы Третьего Рейха. Мусульманские добровольные формирования в германских вооруженных силах (1939–1945 гг.) / О.В. Романько. – Симферополь : Тавр. нац. ун-т им. В.И. Вернадского, предприятие «Таврия плюс», 2000. – 90 с.

4. Tyszkiewicz, J. Z historii tatarów polskich 1794–1944 / J. Tyszkiewicz. – Pułtusk, 1998. – 176 s.

5. Chazbijewicz, S. Praca tatarska-musulmanska w Polsce w latach 1939–1996 / S. Chazbijewicz // Rocznik tatarów polskich. – 1995. – Т. III. – S. 87–102.

6. Chazbijewicz, S. Tatarzy polsko-litewscy w latach II wojny światowej / S. Chazbijewicz // Meandry cywilizacyjne, kwestie narodowościowe i polonijne. – Wyd. II. – 1997. – S. 91–98.

7. Гилязов, И.А. Военно-политический коллаборационизм тюркско-мусульманских народов СССР в годы Второй мировой войны : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / И.А. Гилязов ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 1999. – 27 с.

8. Каваленя, А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць / А. Каваленя. – Мінск : Беларус. дзярж. пед. ун-т, 1999. – 234 с.

9. Резолюции и списки участников конференции епископов Белорусской ортодоксальной церкви, докладная записка Могилевского архиепископа Филофея от 15 июня 1942 г. о состоянии церкви в Белоруссии, антисоветские воззвания служителей церкви к белорусскому народу, статистические сведения о количестве мусульман по округам Белоруссии, переписка с рейхскомиссариатами по делам церкви (3 ноября 1941 г. – 11 мая 1944 г.) // НАРБ. – Фонд 370. – Воп. 1. – Спр. 386.

10. Кривашэй, Д.А. Нацыянальныя супольнасці Беларусі ў перыяд германскай акупацыі (чэрвень 1941 – ліпень 1944 г.) / Д.А. Кривашэй. – Мінск : Беларус. навука, 2009. – 198 с.

11. Списки рабочих и служащих по национальности, списки лиц, назначенных на должность старост и др. // Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці (далее – ДАМВ). – Фонд 623. – Воп. 1. – Спр. 22.

12. Сведения о ветеринарных врачах и фельдшерах, о лицах мусульманского вероисповедания по Минскому району за 1942 г., о количестве браков, рождаемости и смертности за период с 01.10.1941 г. по 03.03.1942 г., переписка с комиссариатом Минского округа об утверждении волостных бургомистров, старост и др. // ДАМВ. – Фонд 623. – Воп. 1. – Спр. 18.

13. Ruchniewicz, M. Stosunki narodowościowe w latach 1939–1948 na obszarze tzw. Zachodniej Białorusi / M. Ruchniewicz // Przemiany narodowościowe na kresach wschodnich II Rzeczypospolitej : zb. artyk. / pod red. S.Ciesielskiego. – Toruń : Wydaw. Adam Marszałek, 2003. – S. 242–322.

14. Статистические сведения окружных комиссариатов о количестве мусульман в Белоруссии на 1942 г. и переписка с окружными комиссариатами по делам культов (12 ноября 1941 г. – 9 июля 1942 г.) // НАРБ. – Фонд 370. – Воп. 1. – Спр. 425.

15. Павлов, В. О переходе на сторону партизан 825-го волго-татарского батальона / В. Павлов // Татары-мусульмане на землях Беларуси, Литвы і Польшчы : матэрыялы Першай міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. да 600-годдзя татарскага асадніцтва на землях Беларуска-Літоўскай дзяржавы, распачатага пры Вітаўце Вялікім, Мінск, 26–27 сак. 1993 г. : у 3 ч. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал.: І. Александровіч [і інш.]. – Мінск, 1995. – Ч. 3. – С. 490–505.

16. Ведомости на выдачу зарплаты работникам Узденской районной и волостных управ, школ, медпунктов, полиции, старостам деревень района за август – ноябрь 1942 г. // ДАМВ. – Фонд 628. – Воп. 2. – Спр. 12.

17. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Чэрвеньскага раёна / рэдкал.: Г.К. Кісялеў [і інш.]. – Мінск : БелТА, 2000. – 623 с.

18. Силова, С.В. Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) : монография / С.В. Силова. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 105 с.

19. Шкаровский, М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной церкви в свете архивных материалов : сб. док. / М.В. Шкаровский. – М. : Изд-во Крутицкого Патриаршего Подводья, 2003. – 366 с.

20. Акт от ноября 1943 г. о передаче Минским историческим музеем музейных экспонатов – предметов церковного имущества православной белорусской митрополии и переписка с Минским городским комиссариатом и управляющим Минской епархией о необходимости содействия мусульманской церкви на территории Белоруссии и о выдаче пропусков православным священникам (22 июня 1942 г. – 10 декабря 1943 г.) // НАРБ. – Фонд 370. – Воп. 1. – Спр. 433.

21. Переписка с рейхскомиссариатом «Остланд», окружными комиссариатами и служащими белорусской церкви о назначениях и перемещениях служащих культа и необходимости открытия в г. Клецке мусульманской школы (14 июля 1942 г. – 1 февраля 1944 г.) // НАРБ. – Фонд 370. – Воп. 1. – Спр. 382.

22. Циркуляры Рейхскомиссариата «Остланд» об освобождении мусульман от работ во время религиозных праздников, о работе вновь созданной Службы пропаганды при ГКБ, статьи Службы пропаганды Востока о положении в Белоруссии и за рубежом (11 августа 1943 г. – 13 января 1944 г.) // НАРБ. – Фонд 370. – Воп. 1. – Спр. 2376.

23. Лыч, Л.М. Татары Беларуси на пераломках сацыяльна-палітычных эпох (XX – пачатак XXI ст.) / Л.М. Лыч. – Мінск : Кнігазбор, 2007. – 76 с.

24. Drozd, A. Meczety i cmentarze tatarow polsko-litewskich / A. Drozd, M. Dziekan, T. Majda. – Warszawa : Respublika Multiethnika, 1999. – 100 s.

25. Вабішчэвіч, А. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. Вабішчэвіч. – Брэст : БрДУ, 2008. – 319 с.

УДК 94(47+57)“1941/1944”

Е.А. СОКОЛОВА

Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет

ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ – ОРУДИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕСТУПНЫХ ПЛАНОВ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Летом 1941 года, несмотря на упорное сопротивление частей Красной Армии, немецкие армии быстрыми темпами продвигались на восток СССР. К сентябрю 1941 года германские войска оккупировали территорию Беларуси, установив здесь так называемый «новый порядок» – режим кровавого террора и насилия над населением. Это был тщательно и заранее разработанный и продуманный план геноцида, направленный на ликвидацию советского общества и государственного строя, а также предусматривающий тотальный грабеж национальных богатств и природных ресурсов СССР. Идеологической основой этой политики являлась человеконенавистническая теория нацистов о «расовом превосходстве» немецкой нации над другими народами. В соответствии с генеральным планом «Ост» планировалось оставить в Беларуси не более 25 % местного населения для онемечивания и использования в качестве рабочей силы, остальная часть населения подлежала физическому уничтожению и принудительному выселению. Конкретные указания по установлению «нового порядка» были изложены в инструкции «Об отдельных областях» к директиве № 21 (план «Барбаросса»), изданной 13 марта 1941 года [5, с. 105].

Планы нацистского руководства предполагали также и территориальное расчленение Беларуси: Белостокскую область оккупанты включили в состав Восточной Пруссии. В нее вошли также Гродно, Волковыск, Высокое, Шерешово, Порозово и ряд других городов и населенных пунктов. На этой территории гитлеровцы издавали специальные декреты, распоряжения, приказы, которые вводили немецкое право, суды, антисоветские законы и т.д.

Южные районы Брестской, Гомельской, бывших Пинской и Полесской областей были присоединены к рейхскомиссариату «Украина».

Сюда отходили города Брест, Пинск, Мозырь и такие районы, как Василевичский, Хойникский, Брагинский, Лоевский, Калиновичский, Мозырский, Петриковский, Лельчицкий, Туровский, Ельский, Наровлянский, частично Копаткевичский и другие. Это означало, что все районы республики, которые находились к югу от железной дороги Брест – Гомель, полностью попадали под действие законов и распоряжений рейхскомиссариата «Украина». Характерно, что параллельно с оккупационными марками были запущены в обращение украинские карбованцы. Все делопроизводство и переписка велись только на немецком и украинском языках. Исходя из политики германизации, белорусский язык был запрещен. Целенаправленно осуществлялась политика ликвидации белорусского народа как нации.

По административному делению оккупантов Витебская, Могилевская, Гомельская, восточная часть Минской области образовали так называемую область армейского тыла.

В состав Беларуси, или, как ее оккупанты называли, «генеральбецирк Белорутения», включались бывшая Барановичская область, часть западных и северо-западных районов Минской области, а также северные районы бывшей Пинской области. Всего в «генеральбецирк Белорутения» входило только 68 районов из 192, которые были в составе СССР накануне Великой Отечественной войны. Площадь этих 68 районов составляла четверть территории Беларуси. По данным оккупантов тут проживало 3 138 256 человек, или 22,9 % от общего числа всего довоенного населения Беларуси, а к концу 1942 г. насчитывалось 2 411 333 человек [11, с. 44].

Во главе генерального комиссариата Беларуси был поставлен один из приближенных Гитлера и Гиммлера – Вильгельм Кубе. Необходимо отметить, что на должность генерального комиссара Беларуси он был назначен 6 мая 1941 г., то есть еще до вероломного нападения Германии на СССР, до оккупации Беларуси [14, л. 3].

В соответствии с требованиями немецкой оккупационной политики административный аппарат создавался и на местах. Вся территория генерального комиссариата была разделена на 10 округов (гебитскомиссариатов): Барановичский, Вилейский, Ганцевичский, Глубокский, Лидский, Минский, Новогрудский и Слуцкий. Во главе этих округов были поставлены гебитскомиссары, которые непосредственно подчинялись Кубе. Так, например, Минский гебитскомиссариат возглавил доктор Кайзер, Барановичский – Вернер, Слонимский – Эрен, Новогрудский – Трауб и др. [11, с. 47].

Вся система административного руководства строилась на непосредственном сохранении «принципа фюрерства», в соответствии с которым каждый гебитскомиссар имел право издавать распоряжения без

всякого контроля, по своему собственному мнению, руководствуясь только указаниями сверху. Этот принцип осуществлялся прежде всего в отношении к самому генеральному комиссару Беларуси Кубе, а затем Готтбергу.

В структурном отношении гебитскомиссариат был построен так, как и генеральный комиссариат, только административный аппарат его был значительно меньше. Город Минск находился на особом положении. Он подчинялся непосредственно генеральному комиссару. Здесь был образован городской комиссариат, которым руководил Вильгельм Янецке.

Аппарат городского комиссариата был укомплектован исключительно немецкими служащими. Параллельно с этим была образована городская управа, состоявшая из коллаборантов. Отделы управы дублировали названия отделов городского комиссариата и имели одинаковое назначение. Причем управа без санкции городского комиссариата не могла решить ни одного вопроса. Городской комиссар Янецке являлся шефом управы, а каждый начальник отдела комиссариата был шефом соответствующего отдела управы.

В районах были созданы районные управы. Они также комплектовались из числа предателей. Во главе районной управы стоял бургомистр. Гитлеровцы на эту должность ставили привезенных из Германии белорусских националистов, лиц, которые до войны имели судимость или были раскулачены. Эти люди ненавидели Советскую власть и с радостью стали служить оккупантам.

В пределах территории сельских Советов оккупанты создали волости, которыми руководили назначенные ими бургомистры. Волостные бургомистры и старосты подбирались, главным образом, из числа раскулаченных, а также лиц, которые до войны имели судимость. Особенно желанными помощниками являлись лица, которые имели судимость по политическим мотивам. Гитлеровцы заставляли население послушно выполнять приказы своих ставленников. Работу районных, волостных управ и старост деревень направляли и контролировали специально назначенные шефы, а также зондерфюреры со своим аппаратом, которые подчинялись окружному комиссариату, коменданту местной комендатуры, карательным органам и т.д.

На территории армейского тыла (Витебская, Могилевская, восточные районы Минской, южные районы Гомельской области и город Гомель, а также и другие районы) оккупанты своей гражданской администрации не создавали. Эта территория рассматривалась ими как зона военных действий. Вся полнота власти там находилась в руках армейских частей в лице полевых комендатур [1, с. 1].

Полевым комендатурам были подчинены местные комендатуры и так называемые местные гражданские власти. В распоряжении полевых и местных комендатур находились различные карательные органы и прежде всего полевая полиция. В функции последней, как сказано в одной из инструкций оккупантов, входило регулирование движения, поддержание порядка на всем участке, очистка оккупированной территории от десантов Красной Армии, организация карательных экспедиций против партизан, изоляция лиц, враждебно настроенных к оккупантам, сбор продуктов и теплой одежды для солдат и офицеров гитлеровской армии, охрана военных объектов, промышленных предприятий, организация трудовой повинности местного населения и т.д.

О функции местных комендатур можно судить по приказам и объявлениям, которые они издавали. В одном из таких приказов говорилось: «Вся власть на территории комендатуры принадлежит местной комендатуре. Местной комендатуре подчиняется гражданская и полицейская власть. Распоряжениям военного коменданта следует беспрекословно подчиняться. Всеми вопросами местного и гражданского руководства распоряжается только местная комендатура. Невыполнение изданных постановлений самым суровым образом карается в соответствии с германскими военными законами» [15, л. 169]. Городские, районные и волостные управы были в непосредственном ведении комендатур. Неограниченной властью пользовались командующий охранными войсками и начальник тылового района группы армий «Центр» генерал фон Шенкендорф.

На территории Беларуси, которая отходила к рейхскомиссариату «Украина», оккупантами были образованы четыре гебитскомиссариата: Мозырьский гебитскомиссариат с центром в Мозыре, в который входили Мозырьский, Калинковичский, частично Копаткевичский район и местечко Скригалово; Василевичский гебитскомиссариат с центром в местечке Василевичи, в который входили Хойницкий, Василевичский, Брагинский и Лоевский районы; Петриковский гебитскомиссариат, в который входили Петриковский, Туровский и Лельчицкий районы; Ельский гебитскомиссариат, в который входили Ельский и Наровлянский районы [11, с. 48]. Все эти оккупационные учреждения играли важную роль в системе оккупационного режима.

Говоря о вооруженных силах как об орудии политической власти оккупантов, бывший военный руководитель СС и полиции тыла группы армий «Центр» генерал СС фон Бах-Целевски на Нюрнбергском процессе сказал: «Эти соединения вооруженных сил в первую очередь были охранными дивизиями, которые использовались в тылу войск за линией фронта, после так называемых батальонов территориальных стрелков. Они

действовали около железнодорожных путей, шоссе и охраняли другие военные объекты. Помимо того, с 1942–1943 гг. были образованы так называемые дежурные части, которые формировались из тыловых частей и маршевых рот» [1, с. 31].

Во всех городах, районных центрах и крупных населенных пунктах, как правило, размещались воинские гарнизоны и многочисленные отряды полиции. В Минске, например, был размещен военный гарнизон, который насчитывал около пяти тысяч гитлеровских солдат и офицеров, не считая различные армейские резервы, штабы, карательные части СС, части СД, жандармерию, полицию и т.д.

В Гомеле дислоцировался вражеский гарнизон, в котором было около 3,5 тыс. солдат и офицеров. Там же размещался штаб 221-й охранной дивизии с ее многочисленными резервами. В одном из документов командующий охранными войсками и начальник тылового района группы армий «Центр» генерал фон Шенкендорф писал, что на 1 декабря 1941 года в составе охранных войск, которые непосредственно дислоцировались в тыловом районе группы армий «Центр», то есть в основном находились на территории Белоруссии, было «4 охранных дивизии, 2 бригады СС, 229 пехотных рот, 11 артиллерийских батарей и т.д.» [16, л. 133–135]. Количество этих войск по мере развертывания военных действий и усиления сопротивления белорусского народа в тылу врага все увеличивалось. Гитлеровцам приходилось даже снимать воинские части с фронта и использовать их против партизан, для проведения карательных экспедиций и усиления своего «нового порядка» на оккупированной земле.

Охранные войска непосредственно были подчинены начальнику оперативного управления гитлеровского генерального штаба сухопутных войск генералу А. Хойзингеру. В приказе командования группы армий «Центр» № 6241/42 от 10 августа 1942 г. сказано: «Верховное командование сухопутных войск приказывает: борьба с партизанами и охрана оперативного района рассматривается как часть боевых действий. Командующие группами армий, армиями и начальники тыловых районов несут полную ответственность за проведение необходимых для этого мероприятий в своих районах. В Верховном командовании сухопутных войск руководство всеми вопросами борьбы с партизанами и использовании охранных частей с этого времени осуществляет оперативное управление генерального штаба, а в группах армий, армиях и оперативных тылах групп – оперативные отделы» [11, с. 50].

Важную роль в системе управления оккупантов на временно захваченной земле Беларуси играли различные части полиции, СС и другие карательные органы. Они являлись основным орудием нацистских преступлений. Полиция безопасности, служба безопасности (СД),

жандармерия, тайная полевая полиция (ГФП), контрразведывательные органы «Абвера», полиция службы охраны порядка и другие принимали самое непосредственное участие в карательных экспедициях, проводили повсеместные аресты гражданского населения, направляли большое количество арестованных в тюрьмы и лагеря, где их держали в нечеловеческих условиях, пытали и истязали. Они проводили массовое уничтожение советских граждан, расстреливали заложников – женщин, детей, стариков, отправляли советских граждан на работы в Германию и т.д. В области армейского тыла, то есть на территории Витебской, Могилевской, Гомельской и южных районов Минской области, совместно с гитлеровской армией и в ее тылу действовала оперативная группа полиции безопасности и службы безопасности (СД), известная под названием «Эйзатцгруппа Б». Офицерский состав этой группы комплектовался из сотрудников гестапо, криминальной полиции и СД, а рядовые набирались из полиции охраны порядка и войск СС. Согласно официальным данным только с 15 ноября по 15 декабря 1942 г. этой группой было уничтожено 134 198 мирных граждан [1, с. 32].

В прифронтовой полосе главную роль играли тайная полевая полиция (ГФП), жандармерия, органы военной контрразведки «Абвер» и т.д. Здесь они действовали самостоятельно или вместе с воинскими частями.

На территории так называемого генерального комиссариата Беларуси действовали постоянные органы полиции безопасности и службы. В Минске было создано управление полиции безопасности и СД для Беларуси, которое возглавлял оберштурмбанфюрер СС Штраух, а в округах и районных центрах находились его отделы и филиалы.

«Задача полиции безопасности и службы безопасности (СД), – говорилось в одной из инструкций гитлеровцев, – заключается в выявлении всех врагов империи и в борьбе с ними в интересах безопасности, а в зоне боевых действий – в целях безопасности армии. Все остальные элементы, которые по своим взглядам при благоприятных условиях могут оказаться врагами, должны устраняться... со всей строгостью» [11, с. 51].

Органы полиции безопасности и СД виновны в самых страшных злодеяниях, учиненных на белорусской земле. Из сотрудников полиции безопасности и СД создавались специальные команды (зондеркоманды), которые действовали самостоятельно или присоединялись во время карательных экспедиций к соединениям вермахта или полицейских частей. Руководству частей, как сказано в одной из инструкций, было дано право решать: или жечь деревни, уничтожать или эвакуировать их жителей» [15, л. 167]. Помимо полиции безопасности и СД на временно оккупированной территории Беларуси были сконцентрированы большие

силы войск СС, охранной полиции и жандармерии. Здесь находились прибывшие из Германии 2 бригады войск СС, 7 полицейских полков СС и многие полицейские и жандармейские части. По указанию Гитлера в Беларусь прибыл созданный из уголовных элементов батальон СС специального назначения под командованием Дирлевангера. Все эти войска – СС, полиции и жандармерии – находились под командованием начальника СС и полиции Беларуси группенфюрера войск СС фон Готтберга.

Используя эту огромную машину принуждения и издевательств, фашисты пытались насадить свой «новый порядок» на оккупированной земле Беларуси.

С первых дней оккупации повсеместно на захваченной территории Беларуси были развешены приказы и распоряжения гитлеровцев, в которых указывалось, что населению за выход на улицу после установленного времени угрожает расстрел, за невыполнение вовремя распоряжений оккупантов – расстрел, за связь с партизанами, за отказ участвовать в сборе теплых вещей для немецкой армии, за хождение вблизи железнодорожного полотна, за выход в лес и т.д. – за все немедленно угрожал расстрел. И это были не просто угрозы. Приказы приводились в исполнение с точностью и пунктуальностью, как этого требовало верховное командование гитлеровской армией. В своем приказе от 16 ноября 1941 г. начальник штаба верховного командования немецкой армии фельдмаршал Кейтель писал, что «человеческая жизнь в соответствующих странах в большинстве случаев не имеет никакой ценности» и что покорности можно «добиться только при помощи исключительно жестких мер» [10, с. 81–82]. Массовые убийства гражданского населения и чрезвычайно жестокое обращение с ним проводились захватчиками различными способами и средствами.

В целях максимального использования населения оккупированных районов был создан аппарат «управления» и так называемое оккупационное законодательство. И то, и другое представляло собой «узаконенную» декретами и распоряжениями фашистского руководства систему «государственного терроризма». Пренебрегая общепризнанными нормами международного права, оккупанты упразднили все ранее существовавшие советские законы и ввели целую систему «оккупационного законодательства и судопроизводства», приспособленную к нуждам оккупационной политики.

Наряду с широко применяемой внесудебной расправой оккупанты во многих случаях создавали импровизированные «суды», которые были простыми придатками карательных органов. Дикие пытки и издеательства над советскими людьми были обычными методами «следствия» во всех фашистских карательных органах.

Специальным распоряжением начальника штаба верховного командования вермахта Кейтеля о применении военной подсудности в районах осуществления плана «Барбаросса» устанавливались неограниченные полномочия армейского командования. Даже низшим военным чинам предоставлялось право расстрела без суда, по собственному усмотрению.

В соответствии с гитлеровским планом колонизации Латвии, Литвы, Эстонии и Беларуси фашисты намеревались поселить в Минске 50 тыс. арийцев и временно оставить для использования в качестве рабочей силы до 100 тыс. местных жителей. В Гомеле намечалось поселить 30 тыс. колонистов и оставить в живых 50 тыс. местных жителей. Такое же положение отмечено и по другим областным центрам Беларуси. Планировалось поселить в городах 200 тыс. немецких колонистов [11, с. 2].

В сообщении минского СД в Берлин в марте 1942 г. говорилось: «В зоне Минского комиссариата (генерального округа Беларуси) проживает около 15 тыс. лиц немецкого происхождения. Есть намерение выселить из сел русское население и поселить туда лиц арийского происхождения, чтобы создать замкнутые немецкие поселения» [17, л. 69].

Важным документом, который проливает свет на нацистскую политику геноцида, является фашистский план послевоенного устройства Минска. Согласно этому плану, гитлеровцы рассчитывали построить на важнейших магистралях при выезде из города и в его центре громадные казармы для гарнизонов эсэсовцев и административные здания для размещения фашистского управленческого аппарата. Вдоль реки Свислочь, между улицами Первомайской и Интернациональной, предполагалось построить здания главного административного управления, а в границах улиц Свердлова, Комсомольской, Кирова разместить структуры абвера, СД, жандармерии, вспомогательных карательных органов. Между улицами Берсона и Мясникова планировалось соорудить громадную тюрьму. В районе улицы Карла Либкнехта предполагалось построить крематорий с площадкой для расстрелов и специальными подъездными железнодорожными путями [9, с. 39].

С особой скрупулезностью разрабатывалась политика физического истребления народов СССР. Гитлеровцы планировали проведение ряда мер, которые сократили бы биологический потенциал народов СССР и тормозили естественный прирост населения. Речь шла о поддержании на самом высоком уровне смертности среди местного населения, о ликвидации медицинского обслуживания, о «доведении рождаемости русских до более низкого уровня». Имелось также в виду проведение ряда и других мер, включая стерилизацию, создание невыносимых условий существования, отправку детей на каторжные работы в фашистскую Германию и т.д.

На территории Беларуси было создано более 260 лагерей смерти. Уже в первые дни Великой Отечественной войны ужасы фашистских лагерей испытали на себе советские военнопленные, число погибших среди них составило более 4 миллионов человек [1, с. 291].

О том, в каких условиях находились военнопленные и местное население в концлагерях г. Минска, министерский советник Дорш сообщал в Берлин рейхслейтеру Розенбергу 10 июля 1941 г.: «В лагерях для военнопленных в Минске, расположенных на территории размером с площадь Вильгельмплац, находится примерно 100 тыс. военнопленных и 40 тыс. гражданских заключенных. Заключенные, загнанные в это тесное пространство, едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные потребности там, где стоят. Военнопленные, проблема питания которых едва ли разрешима, живут по 6–8 дней без пищи, в состоянии животной апатии, вызванной голодом, и у них есть стремление: достать что-либо съестное» [8].

Интернациональным лагерем смерти стал концлагерь в М. Тростенце, находящийся в 10 км от Минска. По своим зверствам, творимым в нем фашистскими палачами, он не уступал таким лагерям смерти, как Освенцим и Майданек.

В 1941 г. местом массовых расстрелов избрали Благовщину, что в 11 км от Минска. Сюда же свозили трупы людей, уничтоженных в душегубках. Трупы засыпали землей и утрамбовывали гусеничными тракторами. В 1943 г. фашисты, чтобы скрыть свои злодеяния в Благовщине, стали извлекать из могил трупы и сжигать их. В 1943 г. недалеко от лагеря в урочище Шашковка гитлеровцы построили специальную печь, где сжигали трупы.

Свидетель С.И. Савинская, случайно спасшаяся при расстреле 30 июля 1944 г., заявила: «Вскоре очередь дошла и до меня. Я с А. Голубевой и Г. Семашко и еще с одной женщиной по команде немцев вышли из машины и взошли на штабель трупов. Когда слышались выстрелы, я упала и была ранена в голову. Я лежала на трупах до позднего вечера. Немецкие палачи привозили в этот день еще две машины с женщинами, которые были расстреляны на моих глазах. Я выбралась из-под трупов, увидела двух раненых мужчин, и все втроем бежали. Немецкий конвой открыл по нас огонь. Бежавшие со мною мужчины были убиты, а я все же убежала в болото и скрывалась там 15 дней, так как не знала, что Минск уже освобожден за эти дни от немецко-фашистских захватчиков» [18, л. 25].

В фонде Чрезвычайной Государственной Комиссии в ЦА РФ имеется акт комиссии от 25 июля 1944 г. под председательством Героя Советского Союза, генерал-майора В.И. Козлова. В нее входили врач И.М. Стельмашонок, военный следователь, капитан Семенов, писатель,

депутат Верховного Совета БССР М. Лыньков, кандидат медицинских наук Л.Е. Таранович, доктор Е.М. Наумович, топограф Володько и жители деревни М. Тростенец Бошко и М.В. Барлани. В акте отражены зверства, имевшие место на территории концлагеря. Путем осмотра лагеря комиссия установила 34 ямы-могилы на месте массовых расстрелов мирных жителей, сожженных сараев с сожженными трупами и специальные печи, в которых сжигались люди. Среди сотен тысяч советских людей, замученных в Тростенце, были военнопленные, политические заключенные немецких тюрем, еврейское население г. Минска и других городов Беларуси, партизанские семьи, семьи заложников из Минска и т.д. Среди погибших много женщин, стариков и детей. В этом лагере уничтожилось население городов Чехословакии, Австрии, Германии и Польши. Государственная Комиссия в вышеупомянутом составе установила, что в лагере М. Тростенец фашистские палачи уничтожили 545 тыс. советских граждан [19, л. 24]. Об этом свидетельствуют архивные материалы.

Карательные операции являлись неотъемлемой частью немецко-фашистского оккупационного режима, одним из основных средств установления так называемого «нового порядка». На территории Беларуси они проводились с первых дней оккупации.

В июле 1941 г. полицейский полк «Центр» провел карательную операцию в Беловежской пуще. Из 34 деревень были вывезены все жители (6646 человек). Каратели сожгли деревни, в том числе Бровск, Длинный Борок, Немяржанка, Новоселки, Терасполь, Тихая Воля, Тушамля, Язвина. С 31 июля по 19 августа гитлеровцы уничтожили в районе Беловежской пущи (по неполным данным) более 640 человек.

24 сентября – 2 октября 1941 г. каратели провели «акции успокоения» в деревнях Княжицы, Липок, Гусянка, Гришаново, Шапчицы Могилевского района, расстреляв 112 человек. 3 октября они уничтожили 2 тыс. человек из гетто в Могилеве [1, с. 255].

Тяжкие преступления творили оперативные группы (айнзатцгруппы). Они действовали в прифронтовой полосе, а также в ближайшем тылу действующих армий. Это были части специального назначения. В их состав входили сотрудники гестапо, службы безопасности (СД), полевой полиции, офицеры и солдаты войск СС и вермахта. В своем отчете за октябрь 1941 г. айнзатцгруппа «Б», оперировавшая главным образом на территории восточных областей Беларуси, доносила, что ею «за отчетный период было ликвидировано 37 180 человек». Оперативная группа «А» на территории Беларуси с 16 октября 1941 г. по 3 января 1942 г. уничтожила 218 050 человек [1, с. 30]. Группа «В» с ноября по 15 декабря 1942 года уничтожила 134 296 человек. Всего айнзатцгруппы «А», «Б», «В» к концу 1942 г. истребили 389 528 человек (подсчитано Е.А. Соколовой).

С жестокостью, не имевшей пределов, истязали гитлеровцы и их помощники свои жертвы. Изучение документов Чрезвычайной Государственной Комиссии показывает, что большие потери в людях понесли восточные области республики. Например, только в Витебской области за годы оккупации было уничтожено 151 421 человек, в том числе 3 267 детей. В первые дни оккупации Витебска фашисты уничтожили свыше 20 тыс. мирных жителей [20, л. 44].

Массовые расстрелы, сожжение сел и сожжение людей гитлеровцы совершали в сельских районах этой области. На территории Сутокского сельсовета Лиозненского района с июля 1941 г. по октябрь 1943 г. уничтожено 185 человек, из них 126 были сожжены, в том числе 58 детей [20, л. 9].

Массовое уничтожение детей совершалось в концентрационных лагерях. Только в Барановичском лагере смерти было загублено 5 200 детей и подростков. В пересыльном лагере на территории учебного хозяйства «Красный Берег» Жлобинского района в качестве доноров содержали 1 990 детей от 8 до 14 лет. Для этих же целей в деревне Лучицы Копаткевичского района было собрано 130 детей. Более 1 500 подростков было обескровлено в лагере деревни Скобровка Бобруйского района. В Германию было вывезено 24 тысячи детей из Беларуси [4, с. 234].

В начале июля 1941 г. недалеко от Витебска, около деревни Журжево, нацисты осуществили массовую расправу над жителями. Детей бросали в яму живыми, некоторых младенцев фашистские душегубы хватили вдвоем за ноги и разрывали на части [6, с. 59–60].

В сентябре 1942 г. оккупанты расстреляли 100 беспризорных детей Минска в возрасте от 5 до 12 лет и 54 воспитанника Домачевского детского дома. Весной 1943 г. 40 младенцев утопили в колодеце д. Ухвалы Крупского района, а 2 128 детей утопили в реке Свольна, 60 мальчиков и девочек 8–12 лет живыми закопали около деревни Палыковичи Могилевской области. Только в Брестской, Бобруйской, Полоцкой и Полесской областях было повешено, сожжено, расстреляно 63 920 детей [10, с. 180, 254, 270, 303, 320, 328; 14, с. 6].

В процессе расстрела узников лагеря города Барановичи с 23 сентября по 2 октября 1942 г. один из палачей, руководитель расстрелов обершарфюрер Берхард Отто, выхватил за ноги ребенка из рук матери и размозил его голову о телеграфный столб. Жительница ст. Лесная Серафима Юдкевич, которая чудом осталась в живых при этих расстрелах, рассказала ЧГК: «Нас, 42 человека, вывезли на автомашине за ст. Лесная. Среди нас было 19 детей от 8 месяцев до 7 лет. Руководивший расстрелом по имени Роберт приказал всех грудных детей положить на край ямы, а матерям стать возле них. Когда были расстреляны все мужчины и

женщины без детей, то по его команде немцы немедленно штыками сбрасывали детей в яму, а потом убили их матерей» [21, л. 7].

В Гродненской области было зверски убито 3 739 детей, из них только в одном Волковысском районе 1 554. В Полесской области за время оккупации было истреблено фашистами 7 443 детей еврейской национальности, в том числе заживо сожжено 2 403 человека [20, л. 10]. В сентябре 1943 г. немцы расстреляли 150 детей минского детского дома, находившегося на улице Надеждинской.

В начале марта 1944 г. на территории Полесской области фашисты создали концлагерь для мирных жителей, в который в основном направлялись семьи с детьми, их было более 15 тыс. (лагерь «Озаричи», находившийся в Домановичском районе) [1, с. 26].

Зверствам и издевательствам подвергались в годы оккупации все возрастные категории жителей Беларуси: женщины, старики, дети. Страшные трагедии разыгрались в сентябре 1942 г. в Борисовке, Лазовича Гора, Хмелище, Олтуш Ланской и в других белорусских деревнях, что находились почти у самой границы Брестской и Волынской областей. О дикой расправе над жителями Борисовки Малоритского района рассказывает Елена Григорьевна Куликович: «Мы с мужем жили на хуторе, возле деревни. Рядом с нами родители мужа. Ранним утром 23 сентября к нам нагрянули гитлеровцы... Когда нас привели в деревню, там были собраны все жители Борисовки и окрестных хуторов. Недалеко от деревенского кладбища была уже вырыта могила. Там находились одни мужчины. А женщин и детей согнали в одно гумно на окраине деревни. Мужа оставили возле кладбища, я видела, как один из карателей ходил с коробкой, куда складывали деньги и ценности (часы, кольца и др.). Этот же бандит потом пришел к нам в гумно. У женщин также отнимали все ценности и деньги, у кого были серьги – вырывали из ушей, выламывали пальцы и снимали кольца. Затем мы услышали выстрелы возле кладбища. Это расстреливали мужчин.

Спустя некоторое время группами по 20–25 человек начали уводить женщин и детей. Их также раздевали и расстреливали.

В одном углу лежала солома и мякина. Я зарылась в эту кучу. Туда же спряталась моя соседка Бокатюк Евдокия и одна женщина из Дивина по имени Секлита. Нас гитлеровцы не заметили, и никто из уводимых на расстрел женщин не выдал нас. Мы слышали разговор двух женщин, которых уводили последними. Одна из них сказала: “Умирать – так всем”. Но вторая ответила ей: “Молчи, пусть хоть одна душа останется в живых и расскажет людям о наших муках”. Так их и увели. Мы просидели в своем убежище до ночи, а затем убежали в лес. Дома наши все сожгли, а имущество все вывезли в бывшее помещичье имение Мокраны».

Кровавые злодеяния совершили фашисты в ряде районов Гомельской области. Только в Рогачевском, Речицком, Жлобинском и Журавичском районах было расстреляно и замучено более 17 тыс. человек. Деревня Селец Рогачевского района была сожжена вместе с 204 колхозниками, также была уничтожена деревня Филевичи с ее 235 жителями. Всего в районе фашистами было сожжено 72 населенных пункта и погибли 2 153 человека.

О вопиющих фактах жестокости в г. Полоцке дала показания ЧГК во время допроса 19 марта 1945 г. свидетельница Н.И. Метецкая: «20 октября 1942 г. немцы арестовали в городе 700 человек, в том числе и ее с мужем, поместили в лагерь. 4 дня не давали пищи, по 10–15 человек вывозили на расстрел. За полтора месяца моего нахождения в лагере расстреляли 250 человек. Среди расстрелянных был депутат Верховного Совета БССР Матушков Дмитрий».

За годы оккупации Беларуси немецко-фашистскими захватчиками проведено свыше 140 карательных операций, из них «Орел», «Болотная лихорадка», «Герман», «Весенний праздник», «Коттбус», «Отто», «Треугольник», «Франц», «Хрущ» и др. В своем отчете об итогах карательной операции «Герман», проведенной в июле – августе 1943 г. на территории Кореличского, Новогрудского, Ивьевского, Воложинского, Столбцовского и других районов Беларуси, фон Готтберг 20 августа писал, что убито 4 280 человек, взято в качестве рабочей силы 20 944 человек, в том числе 4 178 детей. Каратели нанесли огромный ущерб народному хозяйству республики и ее населению, погубили или увезли на каторги более сотни тысяч людей, грабили, уничтожали запасы продовольствия, сырья, скот и имущество, жгли населенные пункты, многие районы превратили в «зоны пустыни». Только во время карательных операций уничтожено более 5 454 населенных пунктов. Карательные операции на территории Беларуси проводились с самого начала и до конца оккупации республики и коснулись буквально всей ее территории.

Чудовищные злодеяния фашисты творили над евреями и цыганами. Для них в городах создавались гетто. Все попадавшие туда, как правило, уничтожались. Только в Гомельской области были уничтожены 1 500 евреев, в Минской области – 13 264 человек, в Клецком районе Барановичской области были расстреляны 3 374 еврея, в Котельничском – 1 227, Мирском – 2 463 человека. В Брестской области было уничтожено 44 953 еврея [10, с. 299].

В акте Минской ЧГК отмечается, что все еврейское население м. Крупки в количестве 1 900 человек – старики, женщины и дети – были согнаны в район торфяных разработок и расстреляны в двух торфяных ямах. Осенью 1942 г. за кладбищем в яме расстреляны 100 человек, заподозренных в связи с партизанами. В селе Ухвале расстреляны

120 человек. В деревне Куплинка немцы уничтожили 47 человек, а 70 жителей деревни Узнаж заперли в доме и сожгли живьем. Всего по району расстреляно, повешено и замучено 3 531 человек, угнано в немецкое рабство 1 857. Фашисты полностью сожгли 27 деревень, оставили без крова 1 519 семей.

Раскрывая сущность оккупационной политики фашистской Германии на территории Белоруссии, нельзя обойти молчанием одну из зловещих акций оккупантов – насильственный угон сотен тысяч советских людей в немецкое рабство. Применяя в массовом масштабе преступную систему угона людей в Германию, гитлеровское руководство надеялось восполнить образовавшийся недостаток в рабочей силе. Поэтому перед подпольными и партизанскими отрядами ставились задачи по принятию решительных мер к тому, чтобы всячески срывать планы врага по угону местного населения в Германию. Оценивая патриотический подвиг партизан Белоруссии по спасению мирных жителей, газета «Правда» писала, что «они спасли сотни тысяч людей от истребления, от угона на гитлеровскую каторгу» [12]. Состоявшийся в Москве в конце февраля 1943 г. Пленум ЦК КПБ ориентировал подпольные организации и партизанские отряды на то, чтобы уберечь народ от истребления и от насильственного угона в Германию [11, с. 37].

Используя огромный репрессивный аппарат, немецкими властями насильственными методами к декабрю 1942 г. из генерального округа Белоруссии было увезено в Германию на работы 31 803 человека, с территории армейского тыла – 106 773 человека. Насильственно угонялись советские люди из областей Белоруссии, вошедших в другие административные регионы – Восточную Пруссию, рейхскомиссариаты «Остланд» и «Украина», всего – 380 тыс. человек [8]. Многие тысячи и десятки тысяч советских граждан, угнанных в Германию, погибли от холода и голода, непосильного труда. После разгрома гитлеровской Германии в Беларусь возвратилось не более 120 тыс. человек.

В результате разгрома в Великой Отечественной войне Германии планы захвата чужих территорий, порабощения и истребления народов временно завоеванных стран потерпели крах. Разгром гитлеризма, провал экспансионистских колонизаторских планов германского фашизма должен послужить суровым незабываемым уроком истории.

Нынешние и будущие поколения не должны забывать эти трагические страницы истории нашего народа. Нельзя допускать искажения героической борьбы и массового сопротивления всего советского народа фашистской агрессии в годы Великой Отечественной войны. Память жива, пока мы помним, а мы обязаны помнить об этом всегда.

1. Беларусь в Великой Отечественной войне, 1941–1944. – Минск, 1990.
2. Белорусская Советская Энциклопедия : в 12 т. – Минск, 1975. – Т. 8.

3. Боффа, Дж. История Советского Союза : в 2 т. / Дж. Боффа. – М., 1994. – Т. 2 : От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг.
4. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. – Минск, 1985. – Т. 3.
5. Коваленя, А.А. Беларусь в 1939–1945 гг. Война и политика / А.А. Коваленя. – Минск : Веды, 2001.
6. Лобанок, В.Е. До последней капли крови / В.Е. Лобанок. – М., 1972.
7. Мюллер, Н. Вермахт и оккупация / Н. Мюллер – М. : Воениздат, 1974. – 388 с.
8. Звезда. – 1991. – 15 студз.
9. Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии (1941–1944 гг.) / отв. ред. В.Е. Лобанок. – Минск : Беларусь, 1984. – 271 с.
10. Преступные цели – преступные средства: документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). – 3-е изд. – М. : Экономика, 1985. – 328 с.
11. Романовский, В.Ф. Соучастники в злодеяниях / В.Ф. Романовский. – Минск : Беларусь, 1964. – 288 с.
12. Советская Белоруссия. – 1986. – 11 окт.
13. СС в действии. Документы о преступлениях СС. – М., 1960.
14. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Фонд 370. – Оп. 1. – Д. 1264.
15. ГАРФ. – Фонд 4. – Оп. 33а. – Д. 70.
16. ГАРФ. – Фонд 3500. – Оп. 7. – Д. 1308.
17. ГАРФ. – Фонд 7445. – Оп. 1. – Д. 2.
18. ГАРФ. – Фонд 7021. – Оп. 87. – Д. 1.
19. ГАРФ. – Фонд 7021. – Оп. 87. – Д. 123.
20. ГАРФ. – Фонд 7021. – Оп. 84. – Д. 8.
21. ГАРФ. – Фонд 7021. – Оп. 81. – Д. 102.

УДК 94(476)–53.2”1941–1944”(043)

Т.І. БАТАЛКА, В.Я. БЕЗДЗЕЛЬ

Беларусь, Віцебск, ВДТУ

ГЕНАЦЫД ДЗІЦЯЧАГА НАСЕЛЬНІЦТВА НА АКУПАВАНАЙ ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ (1941–1944 гг.)

Вялікая Айчынная вайна ўвайшла ў гісторыю беларускага народа як небывалы па жорсткасці, трагізму і гераізму перыяд барацьбы. Яна закранула кожную беларускую сям'ю, кожнага чалавека, незалежна ад полу і ўзросту. Па гэтай прычыне падзеі 1941–1945 гг. займаюць значнае месца ў калектыўнай памяці беларускага народа. Ваенная праблематыка не губляе сваёй актуальнасці, тым больш, што шэраг праблем і аспектаў гісторыі Беларусі 1941–1945 гг. застаюцца недастаткова распрацаванымі і вывучанымі.

На працягу доўгага часу за рамкамі гістарычных даследаванняў заставаліся праблемы жыццядзейнасці асобных груп грамадства ва ўмовах акупацыі, уздзеяння экстрэмальнага становішча вайны на гэтыя групы, іх роля ў барацьбе з ворагам. Змена метадалагічных парадыгмаў у канцы 1980-х – пачатку 1990-х гг., пашырэнне доступу да архіўных матэрыялаў дазволілі прыступіць да разгляду новых, раней закрытых тэм Вялікай Айчыннай вайны. Вывучэнне гісторыі асобных сацыяльных груп і ацэнка іх месца ў перамозе над фашызмам далі магчымасць больш аб’ектыўна разгледзець ролю моладзі, інтэлігенцыі, жанчын у сацыяльна-эканамічных, ваенна-палітычных працэсах на тэрыторыі Беларусі. Тэндэнцыя да “ачалавечвання” гісторыі вайны садзейнічала звяртанню да ўспрыняцця падзей акупацыі на індывідуальна-асабістым узроўні прадстаўнікоў розных груп грамадства.

Антрапалагічны паварот у гістарычнай навуцы даў магчымасць навукоўцам пераасэнсаваць традыцыйны падыход да некаторых тэм Вялікай Айчыннай вайны, у тым ліку да тэмы “дзеці і вайна”, якая разглядалася ў савецкай гістарыяграфіі пераважна ў кантэксце гераічнай барацьбы савецкага народа супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Разам з тым менавіта ў гістарычных працах таго перыяду быў паказаны масавы характар дзіцячага супраціўлення, аналагаў якому ў гісторыі да гэтага часу не было.

Даследаванне становішча дзяцей ва ўмовах фашысцкай агрэсіі з’яўляецца актуальным, паколькі з тэрыторыі Беларусі паспелі вывезці ў тыл каля 15 % дзяцей да 16 гадоў. Астатнія былі вымушаны разам з дарослымі пераносіць усе цяжкасці акупацыі. Рэалізацыя германскімі ўладамі, мясцовай дапаможнай адміністрацыяй, калабарантамі палітыкі германізацыі і вынішчэння дзяцей розных узростаў і нацыянальнасцей, якую прыкрывалі лозунгамі “вызвалення СССР і БССР ад бальшавізму”, дазваляе гаварыць пра іх непасрэдную адказнасць за невыносныя ўмовы жыцця дзяцей, за разбураныя сем’і, за маштаб генацыду беларускага насельніцтва. Аналіз асноўных напрамкаў дзейнасці фашыстаў у дачыненні да падрастаючага пакалення сведчыць пра наяўнасць спецыяльнай праграмы анямечвання славянскіх, у тым ліку беларускіх дзяцей, як на акупаваных землях, так і ў Германіі. Выкарыстанне гітлераўцамі спецыяльнага тэрміна “бандэр кіндэр” падкрэслівае існаванне для акупантаў дадатковай праблемы ў выглядзе падрастаючага пакалення, што патрабавала правядзення спецыяльнай палітыкі, якая рэгламентавала б розныя сферы яго жыцця.

Нацысцкая мэтанакіраваная палітыка анямечвання і генацыду падрастаючага пакалення была накіравана на дасягненне наступных мэт:

1) не дапусціць ваеннага ўзмацнення суперніка, “воспрепятствовать развитию его биологической силы в будущем” [1, с. 81];

2) прыцягнуць на свой бок як мага больш падлеткаў і моладзі, каб выкарыстаць іх у якасці надзейнай апоры на каланізаваных тэрыторыях;

3) набіраць з ліку дзяцей танную рабочую сілу як для працы на месцы, так і ў Германіі;

4) садзейнічаць забыццю нацыянальных каранёў, ператварэнню дзяцей у паслухмяных рабоў праз правядзенне палітыкі германізацыі;

5) падтрымліваць высокую смяротнасць сярод насельніцтва, у тым ліку і дзяцей, спрыяць зніжэнню нараджальнасці;

6) выкарыстоўваць дзяцей як донараў для нямецкіх салдат, кроў якіх не магла “сапсаваць” арыўскую.

Такія дакументы нацысцкай Германіі, як план “Ост”, “Зялёная папка”, “Карычневая папка”, дырэктывы па “асобай кампетэнцыі СС”, распрацаваныя Г. Гімлерам, уяўлялі сабой праграму паэтапнай эксплуатацыі, каланізацыі і германізацыі тэрыторыі СССР [2, с. 78]. Прадугледжвалася, што насельніцтва будзе падвергнута адбору: выберуць найбольш прыгодных у расавых адносінах, якіх затым асімілююць пераселеныя з Германіі этнічныя немцы. Астатніх чакала смерць або ператварэнне ў паслухмяных рабоў. У 1946 г. на Нюрнбергскім працэсе, дзе былі асуджаны галоўныя нямецка-фашысцкія злачынцы, было дадзена азначэнне паняццю “германізацыя” (анямечванне), што з’яўлялася часткай той палітыкі, якую праводзілі гітлераўцы на захопленых тэрыторыях: “Когда мы говорим о планах германизации, мы имеем в виду планы ассимилирования захваченных территорий экономически, политически и в культурном отношении, втягивания их в орбиту германской империи. Германизация, или онемечивание, означает уничтожение национального характера захваченных территорий и искоренение всех элементов, которые не примут нацистской идеологии” [3, с. 557].

Тэорыя “жыццёвай прасторы”, расавая тэорыя заклалі падмурак для абгрунтавання планаў знішчэння і анямечвання захопленых народаў. Ужо ў маі 1940 г. Г. Гімлер заяўляў, што “процедуру германизации намечено провести путем отбора детей, которые должны отниматься у родителей, получать новое имя, посылаться в Германию и там ассимилироваться” [4, с. 167].

Першыя месяцы вайны паказалі адсутнасць канкрэтна акрэсленых мерапрыемстваў па германізацыі падростаючага пакалення на тэрыторыі Беларусі. Дзейнасць нямецкіх войскаў і загады кіраўніцтва былі накіраваны на масавае знішчэнне грамадзянскага насельніцтва, падаўленне супраціўлення, поўнае падпарадкаванне захопленых зямель. Пра гэта сведчаць і разважанні А. Гітлера наконт партызанскай барацьбы (ліпень

1941 г.), якая давала магчымасць знішчаць усіх, хто аказвае супраціўленне, незадавальненне Г. Гімлера колькасцю забітых мірных жыхароў (жнівень 1941 г.) і яго патрабаванні дзейнічаць больш радыкальна, вытрымкі з дзённіка Э. Гольца пра масавыя забойствы грамадзянскага насельніцтва. Разам з тым мела месца агульная стратэгія паводзін, зададзеная А. Розэнбергам. Так, напрыклад, у цяжкім становішчы апынуліся выхаванцы дзіцячых устаноў, якія ніхто не збіраўся забяспечваць. М. Кузняцоў, які сустрэў вайну ў п'янерскім лагеры, што хутка быў ператвораны ў дзіцячы дом, успамінаў: “Жизнь впроголодь уже с первых недель оккупации побуждала детей к поискам съестного на стороне” [5, с. 86].

Жорсткасць акупацыйнай палітыкі адчулі на сабе і яўрэйскія дзеці. Разам з дарослымі яны накіроўваліся для пастаяннага пражывання на тэрыторыю гета, дзе адсутнічалі элементарныя ўмовы існавання. Яўрэйскіх дзяцей, што знаходзіліся ў дзіцячых установах, ізалявалі ад астатніх. Так зрабілі восенню 1941 г. з выхаванцамі Дамачаўскага дзетдома: 15 дзяцей яўрэйскай нацыянальнасці ва ўзросце ад 2 да 12 гадоў “были изъяты из детского дома и помещены в гетто, а затем 14 из них – расстреляны, и только Ковалеровой Оле 12 лет удалось спастись бегством” [1, с. 220]. Дзеці-яўрэі ўспрымаліся гітлераўцамі як “непрадуктыўныя асобы” (у адрозненне ад дарослай часткі, што была паспяхова задзейнічана на прымусовых работах), якіх прыходзілася яшчэ і карміць. Таму яны, асабліва дзеці-сіроты, станавіліся аб'ектам знішчальнай палітыкі. Так, на тэрыторыі Мінскага гета ў красавіку 1943 г., у час аднаго з пагромаў, быў цалкам выразаны дзіцячы дом на Заслаўскай вуліцы [6, с. 101].

Зусім іншай была палітыка германскіх улад у адносінах да фольксдойчэ і іх дзяцей, асоб нямецкай нацыянальнасці, што пражывалі на тэрыторыі СССР, у тым ліку і ў Беларусі, яшчэ да вайны. Улады адразу адмежавалі гэтую этнічную групу ад астатняга насельніцтва. Пасля праверкі, наколькі яны адпавядаюць “сапраўдным арыяцам”, у залежнасці ад “чысціні крыві” забяспечвалі іх пасадамі ў сістэме кіравання. У параўнанні з астатнім насельніцтвам фольксдойчэ карысталіся шэрагам пераваг: яны атрымлівалі дадатковы паёк, большую зарплату, займалі кіруючыя пасады. Для іх дзяцей адкрывалі спецыяльныя школы, сярод якіх узорнай лічылася школа “Адольфа Гітлера” ў Смалявічах, дзе навучалася 30 дзяцей [7, с. 173]. Улічваючы цікавасць вайсковага кіраўніцтва да працы школы, хутчэй за ўсё дзяцей планавалася выкарыстаць як асабліва палітычна надзейных пры асваенні захопленых тэрыторый. Адкрыццё школ для фольксдойчэ з'яўлялася першачарговай справай. Так, у 1942–1943 гг. працавалі школы ў Мінску, Драздах, Смалявічах, Малым Залуччы, Гародні з агульнай колькасцю 150 вучняў [8, арк. 56]. В. Кубэ патрабаваў прынцыпова пазбягаць таго, каб дзеці нямецкага паходжання з-за адсутнасці магчымасці

наведваць спецыяльную школу накіроўваліся ў беларускую [9, с. 37]. Нацыянальны дэкрэт аб працы абараняў дзяцей-фольксдойчэ, якім не споўнілася 18 гадоў, ад выкарыстання на працы. Германскія ўлады падкрэслівалі прыярытэт інтарэсаў гэтай групы перад астатнім насельніцтвам. Так, для таго каб адкрыць дзіцячы сад для нямецкіх дзяцей, былі вывезены і расстраляны выхаванцы Дамачаўскага дзетдома [7, с. 178].

Асобныя пастановы нацысцкага кіраўніцтва рэгулявалі сферу дзетанараджэння і аховы дзяцінства. Асноўныя палажэнні выцякалі з прынцыпу пра непаўнацэннасць славянскіх народаў СССР. У дакуменце «Заўвагі і прапановы “Усходняга міністэрства” па Генеральным плане “Ост”» гаварылася, што адзін са шляхоў падрыву біялагічнай моцы народа ёсць давядзенне нараджальнасці рускіх да больш нізкага ўзроўню, чым у немцаў. Для дасягнення гэтага прапаноўвалася “не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не разрешать обучение матерей по уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней. ... Не оказывать никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям” [10, с. 132]. На працягу ўсяго перыяду акупацыі пералічаныя палажэнні актыўна рэалізаваліся на практыцы. Так, напрыклад, па прызнанні віцебскага бургамістра Родзкі, смяротнасць сярод выхаванцаў у дзіцячых установах горада дасягнула ў першую акупацыйную зіму 75 % [11, с. 63], а тыя, каму пашчасціла выжыць і дачакацца вызвалення, да сённяшняга часу пакутуюць ад розных хвароб.

Падрастаючае пакаленне ўяўляла сабой значную па колькасці групу акупаванага грамадства, патэнцыял якой можна было выкарыстаць на работах, а пры патрэбнай ідэалагічнай апрацоўцы знайсці сярод іх актыўных прыхільнікаў “новага парадку”. Тым больш гэта было неабходна, паколькі нярэдка партызанам і падпольшчыкам дапамагалі дзеці, якія ўдзельнічалі ў разведцы, зборы зброі. У шэрагу справаздач нямецкіх спецслужбаў адзначалася зручнасць моманту для ідэалагічнага ўздзеяння: у маладога пакалення, выхаванага ў бальшавіцкім духу, утварыўся пэўны ідэалагічны вакуум, які неабходна неадкладна запоўніць, каб моладзі не было часу і жадання ўключыцца ў барацьбу супраць немцаў [12, с. 65].

Нават павярхоўны агляд зместу адукацыйнага працэсу сведчыць пра тое, што праз школьную справу праводзілі анямечванне беларускіх дзяцей. У пачатковай школе дзецям казалі, што І. Сталін загінуў і цяпер “нашым правадыром будзе А. Гітлер”. На нацыянальны заклік “Жыве, Беларусь!” дзеці былі абавязаны прывітаць настаўніка фашысцкім жэстам, які адпавядаў закліку “Хайль, Гітлер”. Асаблівая ўвага звярталася на вывучэнне гісторыі жыцця і дзейнасці фюрэра, яго ролі ў “змаганні” супраць яўрэяў, бальшавікоў, “вызваленні” беларусаў ад камуністычнага прыгнёту [13, с. 172].

Кантролю над дзецьмі і падлеткамі толькі ў школьны час для дасягнення пастаўленай мэты (германізацыі) было недастаткова. Неабходна было наладзіць і пазашкольную дзейнасць, каб ахапіць увесь вольны час дзяцей. Акупацыйныя ўлады адзначалі, што з-за нерэгулярнай працы школ значная частка дзяцей пакінута на волю лёсу, а для арганізацыі іх вольнага часу нічога не робіцца [14, арк. 56, 354]. У перыядычным друку праводзілі думку пра неабходнасць хутчэйшага выратавання дзяцей, сапсаваных бальшавікамі і іх сістэмай выхавання, пачынаючы з ясельнага ўзросту. З пункту гледжання калабарацыянісцкай прэсы, савецкія ўлады пакінулі на беларускіх землях “ребенка физически слабого, нервного, с ленью относящегося к работе, воспринимающего на лету только все поверхностное и легкое”. Тыповай з’явай на вуліцах сталі “семи – восьми и даже пятилетние дети с папиросой во рту” [15, арк. 70зв.]. На думку акупантаў, падлеткі толькі і чакалі магчымасці, каб падмануць ці скрасці што-небудзь, а потым выхваляцца адзін перад адным, у каго лепш атрымалася.

Змены ў маладзёжнай палітыцы, якія закранулі і дзіцячы рух, адбыліся ў другой палове 1942 г., калі А. Гітлер даў згоду на ўтварэнне агульнаеўрапейскага саюза моладзі на ўзор гітлер-югенда. Дзейнасць саюза павінна была распаўсюджвацца і на ўсходнія тэрыторыі, у тым ліку і Беларусь. Яшчэ ў маі 1942 г. А. Аксман (кіраўнік гітлер-югенда) стварыў пры імперскім кіраўніцтве гітлераўскай моладзі галоўны аддзел АФ VI, які займаўся арганізацыяй нацыянальных маладзёжных саюзаў на захопленых тэрыторыях Савецкага Саюза. Са згоды А. Розэнберга пры ўсходнім міністэрстве акупаваных абласцей ужо 1 жніўня 1942 г. было створана Усходняе ўпраўленне імперскага кіраўніцтва моладзі з рэзідэнцыяй у Берліне. Яго ўзначальваў гаўптбанфюрэр Нікэль, а за работу сярод моладзі Беларусі адказваў банфюрэр Мэнцэль. Маладзёжным аддзелам ГКБ кіраваў банфюрэр В. Шульц, яго намеснікам па рабоце сярод дзяўчат была К. Грозман [12, с. 76].

На фоне такіх змен у верасні 1942 г. Н. Абрамава, будучы кіраўнік жаночай філіі Саюза беларускай моладзі, сфармулявала мэты і задачы дзіцячага руху на тэрыторыі ГКБ, абапіраючыся ў першую чаргу на ідэалогію нацыянал-сацыялізму ў спалучэнні з ідэямі нацыянальнага выхавання. Зводзіліся яны да наступных палажэнняў:

“1. Выхаванне свядомых носьбітаў нацыянальнай культуры ў шчыльнай злучанасці з ідэаламі краіны-вызваліцельніцы (Германіі).

2. Прышчапленне пачуццяў маралі і ачышчэнне ідэалогіі ад хамства і распусты – спадчыны сталінскай эпохі – да высокіх ідэалаў сапраўднага нацыянал-сацыялізму.

3. Адшукванне і ўзгадаванне талентаў-самародкаў.

4. Гуртаванне дзяцей па здольнасцях і схільнасцях з тым, каб краіна мела юнацкія кадры, якія ў будучым займуць месца для далейшага прагрэсіўнага поступу краіны.

5. Падрыхтоўка дзіцячай свядомасці да ўтварэння атрадаў падобна гітлераўскай моладзі, першыя звенні якіх магчыма было б фарміраваць з дзяцей рэпрэсаваных у час бальшавізму бацькоў (“палітычных”) і найбольш дысцыплінаваных і паспяховых у вучобе” [16, арк. 27].

Сфармуляваныя задачы можна падзяліць як на ідэалагічныя, так і на тыя, якія развіваюць дзіцячы творчы патэнцыял. Прычым першыя, канешне, мелі прыярытэтны характар. Апору для развіцця руху планавалася шукаць сярод дзяцей рэпрэсаваных бацькоў, тых, хто выходзіў у дзіцячых дамах, тых, чые бацькі супрацоўнічалі з германскай уладай. Рэалізацыя пастаўленых мэт павінна была адбывацца праз “сістэматычную арганізацыю” канцэртаў, ранішнікаў, дзіцячай самадзейнасці. Планавалася ўцягваць дзяцей і ў выкананне грамадска-карысных спраў: абслугоўванне безнаглядных, дапамога шматдзетным (догляд за дзецьмі), паказ сіламі дзіцячай самадзейнасці канцэртаў у лазарэтах і шпіталях для немцаў [16, арк. 27]. Пералічаныя мерапрыемствы капіравалі дзейнасць гітлер-югенда, дзе для мабілізацыі падлеткаў арганізатары карысталіся дзіцячай наўнасцю, самаадданасцю, даверлівасцю, энтузіязмам. Ствараючы адчуванне ўдзелу ў агульнай справе, адначасова выходзілі пакорліваць загадам, разуменне таго, што разам з арганізацыяй – ты ўсё, адзін – ты нішто. У рамках рэалізацыі праграмы дзіцячага руху ў 1942 г. у Баранавіцкай акрузе была створана арганізацыя для школьнай моладзі “Малады дубок”. Яна павінна была “выкарчоўваць усе згубныя ідэі, якія дэмаралізавалі б беларускую моладзь, і знаёміць яе з высокай ідэалогіяй і мараллю сучаснай Нямеччыны” [17, с. 43].

Заклучным этапам маладзёжнай палітыкі стала ўтварэнне 22 чэрвеня 1943 г. з дазволу германскіх улад Саюза беларускай моладзі. Яго арганізацыя з’явілася вынікам шэрагу сацыяльна-эканамічных і ваенна-палітычных абставін, у якіх апынулася нацысцкая Германія. Як лічыць гісторык А.А. Каваленя, СБМ меў паўваенную сутнасць. Бездакорная дысцыпліна і паслухмянасць у адносінах да старэйшых па званні членаў СБМ пры выкананні загадаў рыхтавалі дзяцей і падлеткаў да будучага ўдзелу ў вайне, рыхтавалі як новую анямечаную беларускую эліту [12, с. 184]. Рознай была матывацыя ўступлення ў шэрагі саюзу: частка моладзі сапраўды імкнулася служыць інтарэсам Бацькаўшчыны і змагацца супраць бальшавізму, для большасці ж гэта была магчыма атрымаць дадатковы паёк і форму, што для перыяду акупацыі ва ўмовах збыднення насельніцтва было вельмі істотным. У. Ісаенка, будучы археолаг, які ў гады вайны жыў у Мінску, успамінаў, што парадак уступлення ў СБМ быў

наступны: прыходзіў настаўнік і казаў, што “трэба ўступаць” у СБМ, што члены будуць займацца “культурнымі праграмамі, вывучаць гісторыю, будуць паходы і г.д.” [18, с. 173]. Як падкрэслівае сведка, падлеткам 14–15 гадоў было цікава насіць адрозную ад іншых форму, праходзіць спецыяльнае навучанне або з’ездзіць у Германію, прымаць удзел у культурных мерапрыемствах. Наўрад ці можна гаварыць пра масавы ўдзел падрастаючага пакалення ў СБМ. Колькасць членаў ацэньваецца гісторыкамі прыкладна ў 12 тыс. чалавек [12, с. 152].

Развіццё дзіцячага руху было цесна звязана з падзеямі на фронце. Уцягванне падрастаючага пакалення нібыта ў справу адбудовы Бацькаўшчыны давала магчымасць не толькі фарміраваць патрэбныя погляды, але і выкарыстоўваць дзяцей у працоўнай сферы. Ужо ў пачатку 1942 г. пачалася кампанія па вывазе рабочай сілы ў Рэйх, спачатку добраахвотная, а потым прымусовая. Хаця першыя дакументальныя сведчанні адносяцца да лютага 1942 г., калі дэпартавалі на працу ў Германію 42 выхаванца Козыраўскага дзетдома, аўтары даследавання “Беларускія остарбайтары” лічаць, што праграмы па мэтанакіраваным вывазе дзяцей у гэты час яшчэ не было [19, с. 75].

У 1942 г. вярбоўка ў Рэйх закранула пераважна дзяцей старэйшага школьнага ўзросту: у красавіку 1942 г. выйшаў загад Заўкеля аб мабілізацыі грамадзянскіх кваліфікаваных работнікаў і работніц ва ўзросце ад 15 гадоў для выкарыстання іх на працы ў Германіі; у верасні 1942 г. праводзілася акцыя па вярбоўцы “ўсходніх работніц”, дзяўчын і жанчын ад 15 гадоў. Калі ў канцы 1942 г. стала зразумелым, што фактычна ўсе акцыі па добраахвотным наборам рабочай сілы праваліліся, нямецкія ўлады зрабілі стаўку на прымусовую мабілізацыю падлеткаў і моладзі. Гэта давала магчымасць выканаць устаноўленую А. Розэнбергам квоту для ГКБ: 30 тыс. юнакоў і дзяўчат ва ўзросце 15–18 гадоў, 100 тыс. сямейных рабочых. З ліку апошніх адбіралі толькі працаздольных, да якіх адносіліся асобы ва ўзросце ад дзесяці гадоў [10, с. 210]. Даваўся дазвол на прымяненне на тэрыторыі Беларусі ўсіх магчымых сродкаў, у тым ліку “спецыяльных” мерапрыемстваў. Пад апошнімі разумелі выкарыстанне прымусовых дэпартацый, правядзенне аблаў і зачыстак населеных пунктаў, жыхары якіх падазраваліся ў сувязях з партызанамі. Такім чынам, пачынаючы з вясны 1943 г., праводзіўся мэтанакіраваны вываз дзяцей старэйшага школьнага ўзросту на прымусовыя работы ў Германію нараўне з дарослым насельніцтвам.

Неабходную колькасць падлеткаў і моладзі набіралі пры правядзенні карных экспедыцый супраць партызан. Ужо з восені 1942 г. афіцэрам СД, што дзейнічалі ў раёнах з моцным партызанскім рухам, загадана больш не расстрэльваць насельніцтва, “самое важное теперь – набор рабочих”

[20, с. 382]. Задача захопу працаздольных, у тым ліку дзяцей, заключалася не толькі ў тым, каб выкарыстаць іх на прадпрыемствах Германіі, але і каб шляхам першаснай селекцыі адабраць найбольш прыгодных для асіміляцыі. Для гэтага ствараліся перасыльныя або зборныя лагеры, з якіх адсартаванае насельніцтва адпраўлялі ў Германію.

Свае інтарэсы да дзяцей былі і ў разведслужбаў. З ліку захопленых падчас карных экспедыцый, з ліку дзетдомаўцаў, тых, хто знаходзіўся ў канцлагерах, тых, чых бацькоў рэпрэсавалі, беспрытульных адбіраліся прыгодныя для навучання ў адпаведных школах. У пачатку 1942 г. існавала цэлая сетка такіх разведшкол, у якія немцы набіралі дзяцей ва ўзросце ад 8 да 14 гадоў [18, с. 166]. Так, у верасні 1943 г. з розных дзіцячых дамоў г. Оршы было адабрана немцамі да 70 падлеткаў ва ўзросце ад 11 да 13 гадоў, якіх потым вывезлі ў Германію для навучання ў спецыяльнай школе [21, с. 101]. У якасці аплаты за супрацоўніцтва яны атрымлівалі грошы, прадукты харчавання.

Існаванне шырокай сеткі разведшкол на акупаваных тэрыторыях не толькі Беларусі, але Расіі і Украіны абумоўлена, на наш погляд, масавым беспрытульніцтвам і збядненнем насельніцтва. Дзеці, што страцілі бацькоў, не мелі сродкаў для існавання, не было тых, хто змог бы абараніць іх. Для многіх падлеткаў гэта быў адзіны шанец трапіць за лінію фронту, да “сваіх”. Разам з тым трэба адзначыць, што разведработу немцы праводзілі дастаткова актыўна, і гэта стварала для савецкіх войск пэўныя праблемы.

Захоп вялікай колькасці дзяцей пры барацьбе з партызанамі адпавядаў не толькі вырашэнню пытанняў рабочай сілы, навучання дыверсантаў, але і мэтам германізацыі. 6 студзеня 1943 г. Г. Гімлер падпісаў загад “Об обращении с бандитскими детьми”, які рэгламентаваў адбор “расово полноценных подростков мужского и женского пола” [22, арк. 83] для адпраўкі іх са зборных лагераў у распараджэнне гаспадарчых прадпрыемстваў Германіі ў якасці вучняў. Сістэма працоўнага навучання і перавыхавання была жорсткай і прадугледжвала “послушание, прилежание, безусловное подчинение и честность по отношению к немецким господам” [22, арк. 83]. Дзеці, адарваныя ад сям’і, роднай зямлі, адчувалі на сабе моцнае псіхалагічнае ўздзеянне германскай прапаганды пра немагчымасць вяртання на Радзіму, перамогу Германіі ў вайне з СССР.

Пасля перамогі савецкіх войск на Арлоўска-Курскай дузе рэпрэсіўная палітыка гітлераўцаў дасягнула апагею жорсткасці. 10 ліпеня 1943 г. Г. Гімлер падпісаў загад аб спусташэнні савецкіх тэрыторый [23, с. 186]. Ваенна-палітычнае кіраўніцтва Германіі патрабавала ад ваенных і грамадзянскіх улад зрабіць больш жорсткімі татальныя рабункі, знішчаць населеныя пункты, шырэй прымяняць тактыку “выпаленай зямлі”. Грамадзянскае насельніцтва тэрмінова падлягала эвакуацыі,

перамяшчэнню ў зборныя лагеры і адпраўцы ў Германію. Ачышчаныя тэрыторыі планавалася выкарыстаць у сельскагаспадарчых мэтах, а “детские лагеря расположить на границе этих территорий, так чтобы дети могли быть использованы в качестве рабочей силы” [20, с. 499]. Размова ішла ў першую чаргу пра дзяцей, родзічы якіх былі забіты ў час карных аперацый ці працавалі ў Германіі. Гэты праект падтрымалі імперскія ведамствы, у тым ліку штаб эканамічнай арганізацыі “Усход”. Як адзначаў нямецкі гісторык Н. Мюлер, праграму на практыцы ажыццявіць не змаглі, але дзяцей шырока выкарыстоўвалі на іншых сельскагаспадарчых работах у тылавых раёнах [24, с. 233].

Для “дзяцей бандытаў” (гэта значыць дзяцей, якіх захапілі ў раёнах, дзе быў моцны партызанскі рух, ці тых, каго падазравалі ў сувязях з партызанамі і падпольшчыкамі) ужо з сярэдзіны 1943 г. у Германіі і на тэрыторыі Польшчы меліся лагеры для перавыхавання, у прыватнасці ў Канстантынуве, Любліне (за апошні адказваў обер-групэнфюрэр СС Польшы). Такія дзеянні адпавядалі агучанай Г. Гімлерам у канцы 1943 г. праграме асіміляцыі славянскіх дзяцей: “Нашим долгом будет взять себе их детей для того, чтобы убрать их из нежелательного окружения, и, если будет необходимо, даже просто выкрадывать или отнимать детей насильно. Или мы приобретем хорошую кровь, которую мы сумеем использовать, и дадим ей место среди нашего народа, или мы уничтожим эту кровь. ...Мы будем воспитывать их детей так, как мы хотим сами” [25, с. 564]. Абмяркоўвалася пытанне ўзросту падростаючага пакалення, у якім мерапрыемствы па перавыхаванні дадуць найлепшыя вынікі. Нацысты лічылі, што для перавыхавання найбольш прыдатныя дзеці ад 2 да 10 гадоў, і менавіта іх трэба накіроўваць у Рэйх, паколькі ў дзяцей старэйшага ўзросту дастаткова моцнае пачуццё нянавісці [26, арк. 88]. Пра тое, што гітлераўцаў у большай ступені цікавілі дзеці да 10 гадоў, сведчаць іншыя дакументы германскіх улад. Так, фон Бах (упаўнаважаны па барацьбе з партызанамі) з сярэдзіны 1943 г. патрабаваў штодзённых паведамленняў пра колькасць дзяцей такога ўзросту, захопленых у час карных экспедыцый [27, арк. 199]. Старэйшыя дзеці разглядаліся фашыстамі ў першую чаргу як працоўная сіла і выкарыстоўваліся на прымусовых работах.

Летам 1944 г. вываз дзяцей за межы рэспублікі набыў характар выкрадання. Пры адступленні гітлераўцы, паводле ўспамінаў насельніцтва, прымусова забіралі дзяцей ад 8 да 15 гадоў і накіроўвалі ў спецыяльныя лагеры, якія называліся “юнацкімі паселішчамі”. Бацькам гаварылі, што “гэта робіцца для таго, каб даць дзецям правільнае выхаванне”. У сапраўднасці гэта былі дзіцячыя лагеры для забору крыві і па адпраўцы ў Германію [28, с. 79]. Па прызнанні нямецкіх злачынцаў, зробленых у час правядзення судовага

працэсу ў Мінску ў студзені 1946 г., накірункаў вывазу было некалькі: праз Бабруйскі дзіцячы лагер (500 падлеткаў з г. Петрыкаў, 60 – з в. Макарычы [29, арк. 111, 151]), праз лагер на тэрыторыі вучэбнай гаспадаркі “Чырвоны Бераг” Жлобінскага раёна (1 990 чалавек са Жлобінскага, Добрушскага, Рагачоўскага, Стрэшынскага раёнаў [30, арк. 26]), праз лагер у в. Дваранінавічы за 7 км ад Бабруйска (каля 2 тыс.) [31, арк. 28].

Сацыяльная неабароненасць, экстрэмальныя ўмовы ваеннага часу, адсутнасць мужчынскай дапамогі, збыдненне насельніцтва адбіліся на дэмаграфічным становішчы. Рэальную карціну дзіцячай нараджальнасці і смяротнасці на ўсёй тэрыторыі Беларусі цалкам аднавіць складана. Дэмаграфічныя працэсы можна прасачыць на прыкладзе асобных рэгіёнаў і пэўных храналагічных перыядаў. У сувязі з гэтым увагі заслугоўвае журнал рэгістрыцыі памерлых грамадзян г. Пінска за 1941–1943 гг., які захаваны ў Дзяржаўным архіве Брэсцкай вобласці. Дадзеныя журнала, а таксама звесткі па г. Магілёву за 1942 г. дазваляюць выявіць некаторыя характэрныя рысы працэсаў нараджальнасці і смяротнасці сярод дзяцей у гады вайны.

У журнале зафіксавана 1548 выпадкаў смерці людзей, з якіх 356 чалавек складаюць дзеці (23 % ад агульнай колькасці памерлых). З 356 памерлых 1926–1943 г.н. 220 з’яўляюцца яўрэямі, 121 – неяўрэйскага паходжання (вызначаліся па рэлігійнай прыналежнасці: праваслаўны, католік, евангеліст), на 15 чалавек звестак няма [32, арк. 1–49]. Паказчык смяротнасці за акрэслены перыяд сярод яўрэйскіх дзяцей складаў 64,5 %, а неяўрэйскіх – 35,5 %. Такія суадносіны тлумачацца ўмовамі пражывання ў гета, змяншэннямі хлебных норм і абмежаваным доступам да крыніц набыцця прадуктаў, асабліва ў 1942 г. Згодна з журналам рэгістрацыі, пік смяротнасці сярод дзяцей гета прыйшоўся на перыяд з мая па кастрычнік 1942 г.: памерла 166 чал., прычым дзеці да трох гадоў складалі 72 % ад агульнай колькасці памерлых [33, с. 160]. Сярод прычын смяротнасці найбольш часта называюцца знясіленне арганізму, дыспепсія, розныя страўнікава-кішачныя захворванні. Галоўнымі фактарамі, якія выклікалі пералічаныя хваробы, сталі сістэматычнае недаяданне, недахоп якаснай пітной вады, холад, адсутнасць медыцынскай дапамогі. Неабходна адзначыць, што прычынамі смерці дзяцей 1927–1929, 1932–1933, 1942 гадоў нараджэння былі агнястрэльныя раненні. Па ўспамінах сведак, на тэрыторыі гета паліцэйскія сапраўды забівалі дзяцей, што знайшло сваё адлюстраванне ў дакуменце [33, с. 161]. Нягледзячы на больш спрыяльную сітуацыю для выжывання дзяцей-неяўрэяў (маецца на ўвазе магчымасць бацькоў уладкавацца на працу, атрыманне сацыяльнай дапамогі, наяўнасць агарода), карціна захворванняў і паказчыкі смяротнасці сярод дзяцей неяўрэйскай нацыянальнасці не маюць якасных адрозненняў.

Самыя высокія паказчыкі смяротнасці сярод дзяцей, якія нарадзіліся з 1940 па 1943 гг. Напрыклад, сярод дзяцей г. Пінска 1941 года нараджэння смяротнасць складала 39,3 %. У параўнанні з астатнімі ўзроставымі групамі яны аказаліся найменш жыццяздольнымі ў экстрэмальных умовах вайны. Нельга не сказаць пра згубны ўплыў стрэсаў, якія перажывалі цяжарныя жанчыны ад забойстваў сваякоў, сацыяльнай неўладкаванасці. У журнале рэгістрацыі памерлых у такіх выпадках адзначалася: “без імені”, “мёртванароджаны”, “смерць пры родах”.

Параўнальны аналіз захворванняў дзяцей г. Пінска паказвае, што найчасцей яны паміралі ад страўнікава-кішачных захворванняў, дыспепсіі, а таксама запалення лёгкіх. Пры ўсіх адрозненнях у прычынах, што выклікалі гэтыя хваробы, асноўным было агульнае знішчэнне арганізма. Да гэтага дадаваліся неспрыяльныя ўмовы жыцця: адсутнасць патрэбнага харчавання, адзення, медыцынскай дапамогі, холад.

Узровень нараджальнасці істотна знізіўся, пачынаючы з 1942 г. У другой палове 1941 г., у параўнанні з наступнымі гадамі акупацыі, нараджальнасць была самай высокай, паколькі пасля 22 чэрвеня 1941 г. і да вясны 1942 г. на свет з’яўляліся дзеці, якімі былі цяжарныя жанчыны яшчэ да пачатку вайны. Напрыклад, у Віцебску за перыяд з ліпеня 1941 па ліпень 1942 гг. нарадзілася 1687 чалавек, а за 1942 г. толькі 577 [34, арк. 35; 35, арк. 10зв.]. Гэтым жа можна патлумачыць і такую высокую смяротнасць сярод дзяцей гэтага перыяду (хуткая змена і пагаршэнне ўмоў жыцця, нестабільнасць грамадства).

Вялікая Айчынная вайна, на думку германскага гісторыка Х. Герлаха, стала дэмаграфічнай катастрофай для Беларусі. Такую выснову ён зрабіў абапіраючыся на падлікі стратаў сярод дзяцей да 14 гадоў у раёне Барысаў – Орша – Магілёў, якія складалі 51 %. За 1941–1947 гг. на тэрыторыі Беларусі не нарадзілася каля 800 000 дзяцей [36, с. 1159]. Наколькі істотнымі былі страты сярод дзіцячага насельніцтва, можна таксама прасачыць па змяншэнні колькасці дзяцей школьнага ўзросту (7–15 гадоў). Так, да пачатку Вялікай Айчыннай вайны ў школах Беларусі навучалася 1 826 129 чалавек, на 5 кастрычніка 1944 г. было зарэгістравана толькі 1 222 852 [28, с. 207, 210]. Некаторыя ўяўленні даюць і вынікі перапісу насельніцтва 1959 г. Узрост 13–16-гадовых у 1959 г. адпавядаў народжаным у 1942–1945 гг. Гэта група аказалася значна меншай, чым яна магла б быць пры ўзроўні нараджальнасці як у даваенны час (прыкладна 640 тыс. чалавек). Пра гэта сведчыць і колькасць навучэнцаў першых чатырох класаў у 1950–1954 гг. Па падліках савецкіх навукоўцаў, у гады вайны “неданарадзілася” прыкладна 35 % дзяцей [37, с. 50].

У гады акупацыі дзеці, як і ўсё беларускае грамадства, апынуліся ў складаных умовах існавання. Пазбаўленыя нечакана падтрымкі і апекі

дарослых, дзеці вымушаны былі працаваць дзеля ўласнага выжывання і выжывання сваёй сям'і, клапаціцца пра сябе ў сітуацыі, калі палітыка, якую праводзілі акупанты ў адносінах да падростаючага пакалення, насіла акрэслены характар генацыду, была накіравана на яго германізацыю. Месца дзіцяці ў акупаваным грамадстве і магчымасці на выжыванне вызначаліся не толькі яго этнічнай прыналежнасцю, узростам, але і наяўнасцю бацькоў, іх прыхільнасцю да новай улады, месцам працы. Дзеці калабарантаў, фольксдойчэ мелі лепшае забеспячэнне, наведвалі спецыяльныя школы, не прыцягваліся да прымусовых работ. Пераважная большасць дзяцей разглядалася як аб'ект уздзеяння нацысцкай палітыкі генацыду і германізацыі, як танная рабочая сіла, пры неабходнасці як донары для нямецкіх салдат, фактычна не атрымлівала неабходнага забеспячэння, медыцынскай дапамогі, не мела ўмоў для гарманічнага развіцця.

Дзіцячыя дамы, нягледзячы на адрозненні ў функцыях, сталі зручнай для акупантаў арганізацыйнай формай генацыду дзяцей праз стварэнне невыносных умоў існавання. Там панавалі голад, холад, адсутнічалі элементарныя ўмовы для асабістай гігіены, кваліфікаваная медыцынская дапамога. Законных спосабаў для самастойнага набыцця прадуктаў харчавання ў выхаванцаў не існавала, таму яны кралі, жабравалі, хадзілі па суседніх вёсках у пошуках ежы для сябе і малых, якія не маглі пра сябе паклапаціцца. Спробы апеляваць да вышэйшых інстанцый (якія не былі зацікаўлены ў паляпшэнні становішча выхаванцаў), прыцягнуць увагу грамадскасці (збор ахвяраванняў сярод насельніцтва) поспеху не мелі. Некаторыя дзетдамы былі пераведзены на самазабеспячэнне і самаабслугоўванне за кошт працы выхаванцаў у сельскай гаспадарцы. Гэтым планавалася дасягнуць адразу некалькіх мэт: выкарыстаць танную дзіцячую працу, праз працоўнае навучанне выхоўваць паслухмяных работнікаў.

Такім чынам, палітыка гітлераўскіх улад прывяла да таго, што за 1941–1944 гг. на тэрыторыі Беларусі загінула больш за 166 тыс. непаўналетніх [17, с. 17], а сіротамі засталіся больш за 138 тыс. чалавек, 60 % з якіх дзеці загінуўшых чырвонаармейцаў і партызан.

1. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944 / сост.: З.И. Белуга [и др.]. – Минск : Гос. изд-во БССР, 1963. – 436 с.

2. Безыменский, Л.А. Генеральный план «Ост»: замысел, цели, результаты: новые материалы / Л.А. Безыменский // Вопр. истории. – 1978. – № 5. – С. 74–94.

3. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : сб. материалов : в 7 т. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1959. – Т. 4 : Военные преступления и преступления против человечности / под общ. ред. Р.А. Руденко. – 896 с.

4. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / гл. редкол.: А.Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Ин-т истории партии при ЦК КПБ, 1983. – Т. 1. – 591 с.

5. Кузнецов, М. Это тоже наша история. Национал-социализм глазами малолетнего узника. Исповедь о пережитом / М. Кузнецов. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2004. – 386 с.
6. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Мінска : у 4 кн. – Мінск : БЕЛТА, 2005. – Кн. 4. – 912 с.
7. Тугай, В.В. «Фольксдойче» в Беларуси (1941–1944 гг.) / В.В. Тугай, С.М. Тугай // Славянскі свет: мінулае і сучаснае : матэрыялы рэсп. навук. канф., 26 сак. 2004 г. – Мінск : БДПУ, 2004. – Ч. 2. – С. 166–182.
8. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 58. Переписка с представителем Гражданского управления Белостокского округа, волостными комиссарами Гродненского уезда гродненским бургомистром по вопросу школ для детей немцев и фольксдойче, православной церкви и пропагандистской деятельности Белорусского комитета, об открытии филиала «Украинское общество в Германии» в Гродно и антисоветское воззвание архиепископа Бенедикта.
9. Кривашэй, Дз. З гісторыі фольксдойчэ на Беларусі ў гады Другой сусветнай вайны / Дз. Кривашэй // Наука и инновации. – 2005. – № 3. – С. 33–39.
10. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза : док. и материалы / под ред. и с предисл. П.А. Жилина. – М. : Воениздат, 1987. – 302 с.
11. Шишкова, И. «Дети войны...» По материалам из фондов архива и музея центра «Холокост» г. Москвы и автора книги «Витебское подполье» Н.И. Дорофеенко / И. Шишкова // Дети войны : материалы круглого стола «Детские дома в г. Витебске и Витебской области на временно оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг.», 2005 г. / сост. Д.В. Яковлев. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2007. – С. 62–64.
12. Каваленя, А.А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць / А.А. Каваленя. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 1999. – 260 с.
13. Мігунова, А. Прапагандысцкія аспекты маладзёжнай палітыкі і школьнай справы нямецкай акупацыйнай улады ў Генеральным камісарыяце Беларусь у 1941–1944 гг. / А. Мігунова // Пытанні гісторыі, метадалогіі і метадыкі выкладання / Бел. дзярж. пед. ун-т ім. М. Танка. – Мінск, 1999. – Вып. 1. – С. 167–175.
14. Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці. – Фонд 260. – Воп. 1. – Спр. 45. Отчеты о работе отделов Могилевского горуправления (для полевой комендатуры).
15. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (далей – ДАВВ). – Фонд 2290. – Воп. 1. – Спр. 22. «Новый путь» (Витебск) за 1942 г.
16. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Фонд 370. – Воп. 1. – Спр. 423. Переписка с БНС и окружными комиссариатами об организации библиотек, воспитании белорусской молодежи, организации 1 октября 1942 г. «Праздника урожая».
17. Жылінскі, М.Г. Адукацыя на акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны (чэрвень 1941 – ліпень 1944 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / М.Г. Жылінскі ; Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка. – Мінск, 2002. – 21 с.
18. Ісаенка, У. Жыццё з галавою ў пятлі / У. Ісаенка // АРСНЕ. – 1999. – № 2. – С. 171–184.
19. Белорусские оstarбайтеры : ист.-аналит. исслед. / Г.Д. Кнатъко [и др.] ; под ред. Г.Д. Кнатъко. – Минск : НАРБ, 2001. – 336 с.
20. СС в действии : документы о преступлениях СС / под ред. и с предисловием М. Ю. Рагинского. – М. : Прогресс, 1969. – 624 с.

21. Иоффе, Э.Г. Абвер, тайная полиция и СД, тайная политическая полиция, отдел «Иностранной армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 гг. / Э.Г. Иоффе. – Минск : Харвест, 2008. – 384 с.

22. НАРБ. – Фонд 510. – Воп. 1. – Спр. 56. Документы периода Великой Отечественной войны.

23. Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии (1941–1944) / редкол.: В.Е. Лабанок [и др.]. – Минск : Беларусь, 1984. – 271 с.

24. Мюллер, Н. Вермахт и оккупация (1941–1944) / Н. Мюллер ; под ред. А. Юденкова. – М. : Воениздат, 1974. – 387 с.

25. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : сб. материалов : в 7 т. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1958. – Т. 3 : Военные преступления и преступления против человечности / под общ. ред. Р.А. Руденко. – 815 с.

26. НАРБ. – Фонд 1440. – Воп. 3. – Спр. 1005. Протокол совещания Министерства по оккупированным восточным территориям от 4 января 1943 г. Отчеты, сообщения, телеграммы, и другие материалы оккупантов о хозяйственном положении, партизанском движении, карательных акциях против партизан и населения оккупированных районов.

27. НАРБ. – Фонд 1440. – Воп. 3. – Спр. 930. Приказы, указания, распоряжения, обзоры сил 309-го полицейского батальона, 582 Корюка, высшего начальника СС России и Белоруссии, командующего полиции безопасности и СД, командующего вермахтом «Остланда», отдельной жандармерии.

28. Освобожденная Беларусь. Документы и материалы : в 2 кн. – Кн. 1 : Сентябрь 1943 – декабрь 1944 / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2004. – 398 с.

29. НАРБ. – Фонд 1363. – Воп. 1. – Спр. 597. Дело № 35 по обвинению Вечерик Лео Якоб, Кабичке А.А., Кавальчик В.И., Ион И.Ф. и др. по ч. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19 апреля 1943 г.

30. НАРБ. – Фонд 1363. – Воп. 1. – Спр. 1335. Дело № 1335 по обвинению Ф.Ф. Кох по ч. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19 апреля 1943 г.

31. НАРБ. – Фонд 1363. – Воп. 1. – Спр. 2834. Дело № 114 военнопленного Г.И. Янзен о преступлении, предусмотренном Указом Президиума ВС СССР от 19 апреля 1943 г. по части III-й.

32. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. – Фонд 2120. – Воп. 1. – Спр. 231. Журнал регистрации умерших.

33. Еленская, И.Э. Журнал регистрации умерших жителей Пинска (1941–1943 гг.) как исторический источник / И.Э. Еленская // Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: стан і перспектывы даследавання праблемы : матэрыялы “круглага стала”, Мінск, 22 ліст. 2002 г. / рэдкал.: А.М. Літвін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2005. – С. 158–162.

34. ДАВВ. – Фонд 2290. – Воп. 1. – Спр. 23. «Новый путь» (Витебск). – Т. 2.

35. ДАВВ. – Фонд 2290. – Воп. 1. – Спр. 25. «Новый путь» (Витебск). – Т. 1.

36. Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde : die deutsche Wirtschafts und Vernichtungspolitik in Wessrussland 1941 tis 1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg, 2000. – 1232 s.

37. Шахотько, Л.П. Рождаемость в Белоруссии (социально-экономические вопросы) / Л.П. Шахотько. – Минск : Наука и техника, 1975. – 168 с.

УДК 93/94

Л.П. НИКИТЕНКОВА

Беларусь, Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

**СУДЬБЫ МАЛОЛЕТНИХ УЗНИКОВ НАЦИЗМА
(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ МОЕЙ МАТЕРИ)**

«Как любая очень сложная система, история не только устойчива, но и изменчива. Всякое изменение, сколь бы частным оно не выглядело, модифицирует вероятности всех событий и прослеживается во всех подсистемах» [6, с. 345]. Великая Отечественная война – одна из наиболее трагических страниц истории белорусского народа. Двадцать второе число июньского календаря – особо памятная дата, неизбежно побуждающая к размышлению о минувшей войне. Наверное, ни по одному периоду истории советского общества не издано так много литературы – и научных исследований, и мемуаров, – как по истории Великой Отечественной войны. И вместе с тем практически единодушно мнение, что остро необходимы новые публикации.

«Официальный культ Великой Отечественной войны в Советском Союзе породил и всячески прокламировал общепринятую версию истории войны. Пять десятков лет официально санкционированные воспоминания о войне являлись главной связующей силой в коллективной социальной памяти советского народа. Они скрывали преступления Сталина, прославляя его вклад в победу, и позднее использовались Хрущёвым и коммунистическим руководством, чтобы завоевать общественную поддержку. В результате история войны превратилась в причудливую смесь фактов, лжи и «белых пятен», заслоняющих от народа истину» [2, с. 6]. Поэтому неудивительно, что в перестроечное время получили широкий резонанс книги В. Резуна, более известного как Суворов. «Популярность, завоёванная поверхностным и лживым творением Суворова в России и многих странах Запада, показала, что самая старая и навязная в зубах ложь – всегда самая живучая. Его книги возрождают старые мифы, последовательно и намеренно нагромождают препятствия на пути к истине, вульгаризируя сложную ситуацию» [2, с. 5]. Многовекторность оценок событий Второй мировой войны даже на постсоветском пространстве, не говоря о литературе Запада, стимулирует поиски в данном направлении. Отличительной чертой современной отечественной историографии является анализ вопросов, которые остаются дискуссионными на сегодняшний день, и в предшествующее время мало исследовались и плохо освещались. Среди них можно назвать проблему оккупационного режима и вывоза советских людей на работу в Германию.

Воссоздание исторической правды требует кропотливой работы и привлечения новых данных по проблеме.

Каждое новое поколение пытается осмыслить, понять и дать свою оценку событиям Второй мировой войны. В качестве первоисточников остаются, естественно, документы. Но сегодня очень востребованы материалы устной истории, которые помогают через призму восприятия простым обывателем, современника тех событий, услышать субъективные высказывания. Оценочные суждения участников войны являются устойчивыми впечатлениями, которые сохранились в течение длительного времени в памяти, и, естественно, дополняют широкий диапазон мнений и оценок учёных о событиях военного времени.

Устная история как особое направление исторической науки получила сегодня широкое распространение, потому что созвучна потребности нашего общества изучать недавнее прошлое через призму воспоминаний тех людей, которые были свидетелями и участниками событий прошлого.

Одна из страниц Второй мировой войны, касающаяся людей, угнанных в Германию на принудительные работы, получила освещение только в девяностые годы прошлого столетия. Возросший интерес историков, литераторов к жизни простых людей способствовал появлению воспоминаний тех, о которых раньше и не говорили.

Моя мама, Манцивода Клавдия Константиновна, два года провела в фашистской неволе. Небольшая часть её воспоминаний опубликована в районной газете «Прамень» г. Столбцы, Минской области от 10 апреля 2010 года [3, с. 3]. Девичья фамилия моей мамы – Лебецкая. Родом она из деревни Савичи, которая находится в полутора километрах от сегодняшнего районного центра Дятлово, Гродненской области. Эта территория по условиям Рижского мира 1921 года оказалась в составе Польши. Родилась в семье середняков в 1930 году, была младшей среди трёх сестёр и брата. По её детским воспоминаниям, жили хорошо: имели лошадь, две коровы, семь гектаров земли. Своё хозяйство позволяло продавать излишки на рынке и покупать то, что не изготавливали дома. Постельное бельё, нижнее платье, скатерти, покрывала – всё ткалось по вечерам женской половиной семьи. Покупались шерстяные отрезы на платья двум старшим сёстрам, которые были на выданье (они были 1921 и 1922 года рождения).

В деревне имелась начальная четырёхлетняя школа, её окончили все дети семьи Лебецких. Мой дед, 1900 года рождения, сам закончил церковноприходскую школу в царской России и считал важным дать образование своим детям. Среднее образование можно было получить в Дятлово, и оно было платным. Брата Виктора отправили на учёбу.

Отчётливо помнит мама предвоенное время и то, как в деревне говорили о жизни в коммунистической Белоруссии. Единственная радиоточка была у

старосты, и туда иногда собирались односельчане, чтобы послушать, что происходит там, за восточной границей. Обсуждали полученную информацию, отмечая, что хорошо живётся белорусам на той территории, потому что поют такие хорошие и добрые песни. Хорошо помнит, как радостно встречали Красную Армию в сентябре 1939 года. И как в скором времени оказались недовольны политикой новой власти, которая урезала полевые угодья, шла по пути создания коллективных колхозных хозяйств.

Война на Дятловщину Гродненской области (в начале 1940-х годов это была Барановичская область) пришла уже через неделю после её объявления. Уже в понедельник деревня Савичи, где проживала семья моей матери, была взята немцами без выстрелов. Началась жизнь на оккупированной территории. Так как борьба (подпольная, партизанская) против захватчиков началась сразу же после июньских боевых действий, меры со стороны наступавших принимались суровые. Приказ о коммунистическом повстанческом движении от 16.09.1941 г. гласил: «Следует учитывать, что на указанных территориях человеческая жизнь ничего не стоит, и устрашающее воздействие может быть достигнуто только необычной суровостью» [5, с. 392]. Возмездием за жизнь одного немецкого солдата в таких случаях, как правило, считалась смертная казнь 50–100 коммунистов. А с началом карательных экспедиций против партизан всё местное население находилось в состоянии страха и мрачных ожиданий. Неудивительно, что главной целью находившихся на оккупированной территории людей было желание выжить.

С началом оккупации немецкие власти приступили к использованию трудовых ресурсов белорусских земель. 5 августа 1941 года было опубликовано распоряжение имперского министра по делам оккупированных восточных областей А. Розенберга о всеобщей трудовой повинности. Распространялось оно на население в возрасте от 18 до 45 лет [1, с. 81]. Создавались биржи труда, которые занимались учётом трудоспособного населения, привлекавшегося к принудительным работам. Что касается крестьянского населения, то основная работа их оставалась на своём подворье, в своём хозяйстве, с которого они должны были снабжать гитлеровцев продовольствием. По воспоминаниям матери, трудились в полную силу, чтобы не умереть с голоду, потому что кроме немцев были и партизаны, которые появлялись по ночам, которых нужно было «кормить, поить и с собой давать».

Отправка в Германию молодых людей с оккупированных территорий была предпринята уже в начале 1942 года. Начинали с вербовки на добровольной основе, путём пропагандистских мероприятий, как-то: листовок, плакатов, газет, радиовыступлений и т.д. В связи с тяжёлыми условиями на фронте после ряда крупных поражений в начале 1943 года в

Германии была объявлена тотальная мобилизация людских ресурсов. В марте 1943 года появилось распоряжение немецких властей об увеличении вывоза рабочей силы в Рейх из оккупированных земель [1, с. 140]. Гитлеровцы внезапно окружали деревни и хватали всех жителей трудоспособного возраста. Угон населения увеличился во второй половине 1943 года. Вот тогда и моя мать оказалась в числе тех, кто был отправлен в Германию на принудительные работы. Но об этом этапе её жизни я и мой брат узнали только в конце 1990-х годов.

Мама заговорила об этом периоде своей жизни, когда Германия приняла решение о назначении компенсационной выплаты за принудительный труд в период национал-социализма. И мы, взрослые её дети, услышали, что на два года она была вывезена в Неметчину. Необходимо было собрать документы и предоставить их в образованный в Минске Белорусский республиканский фонд «Узаемаразуменне і прымірэнне». Она отправилась в свои родные места в Гродненскую область, г. Дятлово. В архивах КГБ нашла свои документы. Заручилась письменным подтверждением своего пребывания в Германии на работах двух лиц, которые были вместе с ней вывезены. Благо были живы её односельчане, пострадавшие, как и она, в годы войны. Бумаги были оформлены, отправлены в Минск и 13 августа 2001 года было принято решение о назначении выплат, которые должны проводиться в два этапа после проверки документов представителями Федерального фонда Германии «Память, ответственность и будущее». Суммы выплат до 31.12.2001 года назначались в немецких марках, а с 01.01.2002 года – в евро. На первом этапе мама получила 3 250 немецких марок. Предположительная сумма выплат на втором этапе составила 1 750 евро после установления количества претендентов в Республике Беларусь и Эстонии на получение выплат.

В этом же году, чуть позже, на имя моей матери пришло письмо из Франкфурта-на-Майне от Франца Фрея, заведующего отделом по социальной работе и молодёжи городского совета, где было написано: «В рамках исследования истории периода национал-социализма нахождение и привлечение к труду принудительных рабочих в нашем городе должно занимать соответствующее место – и это является важнейшим стремлением граждан и политических деятелей города Франкфурта-на-Майне.

Франкфуртский городской совет принял решение выплатить каждому лицу, которое было привлечено к принудительному труду на территории города Франкфурта, незамедлительную помощь в размере 1.022,58 (2.000 ДМ). Эта помощь осуществляется независимо от выплат фонда «Память, ответственность и будущее», так что Вы в полной степени правомочны на получение компенсации за период страдания в качестве принудительной рабочей.

Я рад, что от имени города Франкфурта-на-Майне могу Вам сообщить, что в ближайшее время вы получите финансовую помощь. Для этого город Франкфурт-на-Майне заключил с белорусским республиканским фондом «Взаимопонимание и примирение» договорное соглашение о сотрудничестве в рамках осуществления гуманитарных выплат. Согласно § 3 абз. 2 договора выплата незамедлительной помощи может осуществляться только лично Вам через Беларусбанк».

В письме говорилось о возможности получения выплат другим лицом при наличии нотариально заверенной доверенности. Просили о понимании того, что всё это связано с определенными формальностями. Объясняли эту необходимость тем, чтобы конкретное указанное лицо или доверенный человек гарантированно получил сумму выплат. В конце письма были следующие строки: «...незамедлительная помощь города Франкфурта-на-Майне не может, несомненно, компенсировать пострадавшему несправедливость, однако это должно быть подтверждением того, что мы делаем общую историю и готовы тем самым взять на себя ответственность».

Таким образом, инициатива немецкой стороны подняла вопрос белорусских остарбайтеров и вызвала к жизни публикации по малоизученной проблеме Второй мировой войны. Действительно, история государства и общества складывается из отдельных историй простых людей.

Мама вспоминает: «Летом 1943 года немцы начали брать молодёжь на работу в Германию. Прислали карты и в нашу деревню многим ребятам и девушкам, в том числе и моей сестре Елене, чтобы явились в Дятлово на комиссию. Никто из нашей деревни не пришёл в назначенное время, начали прятаться. Через несколько дней чуть свет окружили деревню немцы и полицаи и начали хватать всех, кого нашли. Сначала заходили в те дома, кому были присланы карты. Мои старшие сестры успели спрятаться, а я осталась дома, так как была маленькой, худенькой, и родители не думали, что меня могут забрать. Но немцы, ворвавшись в дом, схватили меня и под дулом пистолета погнали по деревне. Набрав нужное количество народа, отправили под конвоем в Дятлово на приемный пункт, который находился в школе». Двенадцатилетняя девочка оказалась в числе 18 человек, которые были угнаны из её родной деревни в фашистскую неволю.

«Никого к нам не подпускали, так как считали нас арестованными. Немцы нас из дому забрали, в чем мы были одеты. Наши родители собрали кое-какую одежду и хлеб и успели принести нам в Дятлово эти передачи. Нас погрузили в машину и отправили на железнодорожную станцию Новоельня, где перегрузили в телятники, закрыли и повезли». Среди схваченных были две сестры по фамилии Лебецкие, которые маму называли своей двоюродной сестрой, что помогло им в изгнании держаться вместе.

«В Белостоке нам разрешили выйти из вагона, под конвоем сходить по своим нуждам и попить воды и снова загнали в вагон». Действительно, восточные рабочие перевозились в Рейх исключительно в товарных вагонах, и условия транспортировки были ужасные. Пайков не выдавали, питались люди тем, что удалось взять с собой.

«Привезли нас в Германию, на какой-то станции выгрузили и погнали строем по дороге. Было очень тяжело идти. Сами усталые, жаркая погода стояла. Пригнали в распределительный лагерь, который находился в лесу. Там было очень много народу. Прошли санобработку. Нас смазывали какими-то жидкостями, потом мылись в огромной бане под душем. Всю одежду обработали отдельно и возвращали нам. Здесь мы проходили комиссию. Нас фотографировали с номером, который был написан на дощечке. Брали отпечатки пальцев и выдавали на руки карту, кому жёлтую, кому зелёную. А затем по этим картам увозили из лагеря».

Мама попала во Франкфурт-на-Майне в лагерь «Бонамес», где находились пленные разных национальностей: французы, западные и восточные славяне. «В лагере нас зарегистрировали. Выдали латки с надписью «OST», потребовали пришить на все одежды на груди, сказали, что без этой латки мы не должны быть даже в бараке. Выдали карточку на питание на неделю, на которой был написан номер. Мой номер в этом лагере был 3502. Предупредили, что если потеряем карточку, то не получим еду. На ноги выдавали деревяшки-гольцшуи. Подошва – деревянная, толстая с железными гвоздями или шурупами, чтобы не сбивались. Они были очень тяжелые. А одежду привозили, сгружали в кучу (понятно, откуда она бралась), приводили нас, чтобы выбирали, если у кого что порвалось. Распределили по баракам. Комнаты большие, там стояли двухъярусные кровати».

Определили её на работу на фабрику «Люфтфарт». «Каждое утро (видимо, в три часа, потому что песню сочинили «...в три часа я встаю на работу, как не хочется мне вставать...») раздавался свисток, поднимались и шли со своими карточками в столовую. Ложки и миски нам выдали, и мы их должны были носить с собой. На завтрак получали кусочек хлеба и немножко кофе. После еды начиналось построение на работу. Вызывали по номерам, строили в колонну и под конвоем с собаками гнали на фабрику, которая находилась на расстоянии трёх километров от лагеря. Работали в две смены по 12 часов».

Условия жизни белорусских остарбайтеров были различными. Те, кто оказались в трудовых лагерях при заводах и фабриках, были в худшем положении, чем те, которые попадали к бауэрам, или использовались в качестве подсобного персонала в кафе, приютах. Всего в Германии насчитывалось около 500 трудовых лагерей [4, с. 120].

«Я была маленькая, худая двенадцатилетняя девочка. Мне подставляли ящик, чтобы смогла достать до станка. Из железных болванок учили вытачивать детали, пользоваться штангенциркулем. Мастер предложил работу уборщицей служебных помещений и работать только днём под руководством пожилой немки. Когда убирали комнаты и выносили мусорные коши в общую мусорку, то иногда находили среди бумаг кусочки хлеба. Это уже было для нас счастьем. Иногда какая-нибудь немка сунет незаметно бутерброд, чтобы другие не видели. Они не верили, что нас силой забрали из дому, думали, что из России едут добровольно всей семьёй. А когда узнали, что я одна без родителей, то тихо возмущались. Наша немка была очень хорошим человеком. Она каждый день после обеда ходила на немецкую кухню и приносила нам какие-нибудь объедки.

Очень частыми были воздушные налёты. Гудели сирены и нас загоняли в бомбоубежища, которые были около цехов, а в лагере около бараков. Когда бомбили, то всё гудело и тряслось от разрыва бомб и стрельбы зениток. Это ужасное зрелище. Эти гудки тревоги наводили такой ужас, что люди молились о спасении. Пленные в полной мере чувствовали и голод, и тяжёлую работу, и лишения. Очень боялись заболеть. В лагере был отдельный барак с газовой камерой, куда отправляли тех, кто провинился или заболел. Оттуда никто не возвращался».

Весной 1944 года, когда был открыт второй фронт, фабрику эвакуировали во Францию, недалеко от г. Мец. Там жили в лагере за колючей проволокой. «В 12 км от города в горах находились старые укрепления-дзоты, куда и разместили фабричное оборудование. Вначале работали грузчиками. Возили на машинах на станцию, где разгружали вагоны, а вечером привозили назад в лагерь. Здесь вначале было очень плохо с едой, долго не гоняли в баню, так что даже появились вши. Когда заработали станки, кухня, санобработка, тогда немножко стало легче. Здесь не было воздушных налетов».

Мама помогала поварам, что давала ей возможность спастись от голода. Осенью того же года пленных вернули в Германию и погнали на границу с Польшей рыть окопы. Спали не раздеваясь, в хлебах, было очень холодно. Когда приблизился фронт, пленных отправили в Чехословакию в г. Райхенберг. Там жили в лагерях и работали.

«7 мая 1945 года нас подогнали ближе к фронту в какую-то безлюдную деревню. Выдали нам дневной паёк, сказали, чтобы разошлись по домам и не выходили на улицу, потому что, возможно, будет стрельба. Оставили нас одних. Все конвоиры уехали обратно. Мы (около десятка человек из Западной Беларуси) спрятались в подвале отдалённого от улицы дома. Слышали, как гудели мотоциклы, стреляли из пулемётов, но сидели очень тихо, боялись даже заговорить друг с другом. Когда

рассвело, мы вылезли из своего убежища и увидели через окно колонны наших солдат, идущих по улице. Они были усталые, угрюмые, запыханные. Нас освободили 8 мая 1945 г. Одна воинская часть остановилась в этой деревне. Нас накормили. Мы тут же стали собираться идти домой. Нашли детские коляски, оставленные жителями деревни, положили в них свои одёжки, солдатский хлеб и утречком следующего дня, 9 мая, отправились домой. По дороге нам сообщили солдаты о Победе. Перешли через р. Одер по мосту и дошли до г. Ополе. Здесь нас задержали, отвели в комендатуру, допросили, всё подробно записали и прикомандировали к воинской части, которая здесь находилась. Мы целое лето пасли коров, которых собирались гнать в СССР. Кормили нас здесь хорошо, молока хватало. В конце августа вместе с этой частью погнали 500 коров к границе. Днём гнали, а ночью останавливались на привал. Дежурили около коров по очереди вместе с солдатским патрулём. Спали на солдатских повозках. Когда дошли до границы, нас по одному вызывали энкаведисты и под дулом пистолета допрашивали, всё записывали. После проверки нам разрешено было гнать коров дальше. Выдали нам документ, который мы должны были предъявить в органы после прибытия к месту жительства. Около Лунинца нас, жителей Барановичской области, в конце сентября 1945 года отпустили домой».

Из восемнадцати человек в родную деревню вернулось только семь.

Можно согласиться с мнением Е.С. Розенблата и И.Э. Еленской – исследователей по проблеме устной истории жителей Западной Беларуси межвоенного периода и Великой Отечественной войны, что «существует проблема степени откровенности респондентов. Осторожность в выражении собственного мнения, автоцензура, зачастую заставляющая респондента соотносить свой взгляд с официальной точкой зрения (как её представляют для себя пожилые люди), замкнутость и сдержанность, свойственные ментальности белорусов, – всё это затрудняет получение ответов на вопросы...» [7, с. 390]. Даже родной человек, как моя мама, имеющая высшее образование, и то говорила, может, не стоит ту или иную точку зрения афишировать, настолько за годы советской власти корректировались мысли и суждения человека. Вернувшись домой, во всех анкетах, которые необходимо было заполнять при поступлении в Гродненский педагогический институт, при приёме на работу, мама не упоминала о такой стороне своей жизни, как угон в Германию на работы.

После войны жизнь моей мамы сложилась следующим образом. Окончила Гродненский пединститут, вышла замуж и переехала на место жительства в г. Столбцы Минской области. 39 лет проработала учителем математики в школах города, имеет многочисленные награды, грамоты. Возглавляла городскую общественную организацию малолетних узников.

Сегодня – пенсионерка, но продолжает вести активный образ жизни. Выступает на встречах с молодёжью, поёт в церковном хоре.

Воспоминания моей матери – один из примеров непростой судьбы человека, пережившего ужасы войны. Собрать этот неоценимый материал – задача исследователей устной истории. Времени немного, так как малолетних узников остаётся с каждым годом всё меньше, и потеря каждого из свидетелей – это утрата фактов, из которых складывается вся разноликая палитра событий Второй мировой войны.

1. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы : в 2 кн. – Минск, 1996. – Кн. 2.

2. Городецкий, Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз / Г. Городецкий ; пер. с англ. – М., 1999.

3. Жыбуль, С. Са святлом веры / С. Жыбуль // Прамень. – 2010. – № 51–53. – 10 крас. – С. 3.

4. Казак, Е. Белорусские оstarбайтеры: условия жизни и работы в Рейхе / Е. Казак // Преступники, жертвы, герои: Вторая мировая война в белорусской и немецкой памяти. – Брест, 2008. – С. 116–122.

5. Кейтель, В. Размышления перед казнью: воспоминания, письма и документы начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта / В. Кейтель ; пер. с нем. – М., 1998.

6. Переслегин, С. Вторая мировая: война между Реальностями / С. Переслегин. – М., 2006.

7. Розенблат, Е. Образ еврея Западной Белоруссии по материалам устной истории (1920–30-е годы) / Е. Розенблат, И. Еленская // Dzieje – filozofia – życie. Księga jubileuszowa dedykowana profesorowi Ivanowi Akinczycowi w 70. rocznicę urodzin. – Siedlce, 2011. – S. 389–411.

УДК 94 (476) «1941/1945» (043.3)

Т.П. САВЧУК

Беларусь, Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ПАМЯТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В БЕЛАРУСИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Памятники, отражающие историю Великой Отечественной войны, – это, с одной стороны, обращение к индивидуальной и коллективной памяти, направленное на формирование целостного восприятия событий прошлого, а с другой – это воплощение уже сложившихся представлений. С течением времени происходит определённая трансформация взглядов государства и общества на историю Великой Отечественной войны, эволюционируют представления о том, в каких формах и с помощью каких выразительных средств должна транслироваться память о войне.

На протяжении послевоенного времени политика и практика монументального строительства претерпела изменение, что нашло отражение в эволюции от простейших художественных форм первых послевоенных лет к сложным архитектурно-скульптурным ансамблям 1960–1980-х гг. Генезис идейно-тематической концепции, функционального содержания и средств выразительности позволяет выделить несколько этапов проектирования, сооружения и функционирования памятников.

Первый этап – военный (1941–1945 гг.) – характеризуется проектной деятельностью. Военные годы явились той точкой отсчёта, которая положила начало целенаправленной работе в сфере мемориального строительства. Именно тогда проходили первые конкурсы проектов на создание памятников героям Великой Отечественной войны [9, с. 56]. В 1942 г. Союзы советских архитекторов и художников в порядке подготовительной работы провели конкурс на составление проекта-идеи памятника героям Отечественной войны. К разработке организаторами были рекомендованы три основные темы: 1) монументальное сооружение в столице БССР г. Миске – музей Великой Отечественной войны; 2) монумент-памятник герою или группе героев Великой Отечественной войны для любого населённого пункта, знаменательного историческим подвигом; 3) памятник вне населённого пункта, у места стратегического значения, за завоевание или защиту которого были совершены героические подвиги [18, с. 29]. В целом 1942–1945 гг. характеризовались проектным этапом мемориального строительства, во время которого были заложены основные типологические черты будущих памятников.

В годы войны на братских могилах, местах гибели военнослужащих Советской Армии и партизан начали появляться и первые памятники, инициатива сооружения которых исходила, как правило, от местных жителей. Памятники представляли собой пирамидальные или прямоугольные стелы со списками имен ушедших на войну и предназначались для «внутреннего употребления», заказывались на деньги, собранные местными жителями. Они функционировали как могилы-кенотафы с перечислением имен погибших, но без реального погребения, без уточнения национальной принадлежности. К примеру, уже после окончания Великой Отечественной войны 12 декабря 1945 г. Червенским райисполкомом было рассмотрено заявление местных жителей о сооружении памятника погибшим в годы немецкой оккупации евреям. В итоге утвердили макет памятника с надписью «Евреям г. Червеня, погибшим от рук немецких захватчиков 2 февраля 1942 г.» [20, л. 51]. Однако архитектурное управление при СНК СССР не одобрило данный проект. В результате мемориальный знак на могиле жертв

фашизма в г. Червене Минской области был установлен только в 1968 г. [5, с. 618]. Национальность погибших не уточнялась.

Второй этап – первое послевоенное десятилетие (сер. 1940-х – сер. 1950-х гг.) – примечателен непосредственной связью между проектированием и сооружением памятников и работой по восстановлению и реконструкции городов. Законом от 3 июля 1945 г. «Об ознаменовании Победы и увековечении памяти воинов Красной Армии и партизан, павших в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны Советского Союза» [15, с. 328] было принято решение об установке памятников на могилах погибших воинов и партизан, памятника Победы в г. Минске. В первые послевоенные годы Управлением по делам архитектуры были разработаны эскизные проекты намогильных памятников и мемориальных досок, которые положили начало практике тиражирования мемориальных знаков. Областными, городскими и районными Советами депутатов трудящихся, комитетами КПБ был начат процесс учёта воинских захоронений, установления имён и званий погибших, а также переноса индивидуальных могил и объединения их в братские.

Что касается идейного содержания монументального искусства первого послевоенного десятилетия, то основной акцент был сделан на отображении темы Победы, «торжества справедливости и дружбы между народами, скреплённой в огне боёв». В это время в Беларуси доминировали памятники конкретным героям войны. Так, в 1949 г. в г. Барановичи был установлен бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза С.И. Грицевца. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. памятные знаки были установлены на могилах участников партизанского движения на Брестчине: А.Д. Дмитрука (г. Жабинка, 1949 г.), П.Г. Сохащика (д. Гошево Дрогичинского района, 1951 г.), В.С. Клютко (д. Яглевичи Ивацевичского района, 1950 г.) и др. [21, с. 87, 166, 179, 216]. Значимым событием в развитии и популяризации монументального искусства, увековечивающего события Великой Отечественной войны, явилось торжественное открытие в 1954 г. монумента Победы в центре одной из главных площадей белорусской столицы (архитекторы Г. Заборский, В. Король, скульпторы З. Азгур, А. Бембель, А. Глебов, С. Селиханов).

Однако большинство созданных в этот период мемориальных знаков характеризовалось однотипностью и простотой художественного исполнения. Многие из памятников уже тогда трактовались как временные, впоследствии их заменили сооружения из более прочных материалов. Нехватка капитальных материалов и проблемы, связанные с их доставкой в отдельные районы, обуславливали необходимость обращения к имевшемуся повсеместно материалу – дереву. Происходило

своеобразное копирование форм каменных монументов, хотя особенности дерева сказывались на общем решении [22, с. 44]. Серьёзным фундаментом в деле сооружения памятников стал разработанный Управлением по делам архитектуры при Совете Министров БССР «Альбом эскизных проектов намогильных памятников воинам Красной Армии, партизанам и мирному населению, погибшим в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг., и мемориальных досок» [1], в который вошли эскизные решения с подробными чертежами и рекомендациями.

Что касается объектов мемориализации, то основное внимание уделялось сохранению и монументальному оформлению могил военнослужащих Красной Армии и партизан. Проблема сохранения памяти о погибших мирных жителях к середине 1950-х гг. не была окончательно решена. Кроме того, совершенно не затрагивалась тема первых трагических дней Великой Отечественной войны.

Третий этап – вторая половина 1950-х – середина 1960-х гг. Смерть И.В. Сталина, XX съезд КПСС и начало «хрущёвской оттепели» положили начало новому периоду во всех сферах жизнедеятельности советского общества. В 1956 г. было принято решение увековечить память героев Брестской крепости, превратив Цитадель в мемориальный музей, а на её территории воздвигнуть монумент. История работы над мемориальным комплексом «Брестская крепость – герой» сыграла значительную роль в развитии белорусской монументальной скульптуры. Результаты республиканских, всесоюзных открытых и закрытых конкурсов на памятник как бы фиксировали наиболее передовые идеи на каждой стадии проектирования. Второе по значению место на данном этапе после Брестского ансамбля занимает серия памятников в честь героев-комсомольцев, созданная по инициативе ЦК ЛКСМБ. Все памятники были расположены за пределами столицы и областных городов и украшали районные центры, сельскую местность. Всё большее распространение получает символическая скульптура.

Кроме того, в обозначенный период значительно расширяется спектр устанавливаемых мемориальных знаков. Намного смелее, по сравнению с предыдущим десятилетием, стали увековечивать места гибели мирного населения – жертв фашизма. В зависимости от объекта мемориализации можно выделить следующие группы памятников: 1) памятники жертвам фашизма; 2) памятники павшим воинам и партизанам; 3) памятники на местах сражений и героических событий; 4) памятники в честь борьбы белорусского народа в тылу врага; 5) памятники-символы землякам, погибшим за пределами Беларуси [11, с. 172].

Апогеем советской политики мемориализации явилась вторая половина 1960-х – 1980-е гг., которые ознаменовали собой четвёртый этап

политики и практики увековечения. «Именно в этот период складывается официальный ритуал, связанный с освоением и трансляцией идеологических смыслов войны и победы, с оправданием жертвы и установками на дальнейшее мирное развитие... Постепенно отдельные изобразительные типы и составляющие памятника складываются в стандартный мемориальный «тезаурус»... оформляется канон изображения и трактовки солдатского подвига, человеческой жертвы и победы советской идеологии» [10, с. 248].

Вторая половина 1960-х гг. явилась той вехой, которая положила начало качественно новому этапу увековечения, обусловленному рядом факторов. Во-первых, празднование двадцатилетия Победы в Москве было впервые развёрнуто на широчайшем военном материале с использованием различных символических форм и ритуалов, таких как «Минута молчания», «Вечный огонь», праздничный парад, а также произведений литературы, искусства, кино и, конечно, монументальной пропаганды. Во-вторых, постановление ЦК КПБ от 17 января 1966 г. «О дальнейшей работе по увековечению героических подвигов советских людей в период Великой Отечественной войны» [12, с. 150–152] и постановление ЦК КПБ и Совета Министров БССР от 17 мая 1968 г. «О дальнейшем развитии и пропаганде монументального искусства в республике» положили начало широкомасштабному и повсеместному строительству грандиозных памятников и мемориальных комплексов [7, с. 12].

Кроме того, постановлением 1966 г. была создана Республиканская комиссия по увековечению героических подвигов советских людей в период Великой Отечественной войны, чтобы «ничто достойное не осталось без внимания и было должным образом отмечено» [12, с. 152]. 26 декабря 1969 г. Верховный Совет БССР утвердил Закон «Об охране памятников культуры» [16], который стал первым общегосударственным актом в области охраны историко-культурного наследия.

В-третьих, в 1965 г. в соответствии с постановлением ЦК КПБ и Совета Министров БССР от 19 июня 1965 г. № 306 было создано Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры [13, с. 66]. В 1970–1980-е гг. общество представляло собой реально действующую и многочисленную по составу общественную организацию, одной из приоритетных задач которой являлась реализация государственной политики в области увековечения памяти о Великой Отечественной войне.

Однако приходится констатировать, что качество возведённых монументов оставляло желать лучшего. Во многом это обуславливалось тем, что значительное количество памятников было построено по тиражированным проектам либо по проектам местных «умельцев» без

утверждения квалифицированными художественными советами и согласования с Министерством культуры БССР, с управлениями культуры местных Советов. В итоге получалось, что в одном сельсовете устанавливали по 2–3 памятника-близнеца, которые, в основном, представляли собой четырёхугольные обелиски – пирамиды со звездой на верхушке и высотой 2–3 метра [23, л. 22].

После распада Советского Союза и обретения Республикой Беларусь статуса независимого и суверенного государства начался новый период мемориализации Великой Отечественной войны.

Несмотря на то, что современная мемориальная культура базируется на традициях советского времени, тем не менее для 1990–2000-х гг. характерна определённая трансформация «мест памяти», обусловленная прежде всего расширением спектра объектов увековечения и появлением новых трактовок военной трагедии. Так, если в БССР главный акцент в политике увековечения делался на сооружении мемориальных объектов, посвящённых теме Победы, героической стороне войны, то сегодня происходит смещение в сторону репрезентации войны как трагедии народа, отдельно взятого человека. Сохранение памяти о жертвах войны было характерно и для советского периода, только в качестве таковых рассматривалось абстрагированное понятие – «советский народ». Наиболее распространённым художественным решением мемориального знака на местах массового уничтожения являлась скульптура женщины.

Произошедший в последние годы перелом мировоззренческих взглядов и способов их художественной интерпретации нашёл отражение в новых концепциях мемориальных ансамблей, посвящённых жертвам войны. Традиции возведения мемориальных ансамблей и созвучные времени приемы нашли воплощение в мемориале «Красный Берег» (архитектор Л. Левин, скульптор А. Финский, худ. С. Каткова), создание которого длилось 12 лет и завершилось в 2007 г. Мемориал установлен на месте лагеря для детей, которых отправляли в Германию (Жлобинский район, Гомельская область).

Пространство ансамбля трактовано как школьный класс с партами и доской, на которой начертаны слова девочки, узницы лагеря, своей маме. Оптимистический элемент ансамбля формирует галерея рисунков и фигурок, выполненных детьми – узниками лагеря. В целом для мемориала характерен, как точно подмечено А. Шамрук, несвойственный для белорусской мемориальной темы перенос акцента к жизнеутверждающему звучанию [24, с. 89].

В конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. многие памятники советского времени были реконструированы или заменены на новые, которые приобретали более абстрактное, символическое значение. К примеру, памятник (скульптура солдата) на братской могиле советских

воинов и партизан в г. п. Антополь Брестской области, установленный в 1950 г., в 1994 г. был заменён на новый, на вершине которого выполнены три аиста в полёте, а четвёртый – изображён мёртвым. Это сооружение увековечивает память 146 земляков и каждого четвёртого белоруса, погибших в годы Великой Отечественной войны [17, с. 83].

Новой для современной Беларуси является тема сохранения памяти о первых, трагических днях войны, а также проблема увековечения памяти военнопленных. В советское время данный вопрос был практически закрыт и находился за пределами официальной политики увековечения, затрагиваясь только в контексте памяти о жертвах войны. Сегодня военнослужащие, оказавшиеся в годы войны по ряду причин в плену и не предавшие Родину, подлежат увековечению.

В 1993 г. мемориал в память о погибших военнопленных Леснянского лагеря смерти установили в д. Берёзовка Барановичского района [17, с. 46]. Решение мемориального ансамбля «Шталаг 342», возведённого в Молодечно, основано на символике архитектурных форм, выразительности пространственной концепции (архитекторы Л. Левин, И. Дятлов, А. Копылов, В. Кузьмин, Г. Левина, М. Самосюк). Авторами создан образ барака без крыши и окон. Вход осуществляется через узкую щель, по мостику через ров, в котором погибали пленные. Лестница ведёт в небо, которое воспринимается через массивную решётку. Вокруг установлено 226 камней с номерами могил [25, с. 212].

Первые дни войны увековечивает открытый 22 июня 2004 г. в г. Гродно мемориальный ансамбль в память воинов-пограничников Белорусского пограничного округа [6, с. 292]. В том же году в д. Заозерье Бельничского района Могилевской области был установлен памятный знак советским воинам 100-й ордена Ленина стрелковой дивизии, которые погибли в боях, защищая бельничскую землю в июле 1941 г.

Своё разрешение сегодня нашла и проблема мемориализации Холокоста. До начала 1990-х гг. систематической работы по увековечению памяти жертв Холокоста в республике не проводилось. Началась она с появлением еврейского общественного движения. Следует отметить, что монументы на месте гибели жертв Холокоста сооружались и в советское время, однако надпись на памятном знаке не уточняла национальную принадлежность погибших.

Особенно активно ведётся мемориализация жертв геноцида евреев в 2000-е гг. Так, в 2004 г. соорудили памятник в д. Ходосы Жабинковского района Брестской области, в 2005 г. состоялось открытие мемориальных знаков на местах массового уничтожений евреев в Ракове, Вишнево Минской области, Парафьяново Витебской области, установили мемориальные знаки в Новоельне и Дятлово Гродненской области, Смолевичах Минской [2].

К 9 мая 2005 г. была завершена реконструкция памятника «Жертвы фашизма», расположенного у дороги Борисов – Зембин, где похоронены 9,5 тыс. расстрелянных в годы войны узников гетто г. Борисова.

10 октября 2006 г. в д. Грозово Копыльского района Минской области открыли мемориал 454 погибшим евреям. В д. Дараганово Осиповичского района установили памятник 83 еврейским детям, расстрелянным фашистами в годы войны [2]. 22–23 июля 2007 г. были сооружены мемориальные знаки в память о жертвах войны в дд. Бобыничи Полоцкого и Мстиж Борисовского районов, поселке Езерище Городокского района. 16 сентября 2007 г. в г. Слуцке открыли мемориальный знак жертвам Слуцкого гетто. Памятник установлен на месте расположения еврейского гетто в годы оккупации города фашистскими захватчиками и в память о безвинно расстрелянных 3 тыс. жителей района в феврале 1943 г. [14]. В 2008 г. состоялась презентация памятников на местах уничтожения евреев в г. Минске. Один из них – на месте гибели 5000 узников гетто, на бывшем еврейском кладбище. Сегодня увековечено и другое место – в районе Кальварийского кладбища, где было уничтожено почти 15 тыс. узников Минского гетто. Удивительным по философскому решению оказался памятник жертвам гетто в г. Глузске. Там погибли все 3000 живших до войны евреев. Тема решена монументальными средствами: куски довоенной фотографии с изображением еврейской семьи в разбитой раме [8, с. 75].

Из всех воплощенных в жизнь проектов увековечения памяти жертв Холокоста на территории Беларуси центральным можно считать проект Минского мемориала «Яма» (скульпторы Э. Поллак, А. Финский, архитектор Л. Левин, 2000 г.). Мемориальный характер самого места, включение в его структуру обелиска, возведённого в 1947 г. на месте погрома, усиливает психологическое воздействие монумента. Скульптурная группа «Последний путь» установлена вдоль спуска и представляет собой 27 переплетённых между собой фигур-теней, идущих на расстрел [25, с. 212].

Всего, по подсчётам М. Ботвинника, на начало 2000-х гг. в Беларуси насчитывалось 525 памятников Холокоста, в том числе 72 на территории Брестской области, 133 – на территории Минской области, 98 – на территории Витебской области, 90 – на территории Гомельской области, 65 – на территории Гродненской области, 67 – на территории Могилёвской области [3].

Новой тенденцией, характерной для современной мемориальной культуры, является возведение храмов – памятников войны. В 2001 г. состоялось открытие Брестского Свято-Воскресенского собора как храма – памятника Великой Победы в войне 1941–1945 гг. В д. Борки Кировского района Могилевской области на месте гибели 2 тыс. человек в 2004 г. был также возведен православный храм-памятник. Однако наиболее грандиозным памятником такого рода является Храм в честь Всех Святых и в память

безвинно убиенных во Отечестве нашем в г. Минске. 2 июля 2010 г. в крипте храма состоялась церемония захоронения останков трех неизвестных солдат, погибших в сражениях трёх войн – Отечественной войны 1812 г., Первой мировой войны и Великой Отечественной войны [19, с. 1].

В целом, сегодня не существует единого мемориального стиля и все символические системы равны. Искусствоведы, исходя из анализа мировой мемориальной практики, делают попытки прогнозирования развития белорусского монументального искусства. В будущих монументах, посвящённых Великой Отечественной войне, по мнению П. Войницкого, «надо предполагать не обличающую и не осуждающую её трактовку как человеческой трагедии – без акцентов на политические аспекты» [4, с. 51]. Важными качествами мемориалов должны стать информативность и непредвзятость. Памятник должен сообщать факты, а зрителю предлагается самому их оценить, интерпретировать.

1. Альбом эскизных проектов намогильных памятников воинам Красной Армии, партизанам и мирному населению, погибшим в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг., и мемориальных досок / Упр. по делам архитектуры при Совете Министров БССР. – Минск, 1946. – 69 с.

2. Белорусские евреи в Великой Отечественной войне // Посольство Республики Беларусь в Государстве Израиль [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://www.israel.belembassy.org/rus/history/2ww/>. – Дата доступа : 23.08.2011.

3. Ботвинник, М. Памятники геноцида евреев Беларуси / М. Ботвинник. – Минск : Беларус. навука, 2000. – 325 с.

4. Войницкий, П.В. Эволюция мемориалов Великой Отечественной войны на территории Беларуси (современный этап) / П.В. Войницкий // Беларусь в годы Великой Отечественной войны: уроки истории и современность : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 60-й годовщине освобождения Беларуси от нем.-фашист. захватчиков, Минск, 29–30 июня 2004 г. / НАН Беларуси, Ин-т истории ; сост.: Н.С. Сташкевич [и др.]. – Минск, 2004. – С. 118–120.

5. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць : у 2 кн. / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1987. – Кн. 2. – 308 с.

6. Коваленя, А.А. Героизм, мужество, самоотверженность: навечно в памяти народной / А.А. Коваленя // Беларусь, 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память : в 2 кн. / НАН Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А.А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск, 2010. – Кн. 2. – С. 275–330.

7. Лапцевич, Л.Г. Ленинский план монументальной пропаганды в Белоруссии / Л.Г. Лапцевич. – Минск : Полымя, 1984. – 29 с.

8. Левин, Л. К вопросу о мемориализации мест массового уничтожения жертв Холокоста на территории Беларуси / Л. Левин // Уроки Холокоста: история и современность : сб. науч. работ / сост. и ред. Я.З. Басин. – Минск, 2010. – Вып. 3. – С. 174–177

9. Малинина, Т.Г. Из истории мемориального ансамбля, посвящённого событиям Великой Отечественной войны (по материалам архитектурных конкурсов 1942–1945 годов) / Т.Г. Малинина // Труды / Акад. художеств СССР. – М., 1984. – Вып. 2. – С. 56–67.

10. Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре // Рус. журн. [Электронный ресурс]. – 2005. – № 2–3. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/>. – Дата доступа : 02.12.2008.
11. Никитина, В.Б. Военные мемориалы в Белоруссии / В.Б. Никитина, Ю.А. Якимович // История СССР. – 1970. – № 3. – С. 172–178.
12. О дальнейшей работе по увековечению героических подвигов советских людей в период Великой Отечественной войны : постановление ЦК КПБ, 17 янв. 1966 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси 1941–2008 гг. : док. и материалы / сост.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – 304 с.
13. О создании Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры : постановление ЦК КПБ и Совета Министров БССР, 19 июня 1965 г., № 306 // Советское законодательство о памятниках истории и культуры : сб. док. и материалов (1917–1972 гг.) / Ф.Б. Борисевич [и др.] ; под ред. И.Ф. Климова. – Минск : Полымя, 1972. – 472 с.
14. О сохранении исторической правды о жертвах холокоста в Беларуси : пресс-релиз, 11 июня 2008 г. // Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – 2008–2011. – Режим доступа : <http://www.embassybel.ru/news/press-releases/press-reliz-o-sohranении-istoricheskoy-pamjati-o-zhertvah-holokosta-v-belarusi.html>. – Дата доступа : 23.03.2011.
15. Об ознаменовании Победы и увековечении памяти воинов Красной Армии и партизан, погибших в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны Советского Союза : Закон БССР, 3 июля 1945 г. // Сборник законов Белорусской ССР и указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, 1938–1955 гг. – Минск, 1956. – С. 328.
16. Об охране памятников культуры : Закон БССР, 26 дек. 1969 г. // Советское законодательство о памятниках истории и культуры : сб. док. и материалов (1917–1972 гг.) / Ф.Б. Борисевич [и др.]; под ред. И.Ф. Климова. – Минск : Полымя, 1972. – 472 с.
17. Памяць. Беларусь : рэсп. кн. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал.: Б.І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1995. – 624 с.
18. Программа на составление эскиза-идеи памятника героям Отечественной войны, 3 сентября 1942 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси 1941–2008 гг. : док. и материалы / сост.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – 304 с.
19. Прокопьев, Е. Возглашение вечной памяти / Е. Прокопьев // Вестн. мира. – 2010. – № 1. – С. 1.
20. Решения Червенского райисполкома, 20.11.1945–28.12.1945 // Государственный архив Минской области (ГАМО). – Фонд 1236. – Оп. 1. – Д. 20.
21. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора ; редкол.: С.В. Марцелев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелСЭ, 1990. – 421 с.
22. Сергачёв, С. Первые памятники в честь павших героев / С. Сергачёв // Архитектура и строительство. – 2004. – № 2. – С. 42–44.
23. Справки об обследовании состояния памятников истории и культуры за 1969 г. на территории области // ГАБО. – Фонд 155. – Оп. 1. – Д. 24.
24. Шамрук, А. Память о Красном Береге / А. Шамрук // Архитектура и стр.-во. – 2008. – № 7. – С. 88–90.

25. Шамрук, А.С. Тема Второй мировой войны в мемориальных ансамблях / А.С. Шамрук // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 гг. : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 июня 2009 г. / НАН Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: М.В. Мясникович (пред.) [и др.]. – Минск, 2009. – С. 209–213.

УДК 94(47+57)“1941/1944”

О.В. БОГОМАЗ

Беларусь, Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

**УСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Развитие исторической науки в XX столетии привело к появлению целого ряда новых направлений, одним из которых стала устная история. Первоначальное развитие и распространение она получила ещё в конце 1930-х гг. в зарубежной историографии. В белорусской историографии устная история как направление в исследовании повседневной жизни общества начала применяться только в 1990-х гг. Сегодня интерес к повседневной жизни общества возрастает, и здесь устная история играет одну из ключевых ролей в воссоздании полной картины повседневной жизни общества в тот или иной исторический отрезок времени.

В первую очередь история повседневности направлена на описание и анализ явлений быденных: жилище, одежда, семья, досуг, питание, рождение, смерть. Это история «маленьких житейских мирков», поэтому в ходе интервью с респондентами исследователь получает более детализированные сведения обо всех быденных явлениях. Вместе с тем необходимо отметить некоторые особенности интервью.

– Запись воспоминаний проводится спустя несколько десятилетий после произошедших событий, поэтому информация, представленная в интервью, – это наиболее устойчивые события, которые сохранились в памяти респондента.

– Все респонденты, чьи интервью представлены в данной статье, воспроизводят либо свои, яркие, наиболее отчётливо сохранившиеся воспоминания, либо воспоминания своих родителей.

Воспоминания респондентов отображают первоначальную картину первых дней Великой Отечественной войны как среди сельского, так и среди городского населения. Прежде всего это страх за собственную жизнь и жизнь близких, а также постоянный поиск жилья и пропитания.

1. «Я прекрасно помню первый день войны. Я стояла на улице в чистом платье, а в руках был кусок хлеба с маслом, посыпанный сахаром. Это было днём, ничего не предвещало беды. Вдруг ни с того, ни с сего послышался нарастающий гул самолётов, и сразу же я услышала звук разрывающихся снарядов. От неожиданности у меня даже хлеб упал из рук. В этот момент кто-то выстрелил из церкви, видимо по самолётам (они летели очень низко). И сразу же несколько бомб угодило в церковь. Самолёты разбомбили мост над Пиной. Моя семья выбежала на улицу, а вдоль железной дороги уже ехали немецкие мотоциклисты. Так для нас началась война. Хорошо, что мы успели спрятаться в бабушкином доме, потому что при первом же налёте в наш дом упала бомба. От него ничего не осталось, только огромная воронка» [5].

2. «Когда пришли немцы, все люди уходили. Громили. Мы тоже ушли, дошли пешком до Каменца, но потом опять вернулись, ведь жить-то не было где. Тем более, что немцы говорили, что России через 8 дней «капут» будет» [11].

3. «А мы всё своё побрали. А шо у нас тодди було? Беднота була. Хто богаты, то у того шо було, а хто бидны, то не було. Одежки, постилки такие. Сразу объявлы, шо война. Сельсовет був. Сельсовет объявив. И сразу люды попрыготовлялыся, поодевалыся, позабыралы у мешки свое всё богатство. И лошади у каждого были, и у ту лошадь, у воз, наложылы всё, поклалы, и йижа, хто хлиб шэ пик, землянки покопалы, соломы навозылы, да пилновалы, огонь разложили, мужчыны цилу ночь на дворы. Страшно було» [6].

Некоторые респонденты отмечали, что в их местности мало что изменилось или не изменилось совсем:

1. «Наша жыццё амаль не змянілася, сям'я, як і раней, працягвала працаваць на зямлі. Праўда, жылі мы ўжо ў суседзяў, бо немцы занялі нашу хату» [8].

2. «Шла уже вторая неделя войны, но немцев у нас еще не было. В деревне никто не паниковал, не было случая и эвакуации» [2].

Во время войны жители сельской местности практически не имели возможности покупать товары в магазинах, так как все магазины были или закрыты, или сожжены. В основном был натуральный обмен. Есть упоминание о существовании «чёрного рынка».

1. «Ничего не покупали, ведь все закрыто. Продовольствие все свое было» [2].

2. «У населения было все свое, немцы ничего не забрали от крестьян, и поэтому мы могли свободно существовать благодаря своему хозяйству. Были, конечно, и магазины. Магазины были под немецким контролем. Здесь можно было приобрести соль, керосин, одежду, литературу, тетради

и другое. Бывало, что люди обменивались, например: полотно на мыло, соль, керосин и так далее» [7].

3. «Хлеб мы пекли сами с картошки, пшеница. Овощи были свои. Кое-что покупали на “черном рынке”» [11].

4. «Каждая семья выращивала рожь, молотила ее и пекли хлеб. Немцы меняли кусковой сахар у местных жителей на молоко, яйца, хлеб. Мы ничего не покупали, так как немцы закрыли все лавки и магазины. Люди, которые хотели что-нибудь продать, ходили по деревне и предлагали свой товар» [4].

Топливной проблемы в деревне, исходя из ответов респондентов, как таковой не было. Дрова могли заготавливать в лесу. Единственным ограничением был запрет уходить далеко в лес, так как оккупанты опасались, чтобы местное население могло держать связь с партизанами.

1. «Запасы дров у нас были. Их хватало на год. За дровами в лес ходить можно было, но не далеко вглубь леса, так как считали, что можем связаться с партизанами» [3].

2. «Дрова брали у лис, був свой лис и самы заготовлялы, збыралы и шышки для топлива» [9].

3. «Дроў у нас тады хапала. Гэта пры паляках было цяжка – патрэбна было купляць лес і самім загатоўваць дровы, воз дроў каштаваў у сярэднім 5 злотых. А пры немцах была свабода, ім было ўсё роўна, можна было калі хочаш ехаць у лес і нарыхтоўваць дроў колькі хочаш» [8].

Медицинское обслуживание в большинстве случаев было платным, поэтому к врачам обращались только в случае крайней необходимости. В качестве платы за медицинские услуги были деньги и продукты. Поэтому в основном лечились народными средствами: отварами трав, самодельными мазями.

1. «Были у нас немецкие врачи. Прием – курица, яйца. Но лечили неплохо. Существовали и различные профилактические меры от различных болезней, так как ходил тиф, корь, коклюш, многие умирали от дизентерии. Чаще умирали пожилые, молодые были крепче и выживали» [7].

2. «Те, у кого были деньги, обращались в город потому, что немецкие врачи были хорошими специалистами. Кто не мог обратиться, тот лечился самостоятельно.

Инфекционных заболеваний было много (короста, дифтерия, дизентерия), болели как взрослые, так и дети. Заболевали друг от друга. Для лечения применяли самодельные мази. Мазались керосином» [4].

3. «В случае болезни обращались к фельдшеру. Он не уехал. Ну, и сами лечились разными травами» [2].

4. «Медыцынскага абслужвання ны было. Личылыся сами, а як вжэ крэпко захворалы, то йіхалы в Кобрын да прыватнага врача» [9].

В деревне работали школы, однако не все дети имели возможность учиться в силу разных причин. В основном это было связано с тем, что не было обуви, одежды, или приходилось помогать семье по хозяйству. Все респонденты говорили о том, что в школе ничего не изменилось, только в некоторых интервью есть упоминания об антикоммунистической пропаганде, введении в школьную программу немецкого языка.

1. «Школы были. Они размещались по домам. Учителя оставались прежние и обучение уже шло на украинском языке. Были и учебники. Учебники были еще с советского времени плюс новые украинские» [7].

2. «Школы существовал, немцы их не трогали. Я не училась, так как много работы было по дому. Обучение шло на русском языке, однако немецкий язык тоже изучали» [4].

3. «Немцы прышли, то агитацію проводыли, ну, як наглядны пример, в школе на стенке висит портрет Гитлера, портрет Сталина, под ним стишки всякие разные оскорбительные: ни коровы, ни свэнни, тико Сталин на стэни. Ишэ там, шо типа Сталин бэжыть, жыды за ним бежаты, типо прихвостни его, а сзади немцы наступают» [12].

4. «Магчымасць вучыцца была, але я не вучылася. Ніхто ў школу ісці не застаўляў – хто хацеў вучыцца, той вучыўся, а хтосьці не мог пайсці з-за таго, што не маў што апрануць» [8].

Во время войны определённый фон повседневной жизни крестьян составляли отношения между оккупантами и сельским населением и между партизанами и сельским населением. Как правило, респонденты дают неоднозначную оценку как партизанам, так и оккупантам, говоря о том, что отношение и тех и других было разным.

1. «Был один немец – Отто его звали. Он меня все время «тохтер» – дочкой называл. Я ему рассказывала, что у меня есть жених летчик, что пожениться с ним собирались, но он погиб. Врала, чтоб дурного не думали. Отто жалел меня. Заболела желудком. Приехали солдаты с фельдфебелем навестить меня. Принесли сумки с едой. Были, конечно, «гады», но не все!» [11].

2. «Партизаны приходили ночью и забирали все, что было, даже насильно. Они знали, что у кого есть. Днем боялись немцев, ночью – партизанов» [3].

3. «А грабили, грабили. Мадьяры, наши были, передевались в мадьяров тех, позыбыралы, скрыни траслы, всё хозяйство позабирали, шанолivки были, тоже позабирали, всё, всё» [1].

4. «Всяки були. Ну, шэ в Дубравцах, пока мэнэ в Германию не вывезли, то вы знаете, воно тяжело жить. Днём йидуть нимцы на мотоциклах, тылько нимци пойихалы – вжэ идуть партизаны. Открывають, давай кушать, давай выпить. А шэ був в нимцив медведь. Вин був и в

Столповиц тот медвидь, в склепе, яго якость достали с склепа. Люды втыкали, боялися. И после той медвидь зайшов под деревню Панасюки и там ходыв той медвидь. И люды всё втыкили, боялися мэдвэдя. Ну а ён того, я не знаю, что той чоловик робыв, чи на сини робыв. И ён на его напав и задушыв того чоловика. Кричав, кричав: «Людочки, ратуйте меня, ратуйте, мэдвидь мэнэ душыть, ратуйтэ!». Люди боятся подходить. Не так его боятся, як боятся немцув (если бы убили медведя, то немцы бы уничтожили всю деревню). И тоды Пэтро Гарасэмов с собаками пойшов и з факелами, и тоды и побачив, шо з сабаками, и одышов. Зайшли, вын вжэ мёртвы, холодны» [10].

5. «Немцев помню хорошо, они к нам приходили за молоком. Приходили чаще пожилые немцы, просили, чтобы деревенские девушки попели им песни, сами тоже любили петь. В деревне они жили три месяца, никого не трогали, часто приходили офицеры и спрашивали, обижают ли нас немецкие солдаты» [13].

6. «Были партизаны. В их отрядах были люди разных национальностей. Но ничего хорошего о них сказать не могу. До окончания войны о них ничего не было слышно. Никаких военных действий вблизи нашей местности они не совершали. Только после того, как немцев уже погнали к Германии, партизаны посмелели. Каждый день из лесов с. Радостово партизаны на нескольких телегах приезжали в Дивин и обирали дома. Забирали всё, что им нужно было, а кто противился, то могли и убить. Брали посуду, коров, лошадей. У одной женщины выкопали из земли два сундука с одеждой и забрали. Иногда к нам наведывались и бульбаши, украинские партизаны. Но те были справедливыми, даже были случаи расстрела советских партизан (красных партизан) бульбашами за их расправы над местными» [7].

Исходя из собранных интервью, предстаёт общая картина повседневной жизни сельского населения в период немецкой оккупации, можно сказать, что данные и оценка происходивших событий неоднозначна. Тем не менее, материалы устной истории позволяют не только обогатить отечественную науку фактологическим материалом, но и лучше понять изучаемый период.

1. Богомаз О.П., д. Тельмы-1 Брестского р-на, запись воспоминаний 2013 г.
2. Головницкий Л.Д., д. Одрижин Ивановского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2005 г.
3. Гриневич В.П., д. Цна Луинецкого р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2004 г.
4. Кивачук В.И., д. Отчино Малоритского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2007 г.
5. Клундук А.В., г. Пинск Брестской обл., запись воспоминаний 2005 г.

6. Кухарчук М.И., д. Белая Каменецкого р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2013 г.
7. Мишевич С.И., д. Дивин Кобринского р-на на Брестской обл., запись воспоминаний 2006 г.
8. Романович О.Г., д. Мотоль Ивановского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2005 г.
9. Семенюк О.Ф., д. Тевли Кобринского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2004 г.
10. Сергеева О.А., д. Белая Каменецкого р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2013 г.
11. Тарасевич Е.И., г. Брест, запись воспоминаний 2004 г.
12. Трофимук А.В., д. Тельмы-1 Брестского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2013 г.
13. Шевель М.М., д. Тельмы-1 Брестского р-на, запись воспоминаний 2013 г.